

Ирина и Сергей Артёмовы
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮРЯТИН

Ирина и Сергей Артёмовы

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮРЯТИН

Прототипы и прообразы романа
Бориса Пастернака «Доктор Живаго»

Литературно-историческое исследование

В двух томах

Том 1

Менделеевск. Москва
Артёмовы. Собственное издание

2020

УДК 82.091
ББК 83.3 (2 Рос=Рус)6
А 86

Ирина и Сергей Артёмовы

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮРЯТИН

Прототипы и прообразы романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
Литературно-историческое исследование
В двух томах
Т. 1

Артёмовы И. В. и С. А.
А 86 ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮРЯТИН: Литературно-историческое исследование: В 2-х т. Т. 1/Ред. И. В. Артёмова. – Менделеевск, М.: Артёмовы. Собственное издание, 2020. – 456 с.

ISBN 978-5-600-02709-1

Редактор И. В. Артёмова

Авторы используют собственный аналитический метод для поиска прототипов и прообразов романа «Доктор Живаго». Книга написана в жанре детектива, содержит ряд сенсационных открытий, основанных на документальных источниках, и представляет интерес для всех интересующихся творчеством Б. Л. Пастернака.

Книга издана на средства депутата Ленинского городского округа Московской области З. А. Морозовой.

На обложке: работа С. Ю. Политовой «Чудо св. Георгия о змие».

ISBN 978-5-600-02709-1

© И. В. Артёмова. Текст, 2020
© С. А. Артёмов. Текст, 2020
© А. С. Артёмова. Коллажи, обложка, 2020
© Артёмовы. Собственное издание, 2020

Фотоколлаж на титульном листе главы «Варыкино как судьба»:

Верхний ряд слева направо – Богоявленская церковь в Тихих Горах; обложка фотоальбома химических заводов П. К. Ушкова и К^о; Б. Л. Пастернак.

Средний ряд – краеведческий музей города Менделеевска.

Нижний ряд слева направо – мемориальная доска на доме, где с октября 1916-го по март 1917 года жил Б. Л. Пастернак (г. Менделеевск, ул. Ленина, 1); производственные здания Бондюжского химического завода; киоск «Бондюжские хлеба» в Менделеевске.

Глава состоит из оригинальных, впервые высказанных версий. Авторы утверждают, что географическим и историческим прообразом Варыкино стали заводские поселки химических заводов Ушковых – Бондюжский (с 1967 г. – г. Менделеевск, в состав которого вошли д. Мирное Пристанище (Камашево), с. Тихие Горы, д. Бондюга) и Кокшан ©, прообразом Юрятина является Елабуга ©.

В качестве одного из доказательств того, что именно в Менделеевске находятся промышленные объекты, описанные в романе «Доктор Живаго», приводится специально составленная для данной книги карта Бондюжского химического завода и его окрестностей на начало XX века ©.

Авторами документально доказывается, что Пастернака освободил от воинской повинности штабс-капитан И. И. Морев, рассказывается о его судьбе ©.

Уездный город Юрятин

Жизнь распорядилась так, что в конце 1916 года на Бондюжском химическом заводе (ныне – АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова») собрался тесный круг москвичей, среди которых были такие уникальные люди, как Лев Карпов, Борис Збарский и Борис Пастернак. Эта встреча предопределила появление в романе «Доктор Живаго» города Юрятина и имения Варыкино, где пересеклись судьбы Юрия Живаго, Ларисы Гишар, Павла Стрельникова, Анфима Самдевятова и других литературных персонажей.

Борис Леонидович лишь однажды в жизни (с ноября 1916-го по январь 1917 года) работал на крупном промышленном производстве – химических заводах П. К. Ушкова, где вел военно-учетный стол и тесно общался с простыми людьми. События и переживания этих месяцев отражены им в «Записках Патрика» и в романе «Доктор Живаго».

В разных произведениях Бориса Пастернака живут одни и те же литературные персонажи. Например, Женя и Евгения Викентьевна Люверс связывают повести «Детство Люверс» и «Записки Патрика». Братья Александр и Николай Громеко, а также Федор Оstromысленский появляются в «Записках» и в романе «Доктор Живаго». Несмотря на то, что обстоятельства литературной жизни этих и других персонажей не совпадают полностью, можно утверждать, что их прототипами были одни и те же люди.

Но прежде чем рассказать о прототипах героев романа «Доктор Живаго», определим город, ставший прообразом Юрятина. Сопоставив текст «Записок Патрика» и письма Пастернака из Тихих Гор, можно убедиться в том, что уездный город Юрятин в ранней прозе писателя – это город Елабуга Вятской губернии.

Патрикий ездил в Юрятин в «присутствие у воинского начальника», так же как и Борис Пастернак в

Уездное по воинской повинности присутствие в Елабуге.

Порассуждаем. Юрятин, расположенный на берегу реки Рыньвы, впервые появился на страницах повести «Записки Патрика» в главе «Уезд в тылу».

Шла война с Германией. «Несмотря на ранний час, присутствие у воинского начальника было в полном разгаре. На дворе старший из толпы татар и вотяков объяснял, что деревня плетет корзинки под сернокислотные бутылки для Объединения Малояшвинских и Нижневарыньских, работающих на оборону. В таких случаях крестьян по простым заявкам заводов оставляли на месте целыми волостями. <...> За угол от воинского, на Сенной, против собора, был заезжий двор <...>. Был Успенский пост. Больше года не продавали вина в казенных лавках. Но своей тишиной и мрачностью двор выделялся и среди всеобщего потрезвения. Под широкой его крышей тайно промышляли кумышкою»¹.

В этой цитате есть подсказки, позволяющие установить местонахождение Юрятина: город находится в удмуртско-татарском регионе – прикамском уезде Вятской губернии, населенном вотяками (удмуртами) и татарами.

Кумышка (удмуртская самогонка) – водка вотяков. Способам ее изготовления и использования посвящено немало трудов².

Многие исследователи творчества Пастернака пытались ответить на вопрос, почему автор романа «Доктор Живаго» назвал этот город Юрятиным. Как считает Ежи Фарыно, «название города Юрятин содержит в себе повтор имени доктора Живаго Юрий»³.

Мы не согласны с этим утверждением, так как сначала в литературных произведениях Пастернака появился не Юрий Живаго, а Юрятин.

«Записки Патрика» были дописаны Пастернаком в тридцатые годы. Десять лет спустя, работая над романом «Доктор Живаго», Борис Леонидович дал

имя Юрия главному персонажу по уже существующему литературному названию города: Юрятин – город Юрия.

Мы предполагаем, что название уездному Юрятину Борис Пастернак мог дать и по названию речки Юрашки, притока реки Тоймы, по берегам которой расположен Бондюжский химический завод. Борис Леонидович проезжал по мосту через Юрашку, направляясь по военно-учетным делам в Кокшанский завод.

*Дорога из г. Менделеевска в д. Кокшан пересекает реку Юрашка.
Фото И. Артёмовой*

В главе «Храм Просвещения», ссылаясь на текст романа «Доктор Живаго», мы говорим о том, что есть настоящий Юрятин – город Юрия Долгорукого – Москва, и вымышленный Юрятин, у которого несколько прообразов, в том числе и Елабуга.

Распространено мнение, что Юрятин – Пермь.

Мы не спорим с авторами этой версии, однако хотим заметить, что в «Записках Патрика» можно найти

доказательство тому, что это не так. Рассказчик Патрикий, от чьего имени Борис Леонидович ведет повествование, приехав в Юрятин, решил навестить знакомую Евгению Истомину. «Об этой женщине что-то рассказывали. Она была родом из здешних мест, кажется, из Перми, и с какой-то сложной и несчастною судьбою»⁴.

Понятно, что уездный город Юрятин и губернская Пермь для Бориса Пастернака – разные города.

О реке, на берегу которой расположился город Юрятин, Б. Л. Пастернак в «Записках Патрика» сообщал: «Рыньва <...>. Она выходила с севера вся разом, как бы в сознание своего речного имени и тут же, на выходе, в полуверсте вверх от нашего обрыва, задерживалась в нерешительности, как бы проходя на глаз места, подлежащие ее занятию. Каждое ее колебание разливалось излучиной. Ее созерцание создавало заводи. Самая широкая была под нами. Здесь ее легко было принять за лесное озеро. На том берегу был другой уезд»⁵.

*Пристань Тихие Горы.
На высоком берегу видна Богоявленская церковь. Нач. XX в.*

*Вид на Каму (Рыньву) с колокольни храма
Богоявленской церкви в Тихих Горах. 2013 г.*

Фото И. Артёмовой

Кама (Рыньва) в районе пристани Тихие Горы именно такая, какой ее описал Пастернак в «Записках Патрика»: высокий, крутой берег и широкая излучина. В книге о Борисе Збарском, основанной на его воспоминаниях, читаем: «Село [Тихие Горы] располагалось на очень высоком правом берегу Камы, где река образует большую излучину. Напротив находились Бережные Челны»⁶, относящиеся к другому уезду. Сейчас это город Набережные Челны.

В романе «Доктор Живаго» по «Крюгеровскому берегу» «уральской реки Рыньвы» открывалась картина «векового, непроходимого леса, черного как ночь, в который в двух-трех местах вонзается, как бы пырнув его ножом своих изгибов, быстрая река с каменистым дном и высокими кручами»⁷. Данная цитата переключается с тем, что сказано о Тихих Горах в Полном географическом описании России И. Н. Сырнева: «За Тихими Горами <...> правый берег достигает наибольшей высоты и береговые возвышенности почти до самых Челнов носят название Тихих Гор. Местность эта, одна

из красивейших на Каме, воспроизведена на полотне многими художниками. Здесь действительно есть чем залюбоваться: очень высокий, полуобрывистый берег, внизу полукаменистый, со слоями сланца и глины, сразу переходит в зеленеющий скат, покрытый стройными, высокими пихтами, кленами и соснами, которые вперемежку с другими древесными породами поднимаются почти амфитеатром, образуя множество выступов, холмиков и площадок с роскошной зеленью»⁸.

Варыкино и его окрестности

То место, где жил Пастернак с октября 1916-го по март 1917 года, стало прототипом Варыкино, это подтверждает цитата из повести «Записки Патрика» о том, что Малояшвинский и Нижневарынский заводы, выпускающие хлор и хромпик, «находились в двадцати пяти верстах к югу от Юрятина <...>»⁹.

Юрятин – город Елабуга, в 27 километрах от него находится Бондюжский химический завод, где получали хлор. Хромпик выпускал Кокшанский химический завод (28 км от Бондюги). В Кокшане работали также стекольный, кирпичный и керамический заводы.

Вот как в конце XIX века писал об этих предприятиях елабужский мещанин Иван Васильевич Шишкин:

«В уезде Елаб[ужском] существует более 17-ти лет замечательный химический завод <...> почетного гражданина Капитона Яковлевича Ушкова. На этом заводе вырабатываются в большом количестве следующие красильные материалы: хромпик, купоросы, квасцы и кислоты – серная, азотная и соляная и др.; некоторые из этих произведений отправляются за границу, на Запад и в Азию. Вообще все вырабатываемые продукты очень хорошего достоинства, что и доказывается удостоенными на выставках несколькими медалями и Государственным гербом, дарованным заводу»¹⁰.

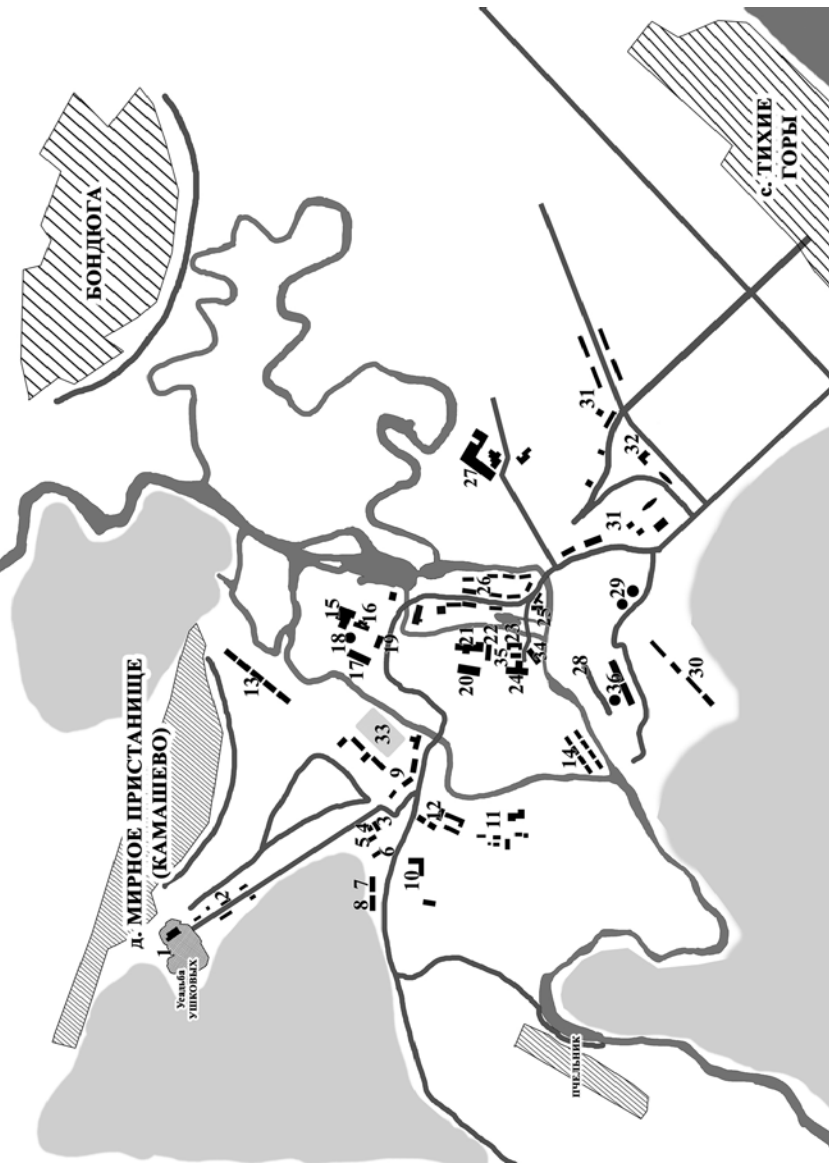
Это была крупнейшая в России химическая империя. Производство строилось на самых передовых на-

учных методах, для чего на предприятие приглашали виднейших ученых-химиков, в том числе Д. И. Менделеева.

«На завод по Каме шли баскунчакская соль из Астрахани, колчедан, хромистые железняки с Урала, красноуфимская белая глина, а также марганец, добываемый на Кавказе, сицилийская селитра, французские бокситы, донецкий уголь, кварц и речной песок, лес и бочковая клепка, кирпич и торф. Более десяти миллионов пудов сырья и различных материалов ежегодно поступали в адрес завода. Для перевозки всех этих грузов Ушковы располагали буксирными пароходами «Техник» и «Химик», а также целым караваном барж – более 30 единиц. Ушковы использовали и наемные [баржи]. Перевозка же материалов с Тихогорской пристани осуществлялась крестьянами соседних деревень. Газета «Вятские губернские ведомости» писала о том, что «заводы Ушкова отличаются образцовой постановкой работы и усовершенствованием своих изделий, идущими все время в уровень с новейшими успехами науки и знания. Мировая общественность, как и Отечество, высоко оценили деятельность П. К. Ушкова»¹¹.

Автор «Записок Патрика» называет Малояшвинский и Нижневарынский заводы Усть-Крымженскими¹², и сообщает, что «приезжая» (дом для приезжающих) «помещалась на выезде, близ нефтехранилища, вынесенного с заводской территории на пустырь, к реке»¹³.

На карте Бондюжского химического завода начала прошлого века под номером 29 указаны нефтяные баки, под номером 25 – заводская контора № 1 с гостиницей для приезжих специалистов на втором этаже здания. На первом этаже разместилась сама контора, в трехэтажной башне и одноэтажной части здания за ней (на снимке не видна) – химическая лаборатория Бориса Збарского и стол (отдел) по освобождению и отсрочкам военнообязанных, который вел Борис Пастернак.

Карта Бондюжского химического завода и его окрестностей.
Составители: Ильясияр Губайдулина, Наталья Потапова, Владимир Аничкин

Обозначения

1. Имение Ушковых.
2. Дома для обслуживающего персонала имения.
3. Дом директора завода.
4. Дом главного инженера.
- 5-8. Дома для инженерного персонала.
9. Казармы для рабочих.
10. Училище (столовая).
11. Бараки и дома для рабочих.
12. Конный двор, засалочная, продуктыевые склады, магазины.
13. Переколодь (бараки).
14. Поселок Якобсона.
15. Цех хлористого кальция.
16. Заводская лаборатория.
17. Сульфатные печи.
18. Труба.
19. Контора № 2.
20. Цех реактивных солей.
21. Силовая.
22. Контора № 3.
23. Театр «Коммуна».
24. Сернокислотный цех (РМЦ).
25. Контора № 1 (с гостиной для приезжих специалистов на 2-м этаже).
26. Бараки для рабочих.
27. Цех хлористого бария.
28. Силикатный цех (труба).
29. Нефтяные баки.
30. Казармы.
31. Барак для рабочих и двухэтажный дом для специалистов.
32. Магазин.
33. Рынок (базарная площадь на ул. Гунина).
34. Склады.
35. Глиноземный цех (склад № 1).
36. Цех производства радия.

Эта памятная часть здания сгорела в двухтысячные годы вместе с заводским архивом.

На фотографии начала 1900-х годов с левой стороны заводской конторы виден купол нефтяного бака, стоящего на другом – левом – берегу Тоймы. Нефтяные баки до сегодняшнего дня не сохранились, а в здании конторы разместился Краеведческий музей города Менделеевска.

*Контора и лаборатория Бондюжского химического завода.
Нач. XX в.*

Фото из музея АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова»

*Нефтяные баки на левом берегу Тоймы. Нач. XX в.
Фото из музея АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова»*

*Контора и лаборатория Бондюжского химического завода,
ныне – Краеведческий музей г. Менделеевска (ул. Гассара, 1).
Фото И. Артёмовой*

*Старинные цехи Бондюжского химического завода
(АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова»). 2013 г.
Фото И. Артёмовой*

*Руины Кокшанского химического завода. 2013 г.
Фото И. Артёмовой*

Общее название заводов – Усть-Крымженские – говорит о том, что они стояли в устье реки Крымжа. Очевидно, что Крымжа в «Записках Патрика» – река Тойма, впадающая в Каму около Елабуги. На карте Бондюжского завода хорошо видно, как причудливо извивается Тойма, по берегам которой находятся производственные корпуса. Для химического производства нужно много воды. Тут она везде.

Один из героев «Записок Патрика» капитан Вяхрищев, военный из Петербурга, состоявший на заводах приемщиком Главного артиллерийского управления, в шутку представлялся то «русским военным атташе на Крымже»¹⁴, «давая понять, что заводы считает самостоятельной державой», то «хлорным, хромпиковым Львом Николаевичем Голоменниковым»¹⁵.

Вероятно, под «Крымже» (то есть – Крым-же) Пастернак имел в виду окруженный со всех сторон рекой Тоймой и ее протоками Бондюжский химический завод. На карте хорошо видно, что очертания этого участка земли очень похожи на абрис полуострова Крым.

Мы выяснили, что в романе «Доктор Живаго» описываются химические заводы Ушковых в Бондюге и Кокшане. Теперь ясно, что татары и вотяки, упоминаемые Пастернаком в «Записках Патрика», плели корзинки под сернокислотные бутылки именно для этих заводов, работающих на оборону. Речь идет о крестьянах деревни Бизяки (12 км от Бондюги), занимавшихся изготовлением корзин из тальника для Бондюжского завода. На этих крестьян Борис Пастернак тоже готовил документы об освобождении от воинской повинности.

*Стеклянные сернокислотные бутылки и корзина под бутылки.
Экспонаты музея АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова».
Фото И. Артёмовой*

Вот как автор «Записок Патрика» изобразил людей, окружавших главного героя: «Кругом были специалисты, выдвинутые на первое место новыми военными требованиями, перед их авторитетом стушевывалось значение властей и владельцев. В большинстве это были люди университетские, по-разному, но все до одного прошедшие школу девятьсот пятого года.

Для примера назову главного директора Льва Николаевича Голоменникова, имя которого, ныне покойного, известно по нескольким институтам, которым оно присвоено»¹⁶.

О директоре заводов Борис Пастернак написал очень кратко: «В студенческие годы он (Голоменников. – *Авт.*) принадлежал к той группе российской социал-демократии, которой суждено было сказать миру так много нового. Однако было бы анахронизмом относить это замечание в нынешнем его значении к тем зимним вечеринкам, на которых принимал или появлялся этот высоченный, рано поседевший и слегка насмешливый человек»¹⁷.

Директором заводов, входящих в «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К^о», работал Лев Яковлевич Карпов. Описание жизни и внешности Голоменникова, черты его характера во многом соответствуют Л. Я. Карпову. Литературному персонажу Борис Пастернак оставил имя его прототипа – Лев. В исследуемом эпизоде мы не будем заострять внимание читателей на личности Карпова – у нас еще появится повод рассказать об этом уникальном человеке более подробно. Отметим только то, что после скоропостижной кончины Льва Карпова в 1921 году его имя было присвоено Бондюжскому химическому заводу, Московскому научно-исследовательскому физико-химическому институту, Московскому химико-фармацевтическому заводу и Петроградскому мыловаренному заводу Петрожиртреста.

Надо сказать несколько слов и об «университетских людях», «прошедших школу девятьсот пятого года». О них писал В. Н. Ипатьев, вспоминая «жизнь одного химика»: «Целый ряд молодых инженеров химиков получили свое техническое крещение на заводах Ушкова; известные впоследствии инженеры С. Д. Шеин и Л. Я. Карпов, которые сыграли большую роль во время революции, свою техническую деятельность начали на Ушковских заводах»¹⁸.

Борис Пастернак в письмах из Тихих Гор (почтовый адрес Бондюжского химического завода) подробно рассказывал родителям и сестрам о своей трудовой деятельности в военно-учетном столе, об общении с татарами и вотяками. Но прежде чем обратиться к корреспонденции Пастернака, выясним, как он там оказался.

Летом 1914 года Пастернак жил на даче у Балтрушайтисов в большом имении на Оке, близ города Алексина. Борис Леонидович занимался школьными предметами с их сыном и переводил для Камерного театра, где Юргис Балтрушайтис работал литературным руководителем, немецкую комедию Генриха фон Клейста «Разбитый кувшин».

В автобиографическом очерке «Люди и положения» Пастернак писал о предвоенном лете: «В июле я ездил в Москву на комиссию, призываться, и получил белый билет, чистую отставку, по укорочению сломанной в детстве ноги»¹⁹.

Мужчины призывного возраста с тревогой ждали повестки не только в России, но и в Германии. Эрих Мария Ремарк, будущий немецкий писатель, призванный в армию и направленный на Западный фронт, через полтора месяца был ранен в левую ногу, правую руку, шею, и провел остаток войны в военном госпитале. В романе «На Западном фронте без перемен», вышедшем в свет в 1929 году и повествующем о жестокостях Первой мировой войны, Ремарк писал: «Мы не надеемся, что все это когда-нибудь кончится. Мы вообще не заглядываем так далеко вперед. Ты можешь получить пулю в лоб, – тогда конец; тебя могут ранить, – тогда следующий этап – лазарет. Если тебе не ампутируют руку или ногу, – тогда ты рано или поздно попадешься в лапы одного из тех врачей в чине капитана и с крестом за военные заслуги в петличке, которые говорят тебе, когда ты приходишь на комиссию: „Что, одна нога чуть-чуть короче? На фронте вам не придет-

ся бегать, если вы не трус!.. Запишем: «годен»... Можете идти!»»²⁰.

Ремарк рассказал один из фронтовых анекдотов о военном враче, который читает на комиссии фамилии по списку и, не глядя на подошедшего, говорит: «Годен. На фронте нужны солдаты». К нему подходит солдат на деревяшке, врач опять говорит: «Годен». И тогда солдат отвечает ему: «У меня уже есть деревянная нога, но если вы меня пошлете на фронт и мне оторвут голову, я закажу себе деревянную голову и стану врачом»²¹. Военно-призывные комиссии в России действовали так же: война требовала пушечного мяса.

Борис Пастернак не хотел идти на фронт. Получить освобождение от призыва он мог, устроившись на завод, работающий на оборону. В этом ему поспособствовал Борис Збарский, руководивший химической лабораторией и хлороформным заводом на Бондюжском химическом заводе.

Переезд Пастернака в Тихие Горы был решен еще летом 1916 года во Всеволодо-Вильве, когда Збарский, распределяя комнаты в будущей квартире, одну из них запланировал для Бориса Леонидовича.

В октябре 1916 года в Бондюжском собралась вся московская компания, ранее жившая в поселке Всеволодо-Вильва (о жизни Пастернака во Всеволодо-Вильве читайте главу «Варыкинская муза Пастернака»).

13 октября 1916 года в письме родителям Пастернак сообщал: «Пока еще не служу, на днях выяснится, на какое я место поступлю, но суть дела уже гарантирована. <...> Ирония судьбы; очень вероятно, что буду вести стол по освобождению и отсрочкам военнообязанных»²².

Приступив к исполнению необычных для него, но очень важных дел, 26 ноября Борис Леонидович писал родителям и сестрам: «С 8-ми утра до 12 часов дня занят в конторе, перерыв дневной уходит у меня на обед и на занятия с маленьким Карповым; отзанимавшись

с ним, еду тут же снова в контору и там до 8-ми, а по средам и четвергам (перед заседаниями Елабужского комитета) и до ночи. Все время провожу в глупом (по роду и качеству работы) и непроизводительном напряжении; в моем ведении всё, касающееся отсрочек и прочих военных отношений 2-х тысяч рабочих и еще больших сотен деревень, работающих от подрядчиков, от обществ и т. д., которых надо отстаивать перед разными земскими и уездными инстанциями, а то их погонят на принудительные работы по Ижевскому казенному заводу (наш сосед). Основной материал, над которым я ношусь *prestissimo* (очень быстро. – *Авт.*) по 9 часов в день, – целые орды татар с тарабарщиной и путаными сведениями на устах и еще более дремучие совершенно отчаянные и безнадежно беловежские пущи татарских каракулей с отчаянно перевранными категориями, годами и т. д.»²³.

Запомним – еженедельно по четвергам и пятницам Борис Пастернак ездил в Елабугу на заседания «Елабужского комитета».

В десятых числах декабря 1916 года (точная дата письма не установлена) Борис Леонидович писал из Тихих Гор: «Дорогие мои! Спешу вас порадовать известием, которого вы никак верно не ждете. Вчера вечером я приехал из Елабуги, где был на переосвидетельствовании, признан был комиссией совершенно неспособным и освобожден навсегда. Для вас это верно явится полнейшей неожиданностью. Дело в том, что по спискам, представленным в комитет, я не прошел, т. е. в отсрочке мне было отказано. Я вам этого не писал, чтобы вас раньше времени не тревожить, и теперь радуюсь, что этого не сделал.

Все это произошло при деятельнейшем и ближайшем содействии Пепы (Б. И. Збарского. – *Авт.*). Мы вместе с ним ездили на 2 дня в Елабугу, ночевали в Ушковской конторе, а на утро ему пришлось не меньшие (если не большие), чем мне, волнения пережить на дворе дворянского съезда, в продолжение тех 2-х

часов, что я ждал своей очереди и подвергался переосмотру»²⁴.

Надо пояснить, что «дворянским съездом» в до-революционные годы являлся Клуб уездного дворянства и купечества, расположенный по ул. Набережной, 98 (ныне – Клуб Елабужского суворовского военного училища МВД России).

Это двухэтажное каменное здание, состоящее из двух домов, соединенных по верхнему уровню переходом, под которым устроена проезжая арка по ул. Набережной, было приобретено Ушковыми у дворян Камашевых в середине XIX века.

Здание было пожертвовано Ушковыми городу и позднее приспособлено под дворянский клуб. Художник И. В. Шишкин писал в 1871 году: «У нас есть клуб, устройство которого и помещение так хорошо и комфортабельно, что поспорит с каким угодно губернским». Весь верхний этаж дома был переоборудован в большой зал, где проходили дамские вечера и танцы²⁵. По всей вероятности, в этом помещении и находилось Уездное по воинской повинности присутствие (военно-призывная комиссия).

В следующем письме родителям, написанном в середине декабря, Борис Пастернак продолжил рассказ о своей работе на химических заводах Ушковых: «Я уже писал вам однажды, что заведу регистрацией военнообязанных. Когда-то, до моего вступления на эту должность, главные служащие конторы во главе с директором хором стонали при каждой новой мобилизации – теперь эту же партию исполняю я соло.

Чепуха это страшная, но рискованная в том смысле, что всех несметных сотен татар, вотяков, башкир и т. д., целыми деревнями закрепощенных новыми видами подучетности и трудовых обязательств, созвать и записать нет возможности, и надо довольствоваться сведениями, сообщаемыми волостными правлениями; это же настолько невдомечная абракадабра подчас, что волосы дыбом становятся, а если и не абрака-

дабра, то груда бессистемных завалов, состоящих не всегда из фамилий, из всевозможных категорий (1 и 2 ополч[ения], флот, белобилетн[ики], новобр[анцы]), всех призывных годов, просроченных, преждевременных, демобилизованных на казенный Ижевский завод и т. д.; среди них есть и призывные 1899 года; есть и буробилетники; есть и «старики на лошадях» и всевозможные Бабаи и Малаи.

Чепуха эта – рискованная и ответственная, говорю я, в том смысле, что за дремучим этим лесом деревьев не видать; а сплошь он – из деревьев состоит. И ясно, что даже и призывной 1899 года – не гоголевская мертвая душа, и не вымыслен, и если из 3-х – 4-х этих тысяч, числящихся в нашем уезде и 2-х – 3-х – в соседних уездах Казанской и Уфимской губ[ерний], пропустишь или ко времени не подашь ходатайства в Комитет хоть на одного; то именно этот один и будет взят в солдаты, и винить будешь в этом себя самого – и к тому же будет это бесчеловечно и несправедливо. Вот сегодня хотя бы, брякнулся один из таких Миннибаев в ноги, чтоб я его на смерть не посылал. Не беспокойтесь. На смерть ему итти не придется. Все, что можно, делаю я, в пределах «законности», как меня просил тот же Миннибай. Но <...> списка именного на собственную мою персону не провели; в отсрочке мне отказали. Но в ней я и не нуждался, имея права на освобождение. Я уже писал вам, что был на переосвидетельствовании и получил окончательный белый билет»²⁶.

Деревня Мирное Пристанище (Камашево), село Тихие Горы, деревня Бондюга в августе 1967 года вошли в состав города Менделеевска, до этого именовавшегося рабочим поселком Бондюжский. Здесь до настоящего времени живут потомки того самого «Миннибая» (Миннибаева), которого Пастернак освободил от призыва на фронт. Для тысяч таких простых людей – «миннибаев» – Борис Леонидович стал спасителем.

В 2013 году в Менделеевске прошла Первая Всероссийская научная конференция «Пастернаковские

чтения». В президиуме на сцене районного Дома культуры присутствовал внук Бориса Леонидовича Борис Евгеньевич Пастернак. Зал был полон. Председатель Попечительского совета Краеведческого музея города Менделеевска, главный организатор и вдохновитель конференции Ильдияр Хабибулловна Губайдуллина рассказала эту историю о Миннибае и сказала: «Миннибаевы, встаньте!». В зале оказались двое потомков того самого Миннибаева. В такие минуты явственно ощущаешь, как все близко и взаимосвязано.

*Б. Е. Пастернак, И. Х. Губайдуллина, С. А. Артёмов.
Первая Всероссийская научная конференция
«Пастернаковские чтения» в Менделеевске. 2013 г.
Фото И. Артёмовой*

За каждого отдельного призывника боролся и главный герой в «Записках Патрика»: «Ошибкой этой партии (толпы татар и вотяков. – *Авт.*) было то, что они сами проявили жизнь и кому-то показались. Их дело затеряли и теперь, тяготясь скучными поисками, гнали на фронт. Хотя в теплом помещении канцелярии признавали их доводы, на дворе их никто не слушал. Мои бумаги оказались в исправности, и статья о килах и грыжах, по которой гулял Демид, также пока еще не оспаривалась»²⁷.

О Борисе Пастернаке напоминает многое в Менделеевске: дом, в котором он жил; здание, в котором он работал; старинные цеха Бондюжского химического завода.

Но главное – люди, хранящие и преумножающие память о Нобелевском лауреате: Ильсияр Губайдуллина, Владимир Аничкин, Наталья Потапова, Ольга Первина. Их энергия и любовь к Пастернаку безграничны. Они проводят различные мероприятия, посвященные Борису Леонидовичу, снимают фильмы, установили мемориальную доску на доме, где жил Пастернак. Они активно помогали нам в написании этой книги. В 2015 году при их содействии в краеведческом музее прошла Международная выставка «Возвращение в Юртин» из галереи Зайдель (Кёльн, Германия), где были представлены работы девяти художников из Германии, Голландии и Грузии.

В Менделеевске есть, наверное, единственное в мире антикафе «Доктор Живаго».

*День памяти Б. Л. Пастернака в Менделеевске. 30 мая 2019 г.
Фото И. Артёмовой*

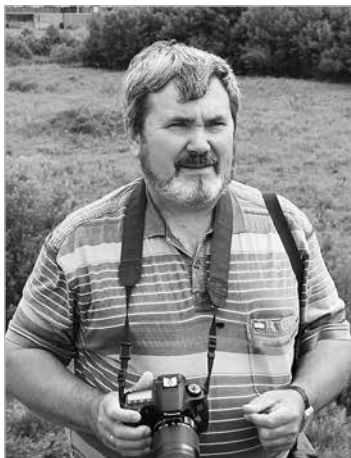

*Международная художественная выставка
«Возвращение в Юртин» (галерея Зайдель, Кёльн)
в Краеведческом музее г. Менделеевска. Июль 2015 г.
Слева направо: Владимир Аничкин, Татьяна Строганова,
Ольга Первина, Галина Зайдель, Зильке Хаазе,
Юрген Умлауфф.
Фото И. Артёмовой*

*Антикафе «Доктор Живаго».
Город Менделеевск,
ул. Октябрьская, 16, 2-й этаж.
Фото И. Артёмовой*

Владимир Аничкин

Ильсияр Губайдуллина

Ольга Первина

Наталья Потапова

Фото И. Артёмовой

Благодетель Иван Морев

Дополнительные подробности о том, как ему удалось полностью освободиться от военной службы, Борис Пастернак сообщил отцу в новогоднем письме: «Когда я голый стоял перед приемочной комиссией, некоторые из членов ее стали бормотать: «Пастернак, Пастернак..?», что-то припоминая. (Что, я потом как-нибудь расскажу.) – Резкий конец этому бормотанью положил молодой военный врач в форме, бросив в сторону всех этих усов, эполетов и гражданских воротников сухо и отрывисто – «это знаменитый русский художник» <...>. «Да» – согласился я с ним и тут же прибавил: я – его сын. Тут этот военный мною завладел окончательно, стал меня класть, мерить, находить какие-то атрофии и т. д. и очень торопился, потому что городской врач (тот, кому было замолвлено словечко), паршивый старик а la Котик, к крайнему моему удивлению и ужасу, стал протестовать, говорить о каких-то уничтоженных статях, о неправильности и т. д.

А этот военный врач, даже на врача и не похожий, а скорее на офицера <...>, – вселивший в меня немало опасений в тот миг, как я его за столом увидал, офицер этот, ничего обо мне не знавший, – меня все-таки отстоял; и сделало это только твое имя, папа. Эта подробность сообщила совсем особую восхитительность всему происшедшему; я ощутил в себе поток самой нервной какой-то признательности к этому молодому офицеру с таким открытым лицом, за то, что он знает тебя. Мне хотелось познакомиться с ним потом; но лошади были поданы, и надо было до темноты выехать из Елабуги. Я узнал, что его зовут Морев»²⁸.

Нам показалось странным, что врач, с которым якобы договорился Борис Збарский, «паршивый старик а la Котик», чуть не отправил Бориса Пастернака на войну. А если предположить, что Борис Збарский договорился об обратном? И этому можно найти оправдание, ведь Фанни Николаевна, жена Бориса Ильича,

была влюблена в молодого поэта. Устранение соперника – отправка его на фронт – могла помочь Борису Збарскому сохранить семью. Поэтому, вероятно, фамилия Пастернака и не значилась в списках об отсрочке от призыва, представленных в Уездное по воинской повинности присутствие.

Попытаемся установить точную дату медицинского переосвидетельствования Бориса Пастернака. Из его письма родителям от 26 ноября 1916 года мы знаем, что заседания Елабужского комитета проходили по четвергам и пятницам, а письмо, в котором Борис Леонидович сообщал о своем освобождении от воинской повинности, написано в десятых числах декабря, на следующий день после возвращения из Елабуги. Итак, можно с уверенностью утверждать, что судьба Пастернака была решена 15 декабря 1916 года, так как в «десятых числах» пятница была только в этот день.

Кто же решил в этот день судьбу поэта? По Адрес-календарю Вятской губернии и спискам старших офицеров можно установить должностных лиц из «усов, эполетов и гражданских воротников», ответственных за проведение мобилизации: председатель Уездного по воинской повинности присутствия – председатель Елабужского уездного съезда, действительный статский советник, барон Георгий Карлович Медем; постоянные члены присутствия: исправник Уездного полицейского управления, коллежский советник Тимофей Георгиевич Шохин и заступающий место председателя Елабужской уездной земской управы Ахмадьян Музафарович Музафаров; секретарь присутствия – титулярный советник Полиент Петрович Бобровский²⁹.

Еще один постоянный член Уездного по воинской повинности присутствия – уездный воинский начальник. В Адрес-календаре Вятской губернии на 1916 год таковым значится полковник Пальчевский Юрий Константинович³⁰. Старшие офицеры перемещались с одного места службы на другое очень часто, поэтому мы решили проверить личность воинского начальника по

Списку полковникам по старшинству. Ю. К. Пальчевский с 1 февраля 1916 года служил воинским начальником Ардашовского уезда Симбирской губернии. В Елабугу на эту должность был назначен полковник Томашевский Леопольд Онуфриевич³¹.

Нам удалось найти немного сведений о Л. О. Томашевском. Он был отличным стрелком, настоящим боевым офицером, кавалером орденов Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени и болгарского командорского креста 3-й степени за военные заслуги. В 1905–1906 годах участвовал в войне с японской армией. С 1907 года занимал должности уездных воинских начальников в Суджанском, Екатеринбургском, Елабужском уездах. Руководил проведением мобилизации во время войны с Германией в 1914–1917 годах и во время Гражданской войны в 1918 году. Расстрелян большевиками в 1920 году. Тело было выдано жене и захоронено на Михайловском кладбище в Екатеринбурге.

Постоянным членом Елабужского уездного по воинской повинности присутствия являлся также податной инспектор. Податным инспектором 1-го участка в то время служил статский советник Иван Николаевич Романов, назначенный на эту должность Высочайшим благословением³².

В работе Присутствия принимали участие военные приемщики, члены городской управы и выборные из местных обывателей – по одному в каждом призывном участке. Установить их личности пока не удалось.

Елабужский городской (городской) врач, указанный в Адрес-календаре Вятской губернии на начало 1916 года – Владимир Владимирович Бронников³³. Принимал ли Бронников участие в освидетельствовании Бориса Пастернака и являлся тем человеком, «кому было замолвлено словечко», мы утверждать не можем, так как не известно, продолжал ли он службу в декабре.

Больше всех членов комиссии нас заинтересовал, конечно, Морев. Кто он? В Адрес-календарях Вятской губернии фамилия «Морев» не упоминается. Вятская губерния в те годы входила в Казанский военный округ. Решили поискать фамилию этого офицера в Адрес-календарях Казанской губернии. И вот удача! В Адрес-календаре Казанской губернии на 1915 год в штате Военно-прокурорского надзора Казанского военно-окружного суда значится Иван Иванович Морев, штабс-капитан, прикомандированный для практического ознакомления с военно-судебной частью³⁴.

В Адрес-календаре Казанской губернии на 1916 год некий штабс-капитан Морев упомянут в списке попечителей Казанского местного отдела, состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям³⁵.

Имя и отчество, а также воинское звание Морева теперь известны. Попытаемся установить его личность и место постоянной службы по справочникам должностных лиц.

В общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 год указан только один Морев И. И. – Иван Иванович, штабс-капитан лейб-гвардии Павловского полка³⁶.

Иван Иванович Морев родился в 1884 году. После окончания Первого кадетского корпуса (1901) и Павловского военного училища (1903) он получил офицерское звание подпоручика и был направлен для прохождения службы в лейб-гвардии Павловский полк. В 1908 году Мореву было присвоено звание поручика, а в 1912-м – штабс-капитана.

За участие в боевых действиях Второй Отечественной (Первой мировой) войны штабс-капитан Морев был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»³⁸.

Знаменная группа, офицеры и чины 1-го батальона лейб-гвардии Павловского полка, ожидающие прибытия Государя Императора во время парада на Марсовом поле по случаю полкового праздника 30 августа 1904 г.

Ассистенты знаменной группы подпоручики Никонов и Морев (справа от знамени), офицеры Н. Вадубол, полковник Неврюинский и др.³⁷

В начале 1915 года Иван Иванович был направлен в Казань и прикомандирован к Военно-прокурорскому надзору Казанского военно-окружного суда для практического ознакомления с военно-судебной частью. За безупречную службу в 1915 году он был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом³⁹ и Св. Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом⁴⁰.

В июле 1915 года штабс-капитан Морев был на фронте. 1 августа 1915 года во время проведения германскими войсками военной операции, названной «Польский мешок» («Польский котел»), он получил ранение и при отступлении Павловского полка был оставлен на поле боя возле деревни Грабовка. Особым отделением Главного штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях штабс-капитан Морев был объявлен пропавшим без вести⁴¹. Он попал в плен к немцам⁴², но через некоторое время освобожден.

*Штабс-капитан Морев Иван Иванович*⁴³

После возвращения в Россию штабс-капитан Морев был направлен для прохождения дальнейшей службы в Казанский военный округ. Установить его должность не представилось возможным, так как в военное время сведения о подразделениях Военного министерства и военнослужащих не публиковались; тетрадки, содержащие эти сведения, были удалены из Справочной книжки Казанской губернии на 1916 год.

И. И. Морев, кроме военной службы, нес и общественную нагрузку – являлся попечителем Казанского местного отдела Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям, состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством. Отметим, что шефом лейб-гвардии Павловского полка, в котором служил штабс-капитан Морев, также был император Николай Второй.

За участие в боевых действиях Морев в 1916 году был награжден Георгиевским оружием.

Во время Гражданской войны И. И. Морев остался верен присяге, служил в Вооруженных силах Юга России. В октябре 1919 года в звании полковника командовал батальоном лейб-гвардии Павловского полка во 2-м Сводно-гвардейском полку.

После эвакуации из Крыма в Галлиполи служил заведующим политическим отделом в Сводно-гвардейском полку (с ноября 1920 г.). Галлиполийское сидение – стояние лагерем регулярных частей русской армии в окрестностях греческого (на то время) города Галлиполи. Преимущественно это были части 1-го Армейского корпуса генерала Кутепова. Войска эвакуировались из Крыма в ноябре 1920 года и сохраняли боеспособность, несмотря на невероятные сложности, до мая 1923 года.

С Гвардейским отрядом Морев эмигрировал во Францию. Состоял в Общегвардейском объединении. В ноябре 1951 года избран председателем Объединения лейб-гвардии Павловского полка⁴⁴.

И. И. Морев состоял в Обществе бывших кадет Первого кадетского корпуса, с декабря 1950 года был избран председателем ревизионной комиссии.

Иван Иванович Морев умер 18 октября 1961 года в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа⁴⁵.

В Государственном архиве Республики Татарстан в фонде «Елабужское уездное по воинской повинности присутствие Вятской губернии» документов о Борисе Пастернаке мы не обнаружили, но ознакомились с актом медицинского освидетельствования Ахмета Юнусова от 15 сентября 1917 года, имевшего тот же физический недостаток, что и поэт.

«Оказалось, что он одержим укорочением ноги на 2 см. вслед[ствие] неправильно сросшегося перелома голени в нижней ее трети. Голено-стопный сустав утолщен и подвижность его немного ограничена. На наружно-задней поверхности голени имеется (неразборчиво. – *Авт.*) рубец. Ранен 1914 года 26 августа под Люблином»⁴⁶.

В составе комиссии, признавшей, что Юнусов имеет право на пенсию и подлежит новому переосвидетельствованию через год, был и военный врач Морев.

Актъ освидѣтельствованія.

Всего
страниц
всего
с 1911
по сс
и 12

Освидѣтельствованъ Ахметъ Юнусовъ сего числа былъ освидѣтельствованъ въ состояніи здоровья Славутичскимъ Уѣзднымъ по воинской повинности Присутствіемъ.

Юнусовъ 27 лѣтъ отъ роду, происходить изъ крестьянъ Славутичскаго уѣзда Селаватовскаго волости; при освидѣтельствованіи его оказалось, что онъ одержимъ Указанной правой бош на лев. бедро неправильно сросшася краснаго камня в лицевой ей чрѣтѣ. Рана стольно считат уничтожен и подвержен сво какому ограничен. На карточкѣ Важдіи коф двѣтъ камня камен крупности пудовъ. Ранен 1914 года. Въ августѣ 1917 года.

По изложенн

какъ имѣющей _____, зависящей отъ прохождения имъ военной службы и влекущей за собою утрату трудоспособности отъ _____ до _____, вѣствующей постояннаго поступательнаго ухода имѣть право на пенсию на основаніи статьи 8 статьи IV параграфа Порядка рописанія болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, дающей право нижнимъ воинскимъ чинамъ на пенсию по закону 25 Юня 1912 года, и подлежить новому переосвидѣтельствованію чрезъ однаго года г. Вислога 15 Сентября 1917 года.

Врачи: Воинскіе Морель
Уѣздный
Зем. Представитель
Уѣзды Воинскіе Начальник Кан. Тамаринъ
Начальникъ Медици
Члены: Податный Инспекторъ
Представитель Уѣздной Земской Управы В. Кокач
Чл. Уѣзд. Зем. Управы М. Вольфъ
Представитель отъяскаго казач. 230 н. 3. полка

Актъ медицинскаго освидѣтельствованія Ахмета Юнусова. Из фондов Государственного архива Республики Татарстан

Ознакомившись с некоторыми протоколами и актами освидетельствования состояния здоровья жителей Елабужского уезда, мы нашли в них подписи чиновников Г. К. Медема, Л. О. Томашевского, И. Н. Романова, Т. Г. Шохина, А. М. Музафарова, П. П. Бобровского, а также военного врача Морева и уездного врача Крылова.

Статский советник Александр Григорьевич Крылов был не просто уездным врачом, а «старшим по губернии»⁴⁷. «Старший по губернии» – это не старший по служебному положению, а старший по возрасту. Вероятно, это тот самый «паршивый старик а la Котик», который во что бы то ни стало хотел отправить Бориса Пастернака на фронт. Но не А. Г. Крылов, а И. И. Морев распорядился в тот день судьбой будущего автора романа «Доктор Живаго», дав нам возможность наслаждаться сегодня этим великим текстом и разгадывать его тайны.

Бондюжский и Кокшанский химические заводы

Фото из музея
АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова»

ХИМИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ
 ТОВАРИЩЕСТВА
П. К. УШКОВА и К^о
 ПРОИЗВОДЯТЪ ВЪ ГОДЪ:

	Пудовъ.		Пудовъ.
Сѣрной кислоты	1,000,000	Купороса желѣзнаго	40,000
Хлорной извести	300,000	Сульфата	300,000
Каустической соды	200,000	Поташа древеснаго	40,000
Глинозема	200,000	Масла купороснаго	200,000
Хромпика калиеваго и натроваго	60,000	Азотной кислоты	5,000
Квасцовъ формочн. и литробанннхъ	50,000	Соляной кислоты	50,000
Квасцовъ хромовыхъ	6,000	Муми	50,000
Мѣди	15,000	Гончарную кислотоупорную посуду для химическихъ производствъ и кислотоупорные кирпичи.	
Купороса мѣднаго	10,000		

Бондюжский химический завод

Бондюжский химический завод. Камера для приготовления серной кислоты № 1 емкостью 140 000 куб. ф.

Бондюжский химический завод. Камера для приготовления серной кислоты № 2 емкостью 220 000 куб. ф.

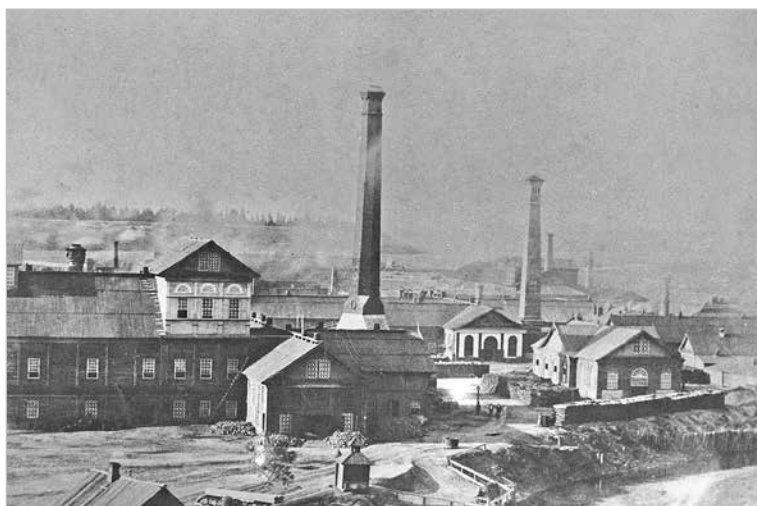
Бондюжский химический завод. Камера для приготовления серной кислоты № 3 емкостью 150 000 куб. ф.

Бондюжский химический завод. Здание с гранитными башнями для приготовления соляной кислоты

*Бондюжский химический завод.
Завод для приготовления сернокислого глинозема*

*Бондюжский химический завод.
Серная камера № 3*

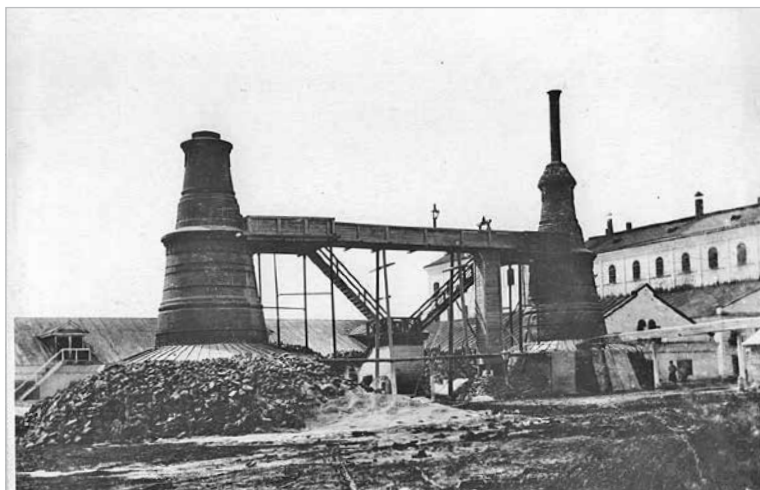
*Бондюжский химический завод.
Содовый завод*

*Бондюжский химический завод.
Хлорный завод*

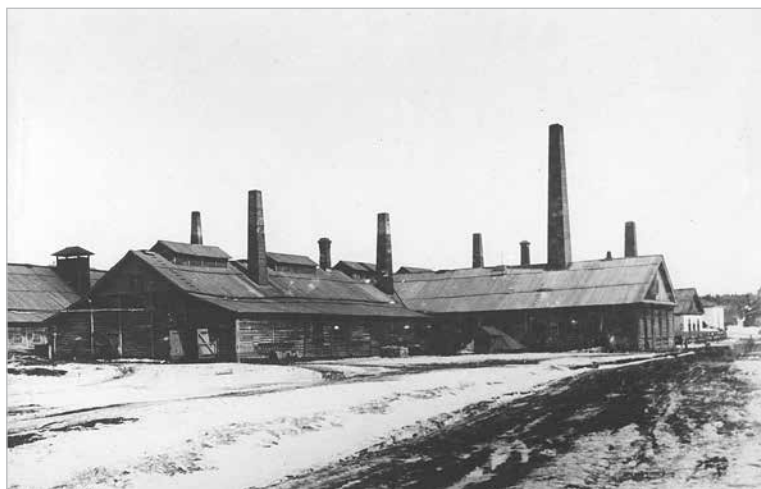
*Бондюжский химический завод.
Производственный корпус*

*Бондюжский химический завод.
Известково-обжигательные печи*

*Бондюжский химический завод.
Здание для регенерации марганца по способу Вельдона
и электрическая станция для освещения заводов*

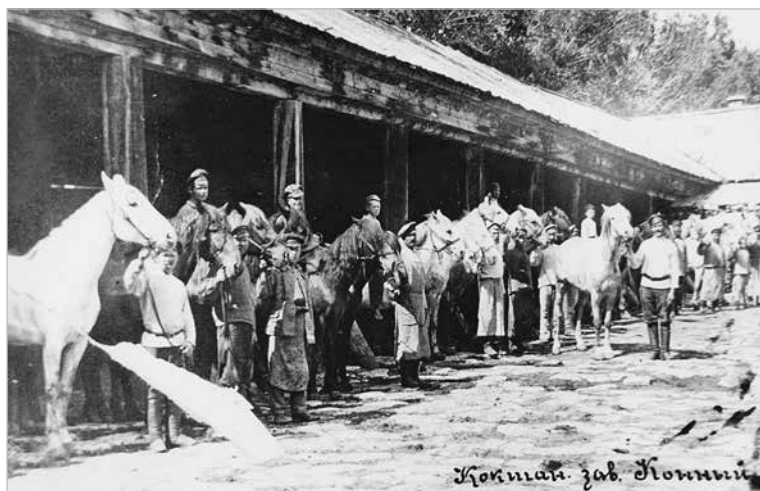
*Кокшанский химический завод.
Завод для приготовления калиевого и натриевого хромпика*

*Кокшанский химический завод.
Завод гончарных изделий и химических аппаратов*

*Базарная площадь в д. Кокшан.
На заднем плане хромпиковый завод*

*Кокшанский химический завод.
Конный парк*

*Поселок Кокшан.
Казарма для холостяков*

- ¹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Борисова и Е. Б. Пастернака. М.: Худож. лит., 1991. С. 241.
- ² *Пузанова Н.* Кумышка – водка вотяков // Независимая газета. 2003. 15 дек.
- ³ *Фарыно Е.* Юрятинская читальня и библиотекаряша Авдотья. Археопоэтика «Доктора Живаго» // Сб. статей к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 385.
- ⁴ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки... С. 245.
- ⁵ Там же. С. 250.
- ⁶ *Збарский И. Б., Николаев П. Ф. Б. И.* Збарский (1885–1954) / АМН СССР. М.: Медицина, 1990. С. 64.
- ⁷ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Подгот. текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. С. 70.
- ⁸ Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 1–19 / Под ред. В. П. Семенова и под общ. рук-вом П. П. Семенова, вице-пред. Имп. Русского геогр. общ-ва и проф. В. И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Имп. Русского геогр. общ-ва; [Предисл. Вениамина Семенова]. Т. 5: Урал и Приуралье: [Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии] / Сост.: Г. Н. Кирилин, Н. А. Коростелёв, Б. Б. Гриневецкий и др.; [Предисл. В. Семенова-Тян-Шанского]. СПб.: Изд-е А. Ф. Девриена, 1914. С. 533.
- ⁹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки... С. 241.
- ¹⁰ *Шишкин И. В.* История города Елабуги / Сост. И. Шишкин. М.: Синод. тип., 1871. С. 43.
- ¹¹ Кольбель российской химии / Ред. совет: Д. Р. Шамсин, Н. Р. Потапова, Р. Н. Исхаков, Л. Р. Фаррахова. Казань: РА «Эл-проджектс», 2018. С. 33.
- ¹² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки... С. 242.
- ¹³ Там же. С. 243.
- ¹⁴ Вероятно, речь идет о реке Тойме, на берегу которой расположен Бондюжский химический завод (ныне – АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова» в г. Менделеевске).

- ¹⁵ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки... С. 241.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 243.
- ¹⁸ *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. В 2-х т. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. С. 243.
- ¹⁹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки... С. 327.
- ²⁰ *Ремарк Э. М.* На Западном фронте без перемен. Возвращение: романы. [Пер. с нем.] Минск: Высшая школа, 1982. С. 160.
- ²¹ Там же.
- ²² Начало пути: [Письма Бориса Пастернака к родителям (1907–1920)] // Знамя. 1998. № 5. С. 167–168.
- ²³ Там же. С. 174–175.
- ²⁴ Там же. С. 176.
- ²⁵ *Польских К. В.* Елабуга – купеческий город XIX – начала XX в. Елабуга, 2012. С. 66–68.
- ²⁶ Начало пути: [Письма Бориса Пастернака к родителям (1907–1920)]... С. 176–177.
- ²⁷ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки... С. 241.
- ²⁸ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. [текст]. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926. / Борис Пастернак; Сост., коммент. Е. В. Пастернак и М. А. Решковской. М.: Слово/Slovo, 2005. С. 304.
- ²⁹ Памятная книжка и Адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Вятка: Изд-е Губ. стат. ком., 1916. С. 125, 127.
- ³⁰ Там же. С. 138.
- ³¹ Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1 августа 1916 г. С. 172, 234.
- ³² Памятная книжка и Адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год... С. 130.
- ³³ Там же. С. 126.
- ³⁴ Адрес-календарь и Справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. Изд-е Казанского губ. стат. ком., 1914. С. 312.
- ³⁵ Адрес-календарь и Справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. Изд-е Казанского губ. стат. ком., 1916. С. 337–338.
- ³⁶ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 год. Ч. 1. СПб.: Инспекторский отд. Собственной Е. И. В. Канц., 1914. С. 1339.
- ³⁷ http://www.auction-imperia.ru/auction/22_15.htm
- ³⁸ Разведчик. 1914. № 1256. 25 нояб. С. 368.

- ³⁹ Разведчик. 1915. № 1269, 3 марта. С. 83.
- ⁴⁰ Разведчик. 1915. № 1275. 14 апр. С. 265.
- ⁴¹ Разведчик. 1915. № 1299. 29 сент. С. 621.
- ⁴² РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1189.
- ⁴³ http://gia1914.info/index.php?title=Морев_Иван_Иванович_2.
- ⁴⁴ Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. С. 329.
- ⁴⁵ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: биограф. словарь. В 3-х т. Т. 2: Л – Р / [М. Авриль и др.]; Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 219.
- ⁴⁶ ГАРТ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.
- ⁴⁷ Памятная книжка и Адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год... С. 126.

ПРЕДАНИЕ О «СОБАЧЬЕЙ ГОРЕ»

Фотоколлаж на титульном листе главы «Предание о „Собачьей Горе“»:

Верхний ряд слева направо – Борис Пастернак во Всеволодо-Вильве. 1916 г.; особняк в имени Ушковых в д. Камашево, присоединенной к городу Менделеевску в 1967 году (<http://vk.com/retromendeleevsk>); особняк в имени Ушковых в Форосе.

Средний ряд – волки (<http://www.fonstola.ru>).

Нижний ряд слева направо – семейное фото: Александра Ивановна Ушкова (урожденная Любимова), три дочери, сын Иван, Петр Капитонович Ушков; фрагмент парковой вазы из имения Ушковых в д. Камашево (сельцо Мирное Пристанище) с вензелем Петра Ушкова.

Глава состоит из оригинальной версии о том, что устное предание о «Собачьей Горе» в д. Камашево, бытующее среди жителей города Менделеевска, отражено в романе «Доктор Живаго» в эпизодах, где упоминаются собаки и волки, похожие на собак ©. Впервые подробно исследуется история рода помещиков Камашевых ©.

Дом на «шихане»

Роман «Доктор Живаго» Борис Пастернак начал писать «со страничек о старом поместье». «Так ясно представилась большая усадьба, которую разные поколения перепланировывали по своим вкусам, и земля хранит еле видимые следы цветников, служб, дорожек», – рассказывал Пастернак Зое Масленниковой во время ее работы над его скульптурным портретом в сентябре 1958 года ¹.

Подробное описание дома дедушки Крюгера и прилегающей к нему территории Пастернак изложил в эпизоде приезда семьи Громеко и Живаго в Варыкино. От станции Торфяная их вез на телеге старик Вахх, рассказывая по пути о Микулицыных, проживавших в варыкинском доме.

«Далеко впереди, в конце, равнина упиралась в поперечную, грядой поднимавшуюся возвышенность. Она стеною, под которой можно было предположить овраг или реку, стояла поперек дороги. <...> Наверху кручи обозначился белый, удлинённой формы одноэтажный дом.

– Видишь вышку на шихане? – спросил Вахх. – Микулич твой и Микулишна. А под ними распадок, лог, прозвание ему Шутьма» ².

Микулицыны встретили неожиданных гостей насто-роженно. «Интересно, постигаете ли вы, на каком мы тут и без вас вулкане? – Выражал недовольство Аверкий Степанович. – И без вас не сладко. Собачья жизнь, сумасшедший дом. Все время меж двух огней, никакого выхода. Одни собак вешают, отчего такой красный сын, большевик, народный любимец. Другим не нравится, зачем самого выбрали в Учредительное собрание. Ни на кого не угодишь, вот и барахтайся. А тут еще вы. Очень весело будет за вас под расстрел идти» ³.

Через некоторое время, переложив гнев на милость, Микулицын произнес: «Ну, полаялись на дворе, и ладно. Можно в доме продолжать» ⁴.

Обратим внимание читателей на упоминание в этом эпизоде «собачьей» темы: «собачья жизнь», «собак вешают», «полаялись». Напомним также, что прототипами бывшего управляющего Варыкинскими заводами Аверкия Микулицына стали Лев Яковлевич Карпов и Борис Ильич Збарский⁵, а одним из прототипов командира «Лесных братьев» большевика Ливерия Микулицына – младший брат Бориса Ильича Яков⁶.

В письме в Тихие Горы к жене Якова Збарского Ольге в декабре 1917 года Борис Пастернак сообщал:

«Милая Ольга Тимофеевна! <...> Скажу кратко и уверенно: как только поулягутся события, жизнь на жизнь станет похожа, и будем мы опять людьми (потому сейчас тут не люди мы) – выйдет большая моя вещь, роман, вчерне почти целиком готовый. Так вот, попадетсЯ он Вам на глаза когда-нибудь, хоть не скоро это, знайте и запомните, что первую часть его подымать помогли мне Вы. Не шучу нисколько»⁷. (Подробнее о письме к Ольге Збарской см. в главе «Варыкинская муза Пастернака».)

Продолжим знакомство с варыкинским имением заводовладельцев Крюгеров. Перед вечерним чаепитием в первый день пребывания в Варыкино Александр Александрович Громеко и Юрий Андреевич Живаго попросили разрешения отлучиться на минутку, и вышли на крыльцо подышать свежим воздухом. Рассуждая о том, что они будут делать на следующий день, Юрий Андреевич сказал:

«А угол, который он (Аверкий Микулицын. – *Авт.*) предлагает, мы видели проездом, когда пересекали парк. Знаете где? Это зады господского дома, утонувшие в крапиве. Деревянные, а сам он каменный. Я вам с телеги показывал, помните? Там бы стал я рыть и грядки. По-моему, там остатки цветника. Так мне показалось издали. Может быть, я ошибаюсь. Дорожки надо будет обходить, пропускать, а земля старых клумб, наверное, основательно унаваживалась и богата перегноем»⁸.

«Завтра посмотрим, – ответил Александр Александрович. – Не знаю. Грунт, наверное, страшно затравянен и тверд как камень. При усадьбе был, должно быть, огород»⁹.

Составляя план работы к эпизоду бегства Юрия Живаго и Лары из Юрятина в Варыкино и делая черновые наброски, Борис Пастернак писал: «Побег в Варыкино. Поселяются в пустующей квартире Микулицыных. В предвидении этого очень подробно описать домик их вначале. Может быть, скопировать с директорского дома во Вс[еволодо]-Вильве или в Тих[их] Гор[ах]. Но с обрывом и широким видом, целою местностью, областью, наклонно положенной у ног, целым многоверстным ковром, сотканным из вершин деревьев в овраге»¹⁰.

О директорском доме в Тихих Горах (ныне – Менделеевск) мы рассказывали в главе «Варыкино как судьба», «ковер», «сотканный из вершин деревьев в овраге», Пастернак мог видеть тоже в этих же местах.

*Бондюжский химический завод
(АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова»)
На переднем плане – поляна за оврагом.
Вид со стороны «директорского» дома*

*Деревянный и каменный флигели в усадьбе Уиковых.
Фото И. Артёмовой*

Директорский дом во Всеволодо-Вильве, в котором жили Збарские и Пастернак, был деревянным. Усадьба, каменный господский дом, парк, цветники, дорожки – это усадьба заводовладельцев и купцов Ушковых в Камашево. «Утонувший в крапиве» деревянный дом на задах господского – дом для прислуги, сохранившийся до сих пор. Ничего подобного во Всеволодо-Вильве никогда не было.

В особняке Ушковых в советское время находились детская больница, родильное отделение и другие медицинские учреждения. В 2001 году имение Ушковых со всеми постройками было передано в ведение Менделеевского краеведческого музея, медицинские учреждения переехали в новое здание. 1 мая этого же года особняк Ушковых сгорел.

О былом великолепии усадьбы можно судить только по случайно попавшим в кадр ее фрагментам.

Группа врачей Бондюжской больницы в довоенное время, снятая на фоне бывшей усадьбы Ушковых и керамической садовой вазы.

Фото из фондов Менделеевского краеведческого музея.
Эта же садовая ваза на лестнице краеведческого музея. 2013 г.
Фото И. Артёмовой

В разрозненных страницах восьмой главы первоначальной рукописи романа «Доктор Живаго» имеется описание местности и построек в Варыкинско (так автор изначально назвал Варыкино): «Дорога пошла в лощину под гору и через некоторое время по другому склону оврага расположились одновременно – завод, поселок, усадьба дирекции, контора и прочие постройки и службы»¹¹.

Так выглядят местность и постройки в городе Менделеевске – это бывший Бондюжский химический завод (ныне – АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова») и его окрестности. (Подробнее о Варыкино см. главу «Варыкино как судьба».)

«Но какие чудесные места они проезжали! – Шиханы? – читаем в черновых набросках. – Шиханы. На Урале такие горы называют шиханами»¹². Шиханы – это уже из окрестностей Всеволодо-Вильвы.

В Менделеевск ведут три пути – со стороны села Тихие Горы, города Елабуги (прообраз Юрятина), со стороны поселка Камашево.

В 1967 году поселок Бондюжский был переименован в город Менделеевск. В состав города вошли деревня Бондюга, поселок Камашево и село Тихие Горы.

Город Менделеевск образован в 1967 году из поселка Бондюжский, к которому присоединились село Тихие Горы и поселок Камашево.

Если при въезде в Менделеевск со стороны Камашево, не переезжая оврага, по которому протекает речка Тойма, повернуть налево и проехать под горой, то мы будем находиться у подножия «шихана». А на горе, «наверху кручи», располагается «удлиненной формы одноэтажный дом» – дом директора Бондюжского химического завода (ул. Ленина, 1), местные жители до сих пор называют его «директорский». Здесь жили семьи Льва Карпова, Бориса и Якова Збарских и Борис Пастернак. Из окон дома можно увидеть панораму местности, располагающейся за речкой

Тоймой. Именно этот вид запомнился Пастернаку, и он изобразил его в романе.

В первый день пребывания в Варыкино, «полавшись» на дворе, хозяева и гости пошли в дом. «По пути в освещенную столовую <...> зять и тещь (Юрий Живаго и Александр Громеко. – *Авт.*) прошли через темный директорский кабинет. В нем было широкое цельного стекла окно во всю стену, возвышавшееся над оврагом. Из окна, насколько успел заметить доктор еще вначале, пока было светло, открывался вид на далекое заовражье и равнину, по которой провозил их Вахх»¹³.

Волки – собаки

Вернувшись из партизанского плена, Юрий Живаго некоторое время проживал в Юрятине в доме Лары, а затем они решили переехать в Варыкино. По ночам Юрий Андреевич вспоминал и записывал стихи. Однажды «в безмолвии далеких пространств, раскинувшихся за окном, он услышал заунывный, печальный звук». Юрий Андреевич накинул на плечи шубу и вышел на крыльцо.

«Вначале он не мог ни во что взглядеться и ничего не увидел. Но через минуту расслышал ослабленное расстоянием протяжное утробно-скулящее завывание и тогда заметил на краю поляны за оврагом четыре вытянутые тени <...>.

Волки стояли рядом, мордами по направлению к дому и, подняв головы, выли на луну или на отсвечивающие серебряным отливом окна Микулицынского дома. Несколько мгновений они стояли неподвижно, но едва Юрий Андреевич понял, что это волки, они по-собачьи, опустив зады, затрусили прочь с поляны»¹⁴.

Юрий Андреевич решил до поры до времени ничего не говорить Ларе о неприятной новости, чтобы не пугать ее. Он вернулся в дом, но не мог успокоиться.

«Ничего, кроме волков и других грозящих осложнений, не шло в голову»¹⁵.

Следующей ночью Юрий Живаго опять вспоминал и записывал стихи.

«Он не заметил, как встала с постели и подошла к столу Лара. <...> Юрий Андреевич вздрогнул от неожиданности, когда она выросла рядом, бледная, испуганная, и, вытянув руку вперед, шепотом спросила:

– Слышишь? Собака воет. Даже две. Ах как страшно, какая дурная примета! Как-нибудь дотерпим до утра, и едем, едем. Ни минуты тут дольше не останусь.

Через час, после долгих уговоров, Лариса Федоровна успокоилась и снова уснула. Юрий Андреевич вышел на крыльцо. Волки были ближе, чем прошлую ночь, и скрылись еще скорее. И опять Юрий Андреевич не успел уследить, в какую сторону они ушли. Они стояли кучей, он не успел их сосчитать. Ему показалось, что их стало больше»¹⁶.

На переднем плане панорамы завода хорошо видна поляна за оврагом. Она не зарастает деревьями, потому что каждую весну ее затапливают воды Тоймы. Можно сказать, что картина, которую видел Борис Пастернак из окна «директорского» дома поздней осенью 1916-го – в начале зимы 1917 года, почти не изменилась.

«Безмолвие далеких пространств, раскинувшихся за окном» поэт упомянул в стихотворении «Осень», написанном в этих местах и опубликованном в 1922 году в первом номере журнала «Жизнь»:

И стало видать так далёко, так трудно
Дышать, и так больно глядеть, и такой
Покой разлился, и настолько безлюдный,
Настолько беспамятно звонкий покой!

Заканчивалась вторая неделя обитания Юрия и Лары в Варыкино. «Наступил тринадцатый день <...>. Так же накануне выли волки, исчезнувшие было в середи-

не недели. Снова приняв их за собак, Лариса Федоровна так же положила уехать на другое утро, напуганная дурной приметой»¹⁷.

Среди ранних набросков к роману сохранилась записка, относящаяся к эпизоду с волками: «Волки. В лунную ночь четыре волка рядом стоят по ту сторону оврага на открытой полянке и воют, вытянув морды по направлению к Микулькиной высоте. <...> После отъезда Лары в ночь, в которую доктор разговаривает со Стрельниковым, волки появляются уже по эту сторону оврага и забираются в сад. Стрельников выходит, стреляет из револьвера, волки разбегаются, один, видимо, раненый. И потом, когда Юрий Андр[еевич] во сне слышит выстрел и просыпается, он думает: «Антипов с волками сражается» и засыпает»¹⁸.

Наибольший интерес в этой записке привлекают не волки, а рельеф местности – «Микулькина высота». Попробуем установить, какую гору выбрал Пастернак для изображения «Микулькиной высоты» – «Микулькиной горы».

В качестве прототипов для создания образа Аверкия Микулицына Борис Пастернак выбрал Льва Карпова и Бориса Збарского¹⁹. Ирина Карпова, внучка Льва Яковлевича, в «Семейной хронике» кратко описала местность, где жила семья Карповых в 1915–1917 годах:

«В 1915 году Л. Я. Карпов получил предложение стать директором химического завода в Бондюге, который входил в Волжско-Камское объединение химических заводов товарищества Ушковых. Бондюжский завод находился в верховьях Камы, недалеко от пристани «Тихие горы». <...>

Небольшая деревня Бондюга стояла на слиянии малой речки Тоймы с могучей, быстрой, чистой рекой Камой. Высокие берега Камы покрывали сосновые боры, на низких раскинулись заливные луга, полные прекрасных трав и цветов. Тойма была маленькой речкой, но в половодье заливала село. <...>

Семья директора жила в большом, высоком деревянном доме с садиком, расположенным на горке, недалеко от леса. Зимой дети катались на санках и лыжах.

Борис Леонидович занимался русским языком с Володей Карповым. В семейном архиве сохранились тетради этих занятий. На вопрос Б[ориса] Л[еонидовича]: «Что ты любишь делать больше всего?» Володя отвечает: «Больше всего я люблю кататься на лыжах, потому что, когда я еду с горы, мне кажется, что я лечу»²⁰.

Этот большой и высокий деревянный дом, где кроме семьи Карповых жили Збарские и Пастернак, стоял на горе («на горке»), а под горою протекала речка Тойма. В романе «Доктор Живаго» высокий директорский дом («вышка»), в котором проживала семья Микулицыных, стоял также на горе («на шихане»), а под горою – «распадок, лог» Шутьма. Автор романа, описывая местность и директорский дом в Варыкино, перенес на гору весь усадебный комплекс заводоладельцев Ушковых, расположенный в Камашево. Директорский дом находится на краю горы, некогда покрытой лесом. К нему от усадебного комплекса (ранее усадьба принадлежала помещикам Камашевым) вела аллея.

Зимой 1916/17 года Борис Пастернак подолгу занимался с детьми Карпова и Збарского: учил их рисовать, играть на рояле. Особенно привязался Борис Леонидович к старшему сыну Карповых – Володе. Их дружба продолжалась до последних дней жизни Пастернака.

Мы предположили, что прототипами литературного персонажа Аверкия Микулицына являются Б. И. Збарский и Л. Я. Карпов, работавшие на Бондюжском химическом заводе. Следовательно, прообразом Крюгеровских заводов в романе «Доктор Живаго» и Объединения Малояшвинских и Нижневарыньских заводов в повести «Уезд в тылу» из «Записок Патрика» стали Бондюжский и Кокшанский заводы

купцов Ушковых – «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К^о».

«Бывшее имение Варыкино, близ города Юрятина» – это имение купцов Ушковых в деревне Камашево, находящейся недалеко от Тихих Гор²¹.

В романе «Доктор Живаго» возле «Микулькиной высоты» за оврагом обитали волки. Эти волки были как собаки, и «трусилы» «по-собачьи, опустив зады». Мы уже обращали внимание читателей на упоминание о «собачьей жизни» обитателей Варыкино в эпизоде приезда семьи Живаго. Почему Юрий Живаго и Лара сравнивали волков с собаками? Может быть, в том населенном пункте, где расположен директорский дом Бондюжского химического завода, есть какие-нибудь истории (предания), связанные с бродячими собаками, о которых мог знать Борис Леонидович?

В городе Менделеевске истории о бродячих собаках известны многим. Гора, соседняя с той, на которой расположен директорский дом, зовется местными жителями Собачьей. Прежде чем перейти к изложению народного предания о ней, необходимо рассказать о появлении в этих местах помещиков Камашевых.

Помещики Камашевы

В 1781 году при образовании Вятского наместничества в Нижнюю расправу Елабужского уездного правления назначается расправным судьей губернский секретарь Иван Камашев²². До этого назначения с 1770 года Иван Васильев сын Камашев, не имеющий чина, в течение десяти лет служил в городе Мензелинске Казанской губернии секретарем при воеводах А. Ф. Сухареве, а затем Н. Г. Огурцове²³.

Во время службы Ивана Камашева в Мензелинске с декабря 1773-го по март 1774 года малочисленный отряд и жители защищали город от осаждавших его повстанцев, выступивших в поддержку Пугачевского восстания.

20 ноября 1774 года Мензелинский воевода, дворяне и чиновники, выполняя требование генерал-аншефа Н. И. Панина (о предоставлении «самовернейших сведений: какие местности потерпели нападение и разорение и какие предпринимаемы были меры к защите»), подали губернатору Казанской губернии донесение обо всех подробностях осады города Мензелинска²⁴.

В память о спасении города Мензелинска жители постановили, чтобы каждый год в мае месяце ко дню Святого Николая Чудотворца приносить из города Елабуги чтимую икону Святого Спаса нерукотворного образа²⁵.

В 1786 году за заслуги (за участие в обороне города Мензелинска) Иван Камашев, минуя чин коллежского секретаря, производится в титулярные советники²⁶. Вероятно, в это же время Ивану Васильевичу были подарены земельные участки в районе рек Тойма и Юрашка (в разное время – Юбрашка, Юграшка) и государственные крестьяне из других местностей. Ранее этого времени И. В. Камашев не мог получить право на владение землей и крестьянами, так как не имел чина, дающего право на личное дворянство.

И. В. Камашев на «владельческой земле» в деревне Новосёловке («Камашевка тож») имел винокурню незначительной производительности «на домашний обиход»²⁷.

Последние сведения о И. В. Камашеве внесены в роспись чиновных особ в государстве на начало 1796 года²⁸.

В 1799 году титулярная советница Н. А. Камашева, вдова Ивана Васильевича, владела в деревне Камашевке поташным заводом²⁹.

С 1796 года сельцо Новосёлок, деревня Юграш, сельцо Мирное Пристанище, располагавшиеся на пустошах по речке Юграш, – владения коллежского асессора Николая Ивановича Среднего-Камашева³⁰.

В Материалах по статистике Вятской губернии читаем: «Деревня Камашева (сельцо Мирное Пристанище) расположена при ключе безымянном, около впадения речки Юрашки в реку Тойму. <...> Населяют русские, которые в сословном отношении принадлежат к бывшим помещичьим крестьянам. Поселены здесь, по воле своих бывших владельцев около 1800 г., для чего были выведены из Московской, Владимирской, Казанской и других губерний»³¹.

Н. Н. Булич, ординарный профессор русской словесности и декан историко-филологического факультета Казанского университета, в письме к литературному критику М. Ф. Де-Пулé от 6 февраля 1875 года попытался объяснить происхождение приставки «Средний» к фамилии Камашевых: «Камашевых в Казани было трое, все три Николаи Ивановичи и в отличие их друг от друга им даны были прибавки: Старшего, Среднего и Младшего»³².

Н. И. Средний-Камашев до 1790 года был на военной службе в чине поручика. Выйдя в отставку и получив чин коллежского асессора, Николай Иванович служил в Императорском воспитательном доме объезжим надзирателем за воспитанием детей, розданных по деревням. Затем Н. И. Камашев поступил на службу первым главным надзирателем в 1-ю Казанскую гимназию³³.

Писатель С. Т. Аксаков, бывший воспитанник Казанской гимназии, в воспоминаниях о детских годах уделил несколько строк Н. И. Камашеву:

«Не знаю, по справедливости ли считался он очень умным человеком, но то верно, что он был человек холодный, твердый, говорящий всегда тихо и с улыбкой и действовавший с непреклонною волею. Все без исключения боялись его гораздо больше, чем директора. Он любил власть, умел приобрести ее и пользоваться ею с педантичною точностью. <...>

Каждое его появление производило потрясение в моих нервах, а он приезжал всякий день по два раза,

и никто не знал времени его приезда. Не было такого часу ни днем, ни ночью, в который бы он когда-нибудь не посещал гимназии, и посещения эти были совершенно неожиданны и внезапны. Теперь я отдаю полную справедливость его неусыпной, хотя слишком строгой и педантичной, деятельности, но тогда он казался мне тираном, извергом, злым духом, который вырастал как будто из земли даже в таких местах, куда и надзиратели не заглядывали. Его страшный для меня образ поселился в моем детском воображении, и тягостное его присутствие со мной не расставалось»³⁴.

Летом 1804 года воспитанники Казанской гимназии, подвергавшиеся гонениям со стороны старшего надзирателя Камашева, взбунтовались, но разыгравшийся инцидент был улажен инспектором И. Ф. Яковкиным, пользующимся уважением у детей. Директору гимназии А. Л. Лихачёву и старшему надзирателю Н. И. Камашеву пришлось уйти в отставку.

Николай Иванович переехал в уездный город Елабугу, где ранее служил его отец.

В 1809–1817 годах коллежский асессор Н. И. Средний-Камашев был почетным смотрителем Елабужского уездного училища. Николай Иванович неоднократно помогал уездному училищу, но по сравнению с другими благотворителями его помощь была не столь значительна. Самую крупную сумму Средний-Камашев пожертвовал приходскому училищу. Газета «Казанские известия» от 25 октября 1813 года сообщала о том, что на заведение приходского училища Вятской губернии в городе Елабуге уездные чиновники и местные купцы пожертвовали различные суммы денег. Н. И. Камашев, по сообщению газеты, пожертвовал 200 рублей.

Николай Камашев, майор, и Николай Камашев, коллежский асессор, 8 апреля 1810 года были жалованы дипломом на потомственное дворянское достоинство³⁵. Майор – Н. И. Старший-Камашев, а коллежский асессор – Н. И. Средний-Камашев.

Иван Васильевич Шишкин, отец художника И. И. Шишкина, избравшийся в Елабуге бургомистром и городским головой, в 1867 году закончил воспоминания о своей жизни, в которых рассказал об отношении Н. И. Камашева к нему лично и к другим общественным деятелям.

«Камашев с обществом, и особенно с его деятелями, был в ссоре и изыскивал разными пронырствами сделать неприятность. И поэтому на меня, как занимавшего должность градского головы, приказал своему крестьянину сделать извет, что будто бы я во взятку с него взял – целковый. И поэтому возникло дело и дошло до уголовной палаты. Меня вызывали по этому делу в Вятку, придирались к деньгам и обещали, что слабые восторжествуют против сильных, но я ничего не давал, да и совершенно не за что. Разумеется, и кончили ничем. Но этим делом хотели меня застрашать. <...>

С Камашевым ссоры не прекращались. В это время он просил место для постройки дома, – общество не давало, находило это место нужным для постройки магистрата и хранения пожарных инструментов. Камашев обратился с личной просьбой к губернатору Рынаевскому, который начально отговаривал и не советовал Камашеву, потому что место очень малó. Но впоследствии при бывших на земских лошадях торгах нашелся Камашев у губернатора, и губернатор место ему отдал. Но обществом протестовали, просили министра, но протекция губернатора и камашевские деньги утвердили место за Камашевым. На это губернатор очень на общество, а в особенности на деятелей его рассердился и вздумал по указанию Камашева нас на бумагах допекать <...>.

И сказал он в одном месте: «Если я их не мог достичь пером, то достану палкой». И прислал к нам в городничии гусарского майора Вундерлиха, с приказанием деспотическим, разумеется, против общественных деятелей»³⁶.

Помещик Н. И. Камашев (речь, несомненно, идет о нем) и городничий И. К. Вундерлих, пользуясь поддержкой гражданского губернатора Вятской губернии А. И. Рыхлевского (в воспоминаниях Шишкина ошибочно указано – Рынаевского), объединились в борьбе с елабужским бургомистром И. В. Шишкиным.

«Общественники, видя деспотические его поступки и безнаказанные действия, не в состоянии ничем защититься, вздумали меня через три года после службы бургомистром выбрать в головы с намерением, что я смогу сколько-нибудь их защитить. Но я, видя, что с губернатором бороться должностному человеку худо, подал просьбу, да и сам поехал в Вятку просить лично губернатора с увольнением меня от должности, но, к счастью моему, к моей просьбе присоединились сам Вундерлих, Камашев и стряпчий, чтобы меня не утверждать. Но явной причины не утвердить не было, и потому губернатор предписал вследствие моей просьбы предложить обществу решить на его рассуждение, наговоривши мне множество всего, что у нас есть писаки, поверенные и прочие. Общество по моей просьбе <...> выбрало другого»³⁷.

Сын Среднего-Камашева (вероятно, Иван) учился в той же гимназии, где ранее служил Николай Иванович.

Заслуженный ординарный профессор Н. П. Загоскин в «Истории Императорского Казанского университета...» обратил внимание на незначительное материальное обеспечение не только преподавателей, но и директора:

«На материальные недостатки и на свою задолженность при всяком удобном случае плакался <...> и сам профессор-директор Яковкин, а в начале 1819 года некий коллежский асессор Камашев через правление университета взыскивал с него 1250 рублей, должны ему еще с 1816 и 1817 годов. Этот последний долг представляется весьма щекотливым и даже неблагоприятным ввиду тех отношений, какие существовали, в момент

его заключения, между Яковкиным – директором гимназии и Камашевым – отцом воспитанника той же гимназии и директорского пансионера и которые следующим образом обрисовываются в поданном «по титуле» искомом прошении кредитора:

«Императорского Казанского университета г[осподин] заслуженный профессор, коллежский советник и кавалер Илья Федорович сын Яковкин занял у меня прошлого 1816 года тысячу рублей, и в оной сумме декабря 1-го числа того же года дал от себя, сроком на один год, заемное письмо; а потом, 1817-го ноября 9-го дня, получено им же по крепостному заемному письму, с доверенною надписью от меня выданному, с титулярного советника Коптева тысячу двести пятьдесят рублей. Хотя в счет сих последних и уплочено им в разные времена прошлого 1818 года за учение моего сына г[осподам] учителям: Полиновскому – 225, Левитскому – 175, Базилеву – 100 рублей, да самому ему г[осподину] Яковкину следует за полугодичное содержание моего сына – 400 рублей, и того 900 рублей, но остальные, в числе коих капитальных одних 1350 рублей, и по сие время г[осподин] Яковкин не платит».

Претензия Камашева Яковкиным была принята и долг этот частями выплачивался им в течение 1819 и 1820 годов»³⁸.

Окончив гимназию при Казанском университете, Иван Средний-Камашев поступил в Московский университет.

Во время учебы в Московском университете И. Н. Средний-Камашев проживал в квартире П. С. Щепкина, ординарного профессора, декана отделения физических и математических наук. Иногда к Щепкину заходил Я. М. Неверов (будущий студент, а затем педагог, писатель и мемуарист), познакомился и подружился с Иваном Камашевым. В автобиографии Я. М. Неверов так рассказывает о И. Н. Среднем-Камашеве:

«В это время у Щепкина жил продолжавший еще университетский курс студент Иван Николаевич средний Камашев (впоследствии директор художественного департамента при синоде), который сблизился со мною и, узнав подробно о моем положении, вызвался даром давать мне уроки математики и познакомил меня со своим приятелем, кандидатом университета Михаилом Николаевичем Лихониным. Камашев был сын зажиточного помещика и жил у Щепкина как квартирант и потому мог мне предложить свои уроки безвозмездно»³⁹.

В Московском университете И. Н. Средний-Камашев подружился с Михаилом Розбергом, Иваном Безсомыкиным, Иваном Лихониным, Николаем и Ксенофонтом Полевыми, увлеченными «шеллингизмом». К. А. Полевой вспоминал: «Все мы были тогда молоды, беззаветно любили всё, что только относится к просвещению, и с жаром изучали глубокомысленные, но трудные для ясного уразумения книги Шеллинга и его последователей. Такое общее стремление чрезвычайно сближает людей, особливо молодых, бескорыстно преданных изысканию истины»⁴⁰.

И. Н. Средний-Камашев – автор многочисленных исследований, посвященных различным вопросам философии, логики, историографии, эстетики и теории изящных искусств, а также переводов работ по указанным темам. В 1827 году Иван Николаевич опубликовал в «Вестнике Европы» ряд статей под общим названием «Взгляд на историю как науку», в которых рассматривал внутренний смысл мировой и отечественной истории, руководствуясь принципом исторической закономерности. В 1829 году за первую в России работу, содержащую обзор истории эстетических учений «О различных мнениях об изящном» ему была присуждена степень магистра Московского университета и дана высочайшая оценка в трудах историков науки XIX века.

В 1832 году титулярный советник И. Н. Средний-Камашев служил старшим помощником столоначальника в 1-м Отделении Департамента Министерства юстиции ⁴¹, а в 1833-м – в чине коллежского асессора столоначальником ⁴².

Столь подробное расследование о Камашевых было необходимо, чтобы определить, кто из них являлся последним владельцем сельца Мирное Пристанище. Прямых сведений на этот счет не существует. Кроме того, из-за одинаковых имен, отчеств и фамилий, создалась путаница. Тем не менее в результате настойчивых изысканий мы установили, что этим человеком был Иван Николаевич Средний-Камашев.

По данным на 1860 год, в помещичьем имении И. Н. Камашева в сельце Мирное Пристанище числилось 119 душ крестьян мужского пола и 50 душ дворовых. Камашев владел 892,9 десятинами земли, из которых 209,62 десятины состояли в пользовании крестьян, а 514,8 десятины было занято лесом и кустарниками. Из 37,12 десятин усадебной земли 15,6 десятины были под конопляниками ⁴³.

В письме к М. Ф. Де-Пулé от 6 февраля 1875 года Н. Н. Булич пишет об Иване Николаевиче Среднем-Камашеве (ошибочно назвав его Николаем Ивановичем): «Средний-Камашев учился в Московском университете, потом за границую, в 20-х годах напечатал в Москве какую-то эстетическую диссертацию на магистра, где-то служил и только лет 10 тому назад (примерно в 1865 году. – *Авт.*) приехал больной в Казань и вскоре умер; от него остались только побочные дети под другой фамилией» ⁴⁴.

В 1868 году земли и имение Камашевых в Елабужском уезде приобрел Капитон Яковлевич Ушков. С этого времени начинается история Бондюжского химического завода, построенного на этой земле Петром Капитоновичем Ушковым.

Народное предание о «Собачьей Горе»

Сельцо Камашевых Мирное Пристанище оказалось не таким уж мирным. Помещики Камашевы имели псарню и разводили породистых собак – борзых и гончих. Народное предание гласит о том, что в рацион питания щенков входило грудное женское молоко, ежедневно собираемое у крепостных женщин. По этой причине стали страдать от нехватки питания их дети. Начались стычки крестьян с хозяином имения. Выстроенное вокруг имения двухметровое каменное ограждение не всегда спасало Камашевых от столкновений с разъяренными крестьянами.

Приведенные в исследовании сведения о Николае Ивановиче Камашеве-Среднем (Среднем-Камашеве) дают основания полагать, что деспотичным помещиком был именно он. Сына его, Ивана Николаевича, сельская жизнь не прельщала, он интересовался только искусством и наукой.

После покупки имения Мирное Пристанище Ушковыми псарня была ликвидирована, а собаки распущены. Голодные животные рыскали по окрестным деревням в поисках пищи. Случалось, что собаки кусали местных жителей, набрасывались даже на детей. Гору, где долгое время жили обозленные псы, стали называть «Собачья Гора».

Сельцо Мирное Пристанище Ушковы переименовали в деревню Камашево.

Борис Пастернак наверняка знал народное предание о «Собачьей Горе», оно не могло его не заинтересовать, поэтому в романе «Доктор Живаго» в варыкинских эпизодах (прообразом Варыкино, по нашему мнению, стали рабочие поселки химических заводов Ушковых Бондюжский и Кокшан, а также имение Ушковых в Камашево) он неоднократно упоминал собак.

Глаза с «собачьим выражением преданности»

«Собачья» тема не обошла стороной и самого автора романа «Доктор Живаго». Анастасия Цветаева, вспоминая о своем знакомстве с Борисом Пастернаком, рассказывала: «Впервые я Бориса увидела в 1923 году. Он вошел ко мне с томиком Марининых стихов «Ремесло» – серенькой скромной книжкой, долгие годы бывшей моей любимой. Марина из Чехии Борису Пастернаку в Берлин передала для меня этот сборник. Борис был, помнится, в сером пальто, и из этого тускло-серебряного одеяния из-под темно-каштанового оперения на меня глядели светло-каштановые глаза собачьим выражением преданности. Обласкивая, вглядываясь, приглядываясь, познавая и проверяя («Понимаю, – сказала я себе, – проверяет сходство с Мариной»). Но он уже смеялся во всю пасть собачью, радостно, громко. Но смех Бориса – это другая тема»⁴⁵.

*Борис Пастернак в сером пальто.
Конец 20-х годов прошлого века*

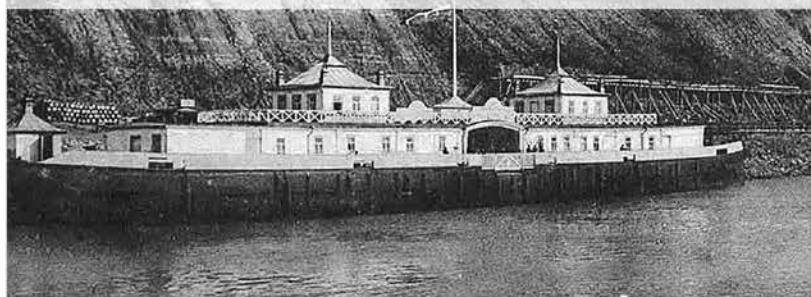
- ¹ *Масленникова З. А.* Портрет Бориса Пастернака [текст]: [записки скульптора] / Зоя Масленникова. М.: Сов. Россия, 1990. С. 80.
- ² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Борисова и Е. Б. Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. С. 268.
- ³ Там же. С. 270.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Артёмов С. А., Артёмова И. В.* Тихогорские реалии «Доктора Живаго» // VII Всероссийская научная конференция «Ушковские чтения»: материалы научной конференции. Казань: Омега, 2012. С. 89–95.
- ⁶ *Артёмов С. А., Артёмова И. В.* «Во младшем крылся будущий герой» // I Всероссийская научная конференция «Пастернаковские чтения»: материалы научной конференции. Казань: Омега, 2013. С. 7–11.
- ⁷ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. М.: Худож. лит., 1992. С. 106.
- ⁸ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 272.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. [текст]. В 11-ти т. Т. IV. Доктор Живаго, 1945–1955 / Борис Пастернак; Сост., коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 611.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 272–273.
- ¹⁴ Там же. С. 432.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 435–436.
- ¹⁷ Там же. С. 436.
- ¹⁸ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. [текст]. В 11-ти т. Т. IV. Доктор Живаго: роман... С. 724.
- ¹⁹ *Артёмов С. А., Артёмова И. В.* Тихогорские реалии «Доктора Живаго»... С. 89–95.
- ²⁰ *Карпова И. В.* История семьи Карповых: Семейная хроника. <http://karpovy-chronicles.narod.ru/glava4.html>.

- ²¹ *Артёмов С. А., Артёмова И. В.* Тихогорские реалии «Доктора Живаго»... С. 89–95.
- ²² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб.: Имп. Академия наук, 1782. С. 383; Месяцеслов... 1783. С. 394; Месяцеслов... 1784. С. 376; Месяцеслов... 1785. С. 304; Месяцеслов... 1786. С. 265.
- ²³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1772. СПб.: Имп. Академия наук, 1772. С. 188; Месяцеслов... 1781. С. 383.
- ²⁴ *Игнатъев Р. Г.* Осада города Мензелинска в Пугачевский бунт // Памятная книжка Уфимской губернии со статистической картой губернии / Сост. и изд., по поручению Уфим. ГСК; Под ред. Н. А. Гурвича, чл.-секр. Уфим. и действ. чл. Оренбург. ГСК. Ч. II. Уфа, 1873. С. 129–130.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787. СПб.: Имп. Академия наук, 1787. С. 276.
- ²⁷ *Ермаков В. В.* Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX в. Казань: Казанский ун-т, 2011. С. 222.
- ²⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб.: Имп. Академия наук, 1796. С. 308.
- ²⁹ *Ермаков В. В.* Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье... С. 239.
- ³⁰ *Штрикер Д.* Камашевы – казанские и елабужские дворяне // Менделеевский музейный вестник. Вып. 4–5. Менделеевск: Краеведческий музей, 2007. С. 69–70.
- ³¹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 6: Елабужский уезд. [Ч. 2: Подворная опись]. Вятка, 1889. С. 38.
- ³² Письма Н. Н. Булича М. Ф. Де-Пулé // Наше наследие. 2011. № 97. С. 81–95.
- ³³ *Владимиров В. В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие / Сост. В. Владимиров. Ч. 1–3. Казань: Унив. тип., 1867. С. 41.
- ³⁴ *Аксаков С. Т.* Собр. соч. С. Т. Аксакова / Под ред. [и с предисл.] А. Г. Горнфельда. В 6-ти т. Т. 2. Детские годы Багрова-внука. Ч. 2; Воспоминания. Ч. 1. СПб.: Просвещение, 1909. С. 368–369, 373–374.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 227; <http://gerbovnik.ru/arms/5346.html>.

- ³⁶ Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина писанная им самим в 1867 году. Елабуга: [Б/и], 2007. С. 19–21.
- ³⁷ Там же. С. 21–23.
- ³⁸ *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904 / [соч.] Н. П. Загоскина, засл. ординарного проф. Т. 2. Ч. 2: (1814–1819). Казань: Типо-литогр. Имп. Казанского ун-та, 1902. С. 442–443.
- ³⁹ *Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / Федер. агентство по образованию; Мин-во образования Ставроп. края; Ставроп. гос. ун-т; [Сост.: К. Э. Штайн, Д. И. Петренко].* Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 25.
- ⁴⁰ *Полевой К. А.* Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1888. С. 153.
- ⁴¹ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832: [В 2-х ч.]. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1832. С. 656.
- ⁴² Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833: [В 2-х ч.]. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1833. С. 700.
- ⁴³ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Вятская губерния // Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 1. СПб.: Комиссия для сост. положений о крестьянах, 1860. С. 2–3.
- ⁴⁴ Письма Н. Н. Булича М. Ф. Де-Пулэ... С. 81–95.
- ⁴⁵ Анастасия Цветаева рассказывает... // Век Пастернака. ЛГ-Досье. 1990. Февраль. С. 16.

ВАРЫКИНСКАЯ МУЗА ПАСТЕРНАКА

Фотоколлаж на титульном листе главы «Варыкинская муза Пастернака»:

Верхний ряд слева направо – Б. И. Збарский; Ф. Н. Збарская; Б. Л. Пастернак.

Средний ряд – пристань Тихие Горы.

Нижний ряд слева направо – заводская контора № 1 и лаборатория Бондюжского химического завода (в настоящее время – Краеведческий музей города Менделеевска, находится по адресу: ул. Гассара, 1); автограф Б. Л. Пастернака на книге стихов «Поверх барьеров», подаренной им Ф. Н. Збарской: «Дорогой Фанни от всего сердца первый в мире экземпляр»; заводское училище в рабочем поселке Кокшан (прообраз Варыкино, см. главу «Варыкино как судьба»).

Глава состоит из оригинальной версии о том, что Фанни Николаевна Збарская стала одним из прототипов Ларисы Гишар ©. Текст впервые в сокращенном варианте был опубликован 24 марта 2015 года на странице <http://www.pravda.ru/society/1253651-doctor/>.

«Умиротворяющая широта» Варыкино

Исследователями романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» высказывалось пять версий о том, кто был прототипами Лары: Ида Высоцкая, Елена Виноград, Зинаида Нейгауз, Евгения Лурье и Ольга Ивинская. Но была еще одна Лара – Фанни (Фрейда) Николаевна Збарская (в девичестве Зильберман). Она появилась на свет в 1884 году в Каменец-Подольском. В 1901 году окончила (с серебряной медалью малого размера) Мариинскую женскую гимназию в родном городе. Высшее образование получила в Женевском университете. Биолог.

Вспомним текст романа. В конце 1921 года Юрий Живаго с Ларой и ее дочкой жили в Варыкино. В декабре Лариса Федоровна и Катенька уехали с Комаровским в Юрятин, а оттуда – на правительственном поезде на Дальний Восток.

«С Юрием Андреевичем творилось что-то несобразное. Он медленно сходил с ума. Никогда еще не вел он такого странного существования. Он запустил дом, перестал заботиться о себе, превращал ночи в дни и потерял счет времени, которое прошло с Лариного отъезда.

Он пил и писал вещи, посвященные ей (выделено нами. – *Авт.*), но Лара его стихов и записей, по мере вымарок и замены одного слова другим, все дальше уходила от истинного своего первообраза. <...>

Эти вычеркивания Юрий Андреевич производил из соображений точности и силы выражения, но они также отвечали внушениям внутренней сдержанности, не позволявшей обнажать слишком откровенно лично испытанное и невымысленно бывшее, чтобы не ранить и не задевать непосредственных участников написанного и пережитого. Так кровное, дымящееся и неостывшее вытеснялось из стихотворений, и вместо кровоточащего и болезнетворного в них появилась умиротворяющая широта, подымавшая частный случай

до общности всем знакомого. Он не добивался этой цели, но эта широта сама приходила как утешение, лично посланное ему с дороги едущей, как далекий ее привет, как ее явление во сне или как прикосновение ее руки к его лбу. И он любил на стихах этот облагораживающий отпечаток.

За этим плачем по Ларе он также домарывал до конца свою мазню разных времен о всякой всячине, о природе, об обиходном»¹.

Нигде в романе больше не говорится о поэтическом творчестве Живаго. Юрий Андреевич варыкинского периода жизни – это, несомненно, сам Пастернак. Борис Леонидович не был врачом, поэтому в Варыкино его литературный двойник Живаго записал в дневнике: «Я отказался от медицины и умалчиваю о том, что я доктор, чтобы не связывать своей свободы»².

Так кто же стал прототипом героини, которой посвящал свои стихи «медленно сходящий с ума» Юрий Андреевич? Мы установили, что имение Крюгеров в Варыкино – это имения купцов Ушковых рядом с селцом Мирное Пристанище (позднее – д. Камашево) и в поселке Кокшан. Варыкино также и поселок Всеволодо-Вильва в Соликамском уезде Пермской губернии. Но в периоды жизни в этих местах Борис Леонидович посвящал свои стихи Фанни Николаевне Збарской. Вероятно, и в описании любовных переживаний Ларисы Антиповой и Юрия Живаго Пастернак отразил свои взаимоотношения с Фанни Збарской. Эта романтическая история началась во Всеволодо-Вильве и продолжилась в поселке Бондюжского химического завода³.

Борис Пастернак приехал во Всеволодо-Вильву (в настоящее время – Александровский район Пермского края) в середине января 1916 года. Он попал из серой и малоснежной московской зимы в белую лесную сказку.

Борис Ильич Збарский, пригласивший Пастернака на работу в уральский поселок, вспоминал: «Вско-

ре после обоснования во Всеволодо-Вильве мы с Ф[анни] Н[иколаевной] часто говорили о том, что хорошо было бы пригласить приятелей жить с нами. <...> Вполне понятно, что особенно тосковала Ф[анни] Н[иколаевна]. Привольная жизнь, отсутствие материальных забот, обилие прислуги (у нас были горничная, кухарка, няня, кучер и дворник). Все это давало много свободного времени Ф[анни] Н[иколаевне], я же мало бывал дома и не мог, поэтому, составлять ей компанию для времяпровождения. Вот почему Ф[анни] Н[иколаевна] особенно настаивала на приглашении к нам проживать друзей.

Мы начали переписку, прежде всего с Лундбергом, который охотно согласился на приезд к нам и вскоре приехал. <...>

Затем во время первой моей поездки в Москву я случайно встретился на улице с поэтом Борей Пастернаком. Хотя тогда мои отношения с семьей Пастернака не были еще очень близкими, я все же предложил Боре приехать к нам. Я ему рассказал нашу жизнь там и сказал, что мы будем очень рады ему. К моему удивлению Боря с восторгом принял это предложение, сказав, что оно весьма ему подходит сейчас, так как в Москве ему очень трудно писать, да и материально у них в семье жизнь становится все труднее и труднее. Мы с ним тут же условились о его приезде к нам, и через некоторое время он действительно приехал.

Таким образом, у нас в доме стало веселее и интереснее благодаря проживанию Лундберга и Бори Пастернака. Они оба весьма тепло к нам относились и с интересом расспрашивали и выслушивали ежедневно рассказы о моей работе на заводе. <...>

Большое удовольствие мы получали, когда вечерами Лундберг и Боря читали свои произведения. Боря часто играл на рояле, блестяще импровизируя. <...>

Я помню, как приятно было мне, когда Боря прочитал посвященное мне стихотворение, в котором он описывал мою деятельность как дирижера огромно-

го симфонического оркестра. В этом стихотворении была фраза, что он с удовольствием взял бы для себя хотя бы роль барабанщика в этом оркестре.

Все это было очень мило, трогательно и скрашивало мою душевную тоску в это время. <...>

В личной жизни я пережил за время пребывания во Всеволодо-Вильве первую, хотя и небольшую, трещину, так что она явилась первым сигналом последующего краха. <...>

И вот здесь, во Всеволодо-Вильве, я моментами испытывал отчаянную тоску, что мне приходится вести такую работу, которая меня удовлетворить, конечно, не могла, но так как по своей натуре все, что я ни делал, я делал всегда с увлечением, то внешне, конечно, незаметно было всей той боли, которую я ощущал далеко внутри, отдавая все силы хозяйственной и административной деятельности. Меня прекрасно понимали Лундберг и Боря, с которыми я иногда заводил разговор на эту тему, но, как это ни странно, Ф[анни] Н[иколаевна], которая являлась главной виновницей такого моего состояния, не понимала этого. Проводя целые дни в обществе Лундберга и Бори, она проводила время в интересных беседах, чтениях, обсуждениях прочитанного и вот тут-то, по-видимому, она впервые стала замечать, что я как бы деградирую в своих духовных интересах.

Случалось иногда так, что мы четвером сидели в кабинете, уютно расположившись, и слушали новое стихотворение Бори или его музыку и вдруг меня прерывали телефонные звонки, и я должен был вести иногда длинную беседу относительно цен на муку или отдавать распоряжения на покупку овса, найма возчиков, отправку товаров и т. п. Эти разговоры, прерывавшие и даже мешавшие всем остальным наслаждаться приятной духовной пищей, по-видимому, и явились толчком к направлению мысли у Ф[анни] Н[иколаевны], что я, так сказать, «падаю». Так как в моей работе ежедневно чувствовалось, что я делаю все с увлечением и получаю

удовлетворение от удачных результатов, это, по-видимому, начинало ее раздражать.

Вот однажды вечером у нас произошел разговор, который я считаю началом разрыва наших отношений.

Как-то вечером, когда мы были наедине, Ф[анни] Н[иколаевна] сказала мне: «Я уже давно хотела тебя спросить, как это ты можешь увлекаться такими вещами, как покупка муки, овса, телег и т[ому] п[одобных] вещей, как ты можешь с увлечением вести разговоры о справках цен на товары. Как ты можешь делать это даже с увлечением. Я даже замечаю, что ты иногда, когда ты сидишь и разговариваешь с нами, твои мысли где-то блуждают о таких прозаических вещах».

Меня эти вопросы настолько взволновали, что я сразу едва сдержал себя. Так, подумал я, я же оказывается виноват в том, что мне приходится заниматься прозаическими вещами. Только моя любовь к Ф[анни] Н[иколаевне] и ребенку толкали меня на эти жертвы. Мою безумную тоску о том, что я не могу работать научно, я загнал в тайник души. Я ни с кем не мог даже говорить об этом и старался и не думать. А тут самый любимый мне человек, из-за которого я и пошел на эти жертвы, бросает мне такое тяжелое обвинение. Я чувствовал в этих вопросах, что она начинает терять ко мне уважение и сравнивает, по-видимому, Борю и Лундберга со мною и считает, что я снижаюсь в своих интересах»⁴.

Фанни Збарской понравился молодой музыкант и поэт. Ему было 26, ей – 32 года. Они всё больше времени проводили вместе.

Пастернак не знал, чему он хочет себя посвятить. 30 января 1916 года он написал родителям в Москву из Всеволодо-Вильвы: «Вообще, мне трудно решить, кто я, литератор или музыкант, говорю, трудно решить тут, где я стал как-то свободно и часто и на публике импровизировать. <...> Госпожа Збарская смеется: а что будет, Боря, если ваша музыка Евгению Германовичу (Лундбергу) еще больше, чем ваша литература понра-

вится? – Ничего конечно не произойдет. – Я написал новую новеллу. Я заметил <...>, что и прозу я пишу как-то так, как пишут симфонии»⁵.

Родители не очень-то приветствовали затянувшиеся духовные поиски сына, но во Всеволодо-Вильве эти чудачества Бориса Пастернака, наоборот, поощрялись. В середине февраля Борис Леонидович пишет родителям: «Здесь все, не исключая и Евг. Герм. Лунд<берга>, который уже недели 2 как здесь живет, окружили меня какою-то атмосферой восхищения и заботы обо мне, чего я, по правде сказать, не заслуживаю; да я и таюсь перед ними, и они знают, что я за птица; по-видимому, им по душе как раз та порода птиц, к которой отношусь я со всем своим опереньем»⁶.

Новые друзья во всем поддерживали Пастернака, о чем он пишет родителям 4 марта: «Здесь всё за меня делается, дают кому-то переписывать мои вещи в контору Резвой, кажется платят за это, списываются с редакциями и т. д., а я почти ничего не знаю – и главное за что, *pour les beaux yeux?*»⁷.

Без сомнения, вся эта помощь была организована Фанни Николаевной.

Много хорошего и радостного произошло для Пастернака во Всеволодо-Вильве. Он впервые за много лет, преодолев страх, сел на лошадь.

6 августа 1903 года, в День Преображения Господня, тринадцатилетний Борис Пастернак чуть не погиб. Вот как описал это происшествие Л. О. Пастернак в письме художественному критику П. Д. Эттингеру: «...Борюша вчера слетел с лошади, и переломила ему лошадь бедро; к счастью, тут же был Гольдингер (хирург он), и бережно его уложили и перенесли. Немедленно вызвали хирурга хорошего (ассистента бывшего Боброва) и наложили ему гипсовую повязку и т. д. Слава Богу. Это случилось, когда я писал этюд с баб верхом и, на несчастье, он сел на неоседланную, а та, на грех, с горы стала шибко нести его, он потерял равновесие – вообразите, мы видели все это, как он под

нее, и табун пронесся над ним, – о Господи, Господи!.. Сейчас сутки, как повязка сделана. Врачи успокаивают, что все прекрасно и только придется полежать в постели 6 недель...».

После того как сняли гипс, обнаружилось, что правая нога срослась со значительным укорочением. «Приходилось многому учиться сызнова. Движения, которые раньше делались автоматически, требовали чуть ли не акробатической техники. Трудно было не упасть оскользнувшись, прятать неуверенность и двигаться, не обращая на себя внимания. Нельзя было поднимать и нести что-либо тяжелое на правой руке или плече – он терял равновесие. Со всем этим он постепенно привык справляться»⁸.

Пастернак носил ботинок на утолщенной подошве. На снимке 1916 года во Всеволодо-Вильве это видно. В юности он ходил прихрамывая. «В зрелые годы привык не хромать, подгибая левую здоровую ногу вровень с правой и обходиться обычной, покупной обувью»⁹.

*Борис Пастернак.
Всеволодо-Вильва. 1916 г.*

Борис Пастернак и Фанни Збарская. 1916 г.
Из собрания Евгения Борисовича Пастернака

После нескольких зимних прогулок на лыжах и поездках в санях Борис Пастернак написал для Фанни Николаевны стихотворение, черновой автограф которого у нее сохранился¹⁰.

Улыбаясь, убывала
Ясность масляной недели,
Были снегом до отвала
Сыты сани, очи, ели.

Часто днем комком из снега,
Из оттаявшей пороши –
Месяц в синеву с разбега
Нами был, как мяч, подброшен.

Леденцом лежала стужа
За щекой и липла к нёбу,
Оба были мы в верблюжьем,
И на лыжах были оба.

Лыжи были рыжим конским
Волосом подбиты снизу,
И подбиты были солнцем
Кровли снежной, синей мызы.

В беге нам мешали прясла,
Нам мешали в беге жерди,
Капли благовеста маслом
Проникали до предсердья.

Гасла даль, и из препятствий
В место для отдохновенья
Превращались жерди. В братстве
На снег падали две тени.

От укутанных в облёжку
В пух, в обтяжку в пух одетых
Сумрак крался быстрой кошкой,
Кошкой в дымчатых отметах.

Мы смеялись, оттого что
Снег смешил глаза и брови,
Что лазурь, как голубь с почтой,
В клюве нам несла здоровье ¹¹.

В романе «Доктор Живаго» есть эпизод, схожий по настроению и эмоциям с катанием на санях в окрестностях Всеволодо-Вильвы во время Масленой недели. Юрий Живаго вез Ларису Федоровну и Катю из Юрятина в Варыкино. «Юрий Андреевич правил, либо стоя на коленях на дне развалистых пошевней, по местному – кошовки, либо сидя боком на ребре кузова и свесив ноги в Самдевятовских валенках наружу. <...>

Кошовка лодкою взлетала вверх и вниз, ныряя по неровностям разъезженной дороги. Катя и Лара <...> вскрикивали и смеялись до колিক, перекатываясь с одного края саней на другой и неповоротливыми кулями зарываясь в сено. Иногда доктор нарочно, для смеху, переворачивал сани набок и, без всякого вреда для них, вываливал Лару и Катю в снег. Сам он, протащившись несколько шагов на возжах по дороге, останавливал Савраску, выравнивал и ставил сани на оба полоза и получал нахлобучку от Лары и Кати, которые отряхивались, садились в сани, смеялись и сердились»¹².

Этот эпизод вполне можно было бы закончить фразами из стихотворения: они «смеялись, оттого что снег смешил глаза и брови», или «были снегом до отвала сыты сани, очи, ели».

Стихи для Фанни

Попробуем установить дату той самой ночи, после которой поэт написал два своих известных стихотворения «На пароходе» и «Марбург».

Б. И. Збарский 11 мая сообщал в Москву родителям Бориса Пастернака: «Сейчас он в Перми, куда поехал на пару дней по моему поручению и вместе с Фанни Николаевной».

«Пара дней», это, вероятно, 10 и 11 мая. В Перми Борис и Фанни проговорили всю ночь, сидя в судовом ресторане.

Разговоры по душам с любимой женщиной, закат и рассвет на реке Каме, плеск и запах воды, ароматы кухни – все эти ощущения переплавились в поэтические строки.

Борис Пастернак по возвращении во Всеволодо-Вильву написал стихотворение «На пароходе» и посвятил его Фанни Збарской. Оно стало первым, которое Леонид Осипович Пастернак отметил как художественную удачу сына.

Приводим строфы с 6-й по 8-ю.

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
По Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл.

Держа в руке бокал, вы суженным
Зрачком следили за игрой
Обмолвок, вившихся за ужином,
Но вас не привлекал их рой.

Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,
Чтобы последнею отцединкой
Последней капли кануть в ней¹³.

Это – последний вариант стихотворения, сложившийся после «вычеркивания», «вымарок и замены одного слова другим». При переиздании книги «Поверх барьеров» в 1928 году Пастернак отредактировал 7-ю и 8-ю строфы. Первоначально они были такими:

Сквозь грани баккара вы суженным
Зрачком могли следить за тем,
Как дефилируют за ужином
Фаланги наболевших тем,

И были темы те – эмульсией
Из сохраненных сердцем дней,
А вы – последнею конвульсией,
Последней капли были в ней.

Сохранился автограф первой редакции этого стихотворения с посвящением «Г-же Ф. Збарской», с указанием даты и места написания: «17 мая 1916 г. Всеволодо-Вильва».

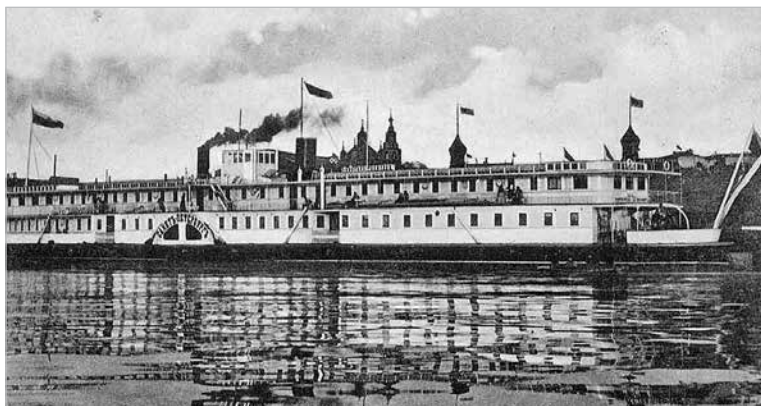
Есть еще две откровенно-интимные строфы между 6-й и 7-й, оставшиеся только в автографе, подаренном Пастернаком Фанни Збарской:

Что он подслушивал? – Подслушивал,
Дыша на запотелый люк?
Тонула речь в обивке плюшевой.
Он понимал движенье рук?

И этих рук движеньем проняло
Его? И по движенью рук
Он понял: так на фисгармонии
Берут в басах забытый звук ¹⁴.

Надо заметить, что в ресторанах на пароходах стояли деревянные стулья, чтобы суметь быстро освободить помещение под танцы. Плюшевые диваны были только в каютах первого класса, где лишь «сумрак» мог подслушивать разговоры двух влюбленных.

17 мая Фанни Николаевна написала Пастернакам: «За отношение к Борису Леонидовичу не благодарите, пожалуйста. Мы ужасно рады, что он к нам приехал и что ему тут по душе. <...> Мы с Бор[исом] Леонид[овичем] ездили в Пермь и вместе пробыли там

*Пароход «С.-Петербург» у Пермской пристани.
Вид на Пермь с реки Камы. Справа за пароходом –
флаги на башенках железнодорожного вокзала,
слева – купола Петро-Павловского собора,
одного из первых каменных зданий Перми ¹⁵*

денек. В Перми очень хороша Кама. Вы не беспокойтесь о Б[орисе] Леон[идовиче]. Он бодр и много и хорошо работает»¹⁶.

В личном архиве Фанни Збарской сохранилось подаренное ей Борисом Пастернаком стихотворение – первоначальный машинописный вариант «Марбурга», напечатанный на чистых сторонах четырех заводских бланков, с автографом: «Из Марбургских воспоминаний – черновой фрагмент. Фанни Николаевне в память Энеева вечера возникновения сих воспоминаний. Борис Пастернак. 10 мая 1916».

В стихотворении «На пароходе» Пастернак отметил: «Вы к былям звали собеседника, к волне до вас прошедших дней». Разговор о прошлом с Фанни Николаевной поэт и назвал «Энеевым вечером возникновения сих воспоминаний».

Эней – мифологический герой Троянской войны, персонаж эпической поэмы Публия Вергилия «Энеида», состоящей из двенадцати книг. Во второй и третьей книгах повествование ведется от первого лица – Энея. После долгих странствий флот Энея прибыл в Карфаген. Легендарная основательница и царица Карфагена Дидона, влюбленная в Энея, устраивает большой пир в его честь. На пиру Эней начинает подробный рассказ о падении Трои, о том, как уцелевшие троянцы собрались у подножия горы Иды Фригийской, возвышающейся над морем, рядом с Троей, чтобы отсюда вместе с Энеем отправиться в странствия по Средиземноморью.

Сравнивая себя с Энеем, а Фанни Николаевну с Дидоной, Борис Пастернак имел в виду ту самую ночь на пароходе, когда он рассказывал ей о своих «странствиях» («Из сохраненных сердцем дней»): о студенческих годах, поездке в Марбург, объяснении в любви и отказе Иды Высоцкой.

Последующие за памятной поездкой в Пермь полтора месяца прошли в подготовке Всеволодо-Вильвенского и Ивакинского заводов к продаже. «Постановка

хлороформного завода у Ушковых и переезд Збарских в Тихие Горы – дело без стонов отлагательств не терпящее. А тут еще вызов Пепы в Москву с точностью определил тот день, когда им выехать отсюда станет необходимо и неизбежно», – писал Борис Пастернак родителям 20 июня 1916 года. Под «торжественной церемонией» имеется в виду вступление Б. И. Збарского в должность начальника химической лаборатории¹⁷.

Збарский уехал в Москву, Пастернак, взяв на себя последний этап ликвидации дел, задержался на Урале еще на неделю. Проводив Фанни Николаевну в Пермь и посадив на пароход, отправлявшийся вниз по Каме (она уезжала в Тихие Горы), Борис Леонидович выехал в Екатеринбург и далее через Уфу и Самару – в Молоди, к родителям.

В архиве Збарской сохранилось еще одно небольшое стихотворение Бориса Пастернака, сочиненное, вероятно, в последний день пребывания во Всеволодо-Вильве:

Уже в архив печали сдан
Последний вечер новожила.
Окно ему на чемодан
Ярлык кровавый наложило.

Перед отъездом страшный знак
Был самых сборов неминуей –
Паденье зеркала с бумаг,
Сползавших на пол грязной кучей.

Заря ж и на полу стекло,
Как на столе пред этим, лижет.
О счастье: зеркало цело,
Я им напутствуем – не выжит¹⁸.

Есть такая примета: разбитое зеркало – к разлуке с любимым человеком. Зеркало не разбилось, значит влюбленные будут вместе.

Из всеволодо-вильвенского периода жизни Пастернака осталось несколько снимков. В первых числах апреля 1916 года Борис Збарский возвратился во Всеволодо-Вильву с фотоаппаратом «Кодак», подаренным ему семьей Пастернаков. «Вчера мы сделали несколько фотографических снимков, – писал Борис Леонидович родителям, – и тут же их проявили; очень хорошо получились; напечатаем, вам пришлем»¹⁹.

На одной из фотографий запечатлен сидящий на стуле на террасе дома Борис Пастернак. В пятидесятые годы поэт Алексей Кручёных, раздобыв эту фотографию, принес ее Пастернаку с просьбой сделать дарственную надпись. Борис Леонидович на оборотной стороне снимка написал: «Всеволодо-Вильва Пермской губ. начало 1916 г. (февраль-март). Алексею Кручёных на добрую память об одном из лучших времен моей жизни»²⁰.

В жизни Бориса Леонидовича больше не было таких долгих праздных, лазурных, солнечных и беззаботных дней и месяцев, проводимых в обществе любимой женщины, восторгавшейся его стихами.

За весну 1916 года Борис Леонидович сочинил полтысячи строк, и уже в конце декабря в издательстве «Центрифуга» вышел сборник его стихов «Поверх барьеров». Нетрудно догадаться, кто был музой поэта. В посвящении на обороте титульного листа книги написано: «Дорогой Фанни от всего сердца первый в мире экземпляр. Б. Пастернак»²¹.

Необыкновенной красоты уральская природа, общество незаурядных людей, относившихся к нему с большой доброжелательностью и нежностью, вдохновляли его на поэтические откровения. Эта эмоционально насыщенная жизнь нашла свое отражение и во второй его книге «Сестра моя жизнь», написанной летом 1917 года и вышедшей в издательстве З. И. Гржебина в 1922 году.

*Семья Збарских во Всеволодо-Вильве.
Июнь 1916 г.²²
Публикуется впервые*

Тихие Горы – «отрадные причины»

Еще в мае 1916 года Б. И. Збарский писал Л. О. и Р. И. Пастернакам об их сыне: «Летом думает поехать к Вам, а на зиму, т. е. к осени, я прошу его опять приехать к нам в Тихие Горы и прожить зиму, серьезно работая. По-видимому, он ничего против не имеет и мы будем бесконечно рады этому. Мы стали считать его членом своей семьи. Когда я распределял квартиру в Тих[их] Горах, то я поймал себя на том, что назначал комнаты: это столовая, это для Эли, а это для Бори...»²³.

Борис Пастернак приехал в Тихие Горы в октябре 1916 года. Надо заметить, что Тихие Горы – это название пристани на реке Каме и почтовый адрес Бондюжского химического завода Ушковых, где Борис Леонидович стал работать в военно-учетном столе.

Директорский дом, в котором жили семьи Карповых, Збарских и поселился Борис Пастернак, располагался на высокой горе (см. главу «Предание о „Собачьей Горе“») за рекой Тоймой (в романе – река Шутьма).

«Личная жизнь Бориса Ильича в эти годы не блистала счастьем, – высказывал свои предположения биограф Збарского А. П. Штейн. – Еще там, в бескрайних имениях Саввы Морозова, он поставил верный и точный диагноз, когда с печалью обнаружил трещину в своих отношениях с Фанни Николаевной, предсказав сам себе, что трещина может обернуться пропастью и привести к неизбежному краху.

Так и произошло.

Обаятельная каменец-подольская гимназистка с черным бантом была его любовью, первой и единственной, он относился к ней трепетно, надеясь обрести в ней не просто жену, но и единомышленника, человека, разгадавшего одержимость его природы, требовавшей действия, непрерывного горения, поиска, страстного увлечения научным делом, которому он отдавал всего себя без остатка.

Этого не было.

Взаимная их отчужденность сказывалась во многом и становилась все тягостней.

Приезд матери Бориса Ильича в Тихие Горы и брошенная ею фраза решили: все точки над «і» были поставлены»²⁴.

Борис Ильич делал вид, что ничего особенного не происходит: «Я работал на заводе и в лаборатории, моя мама целые дни проводила, нянча моего Элика, он прекрасно развивался, уже хорошо говорил и доставлял много радости в те очень короткие промежутки времени, когда я был свободен».

А. П. Штейн писал: «Однажды, поздно вечером, очень усталый, он вернулся с завода и спросил встретившую его с ужином мать:

– Где Фанни?

– В гостиной, – сказала она. И, помолчав, добавила: – И, как всегда, с Борей. Он читает ей стихи.

В ее тоне ему послышалось нечто тревожное.

– Что ж тут такого? – Он пожал плечами. – Все поэты любят читать свои стихи. И Боря – тоже.

– Пэп, он предпочитает читать стихи ей одной. Пэп, неужели ты не понимаешь? Она в него влюблена.

Помолчал.

– И забудем навсегда об этом разговоре.

– Ты его не забудешь. И я тоже.

– Дай мне что-нибудь поесть.

Нет, она не забыла об этом никогда. И Збарский тоже этого никогда не забыл»²⁵.

Фанни Николаевна не могла не слушать стихи Пастернака, ведь они были обращены к ней:

Потели стекла двери на балкон.
Их заслонял заметно зимний фикус.
Сиял графин. С недопитым глотком
Вставали вы, веселая на выказ, –
Смеркалась даль, – спокойная на вид, –
И дуло в щели, – праведница ликом, –
И день сгорал, давно остановив

Часы и кровь, в мучительно великом
Просторе долго, без конца горев
На остриях скворешниц и дерев,
В осколках тонких ледяных пластинок,
По пустырям и на ковре в гостиной ²⁷.

Это стихотворение было опубликовано в журнале «Жизнь», 1922, № 1, в цикле «Над Камой».

Мы полагаем, что героиней стихотворения «Город» («Уже за версту...») также была Фанни Николаевна. Оно вышло в альманахе «Лирень» под названием «Город. Отрывки целого», дата написания: «1916 г. Тихие Горы». Начиная с 75-й строфы говорится о мадам Бовари, изменявшей своему мужу:

Борис Збарский с женой Фанни и матерью Софией Геллер ²⁶

Что сравнится с женскою силой?
Как она безумно смела!
Мир, как дом, сняла, заселила,
Корабли за собой сожгла.

Я опасаюсь, небеса,
Как их, ведут меня к тем самым
Жилым и скользким корпусам,
Где стены — с тенью Мопассана.

Где за болтами жив Бальзак,
Где стали предсказаньем шкапа,
Годами в форточку вползав,
Гнилой декабрь и жуткий запад.

Как неудавшийся пасьянс,
Как выпад карты неминучей.
Nonny soit qui mal у pense ²⁸:
Нас только ангел мог измучить.

В углах улыбки, на щеке,
На прядях — алая прохлада.
Пушатся уши и жакет.
Перчатки — пара шоколадок.

В коленях — шелест тупиков,
Тех тупиков, где от проходов,
От ветра, метел и пинков
Боярышник вкушает отдых.

Где горизонт, как рубикон,
Где сквозь агонию громленной
Рябины, в дождь бегут бегом
Свистки и тучи, и вагоны ²⁹.

В письме 26 ноября 1916 года Борис Пастернак просил у родителей совета, как ему поступить в сложной ситуации: «Дальше читай только папа; в крайнем слу-

чае мама еще. Есть и иные, слишком отрадные причины, именующиеся терминологически счастьем, которые делают для меня пребывание здесь – делом тяжелым для моей совести (вы догадаетесь) – и вот я прямо не знаю, как быть. <...> Если же вы категорически решите, что уезжать отсюда мне не следует или же рискованно, или это вас волнует или вам не по душе или еще что, то телеграфируйте мне сюда, чтобы я оставался. <...> Если будете телеграфировать мне, то можете прямо, без всяких ребусов и обвиняков; исключая конечно то, что запретит вам простая скромность: т. е. все, что угодно, кроме интимностей. Относительно последних скажу вам сразу, чтобы вас успокоить, что Пепа относится ко мне по-прежнему; но что многое в кодексе благородства подсказано литературным понятием свободы и независимости личности. Что я не люблю этих слов, потому что знаю, что это слова. Что я ни на минуту не теряю способности и умения отличать серьезно важное и реальное от интеллигентской, подчас страшно симпатичной – весь Чехов таков и Ибсен – блажи. Что я держусь так, как должен держаться, побывав хоть раз в жизни у родника безусловности и определенности нечеловеческой: у вдохновенья. Что на этот счет ни тебе, ни маме беспокоиться нечего – и даже уезжать мне отсюда настоящей и настоящей надобности нет, хотя это и желательно. Что все, словом, прекрасно, но могло бы быть еще прекраснее по тем силам души, которые мне не дают места и покою; и которые страдают, подавляемые конторской чепухой; и которые страдают, неиспользованные ложным гуманизмом бедного «освобожденного» милого современного человека»³⁰.

8 и 9 декабря Збарский и Пастернак были в Елабуге, где Борису Леонидовичу предстояло пройти медицинское переосвидетельствование. Всю ночь накануне заседания комиссии они проговорили.

В письме от 9 декабря 1916 года Борис Пастернак сообщил родителям, как всегда намеками, что в рома-

не с Фанни Збарской поставлена точка: «Дорогие мои! Если до вас дошло уже сумасшедшее мое письмо одно, в котором я пишу о желании моем уехать отсюда и отдаленно касаюсь мотивов этого желания – прочтите его и предайте забвению. <...> Когда-нибудь я вам расскажу про все то, что темными намеками вторгается в последнее время в мои письма к вам. Теперь я сделать этого не могу, да и не вправе. Вам важно знать сейчас, что ничего особенного не произошло и не произойдет – и вы должны этому верить: такие вещи не воспаление легких, о которых сообщают родным, называя болезнь насморком или гриппом. О таких вещах иные люди иного склада и с иной связью с домом – молчат вовсе, не видя надобности о них кому бы то ни было говорить. – Иные. – Иные же, заговаривая о таких вещах, договаривают всё до конца. Середины тут не бывает и она не имеет смысла. И раз я проявляю все признаки откровенности и неспособности молчать перед вами, то вы должны принять за правило, что высказываясь, я высказываюсь до конца и без остатка. Итак – ничего не произошло и не произойдет и все прекрасно <...> мне уже не кажется двойственным мое положение здесь, ибо двойственность его миновала и я – снова я»³¹. В письме нет ни слова о том, что его не отправили на фронт. По всей вероятности, история со Збарскими заслонила для Пастернака все остальное.

На следующий день он, наконец, пишет родителям: «Спешу вас порадовать известием, которого вы никак верно не ждете. Вчера вечером я приехал из Елабуги, где был на переосвидетельствовании, признан был комиссией совершенно неспособным и освобожден навсегда. Для вас это верно явится полнейшей неожиданностью. Дело в том, что по спискам, представленным в комитет, я не прошел, т. е. в отсрочке мне было отказано. Я вам этого не писал, чтобы вас раньше времени не тревожить, и теперь радуюсь, что этого не сделал.

Все это произошло при деятельнейшем и ближайшем содействии Пепы. Мы вместе с ним ездили на

2 дня в Елабугу, ночевали в Ушковской конторе, а на утро ему пришлось не меньшие (если не большие), чем мне, волнения пережить на дворе дворянского съезда, в продолжение тех 2-х часов, что я ждал своей очереди и подвергался переосмотру».

И лишь в середине декабря Пастернак решается написать родителям о ночном разговоре со Збарским: «Здесь <...> кстати будет сказать вам об истинных причинах Пепиной меланхолии. <...> Он дает понять, что в этом виновата – она. Не как женщина, не в категории чувств <...>; не как женщина, как человек. Это вопрос темный. Быть может, он пристрастен. Она привязчива, идеальная жена, подруга, – хороший человек. Нет, конечно, он неправ и пристрастен. В его меланхолии виноват и его темперамент и дарование.

Таким и должен быть мой друг. В его драме не должно быть «интересной» психологии и нескольких действующих лиц. В его драме действующим лицом должен быть волчий вой его ненасытного духа – и все аксессуары культурного интеллигента – лицом бездействующим. С тем и конец всему вопросу. Данные данного анализа, сами собой подобранные за ночной нашей беседой в Елабуге, накануне моей явки в комиссию, доставили мне наслаждение чрезвычайное. Человек говорил мне о своем горе. Сочувствуя ему, я им восхищался»³².

Борис Ильич действительно был очень великодушен, в своих воспоминаниях он написал: «Я был чрезвычайно рад, что этот исключительно талантливый человек и близкий мой приятель вернулся обратно со мною из Елабуги в Тихие Горы. Он испытывал в это время большой творческий подъем, работал очень много и напряженно, вечерами читал новое, к сожалению, у меня было настолько мало времени, что я иногда при всем желании не мог слушать его новые вещи, но зато Ф[анни] Н[иколаевна], которая была совершенно свободна, целыми днями проводила время вместе с Борей»³³.

Историю о том, каким образом Борис Збарский избавил своего «близкого приятеля» Бориса Пастернака от призыва на фронт, мы рассказываем в главе «Варыкино как судьба». Здесь же, сравнивая Збарского, мужа Фанни Николаевны, со Стрельниковым, мужем Ларисы Антиповой, отметим, как Антипов-Стрельников распорядился освободить задержанного красноармейцами Юрия Живаго: «Простите, товарищ. Вас приняли за другого. Мои часовые напутали. Вы свободны. Где трудовая книжка товарища? Ага, вот ваши документы. Извините за нескромность, мимоходом позволю себе заглянуть. Живаго... Живаго... Доктор Живаго... Что-то московское... Пройдемте, знаете, все же на минуту ко мне. Это – секретариат, а мой вагон рядом. Пожалуйста. Я вас долго не задержу. <...> Живаго, Живаго, – продолжал повторять Стрельников у себя в вагоне, куда они перешли. – Что-то купеческое. Или дворянское. Ну да: доктор из Москвы. <...> Военный. А время военное. Это уже прямо по моей части. <...> Впрочем, я сказал вам, что вы свободны, и не изменю своему слову. Но только на этот раз. Я предчувствую, что мы еще встретимся, и тогда разговор будет другой, берегитесь»³⁴.

Эпизод из романа, когда Стрельников вспоминал, откуда ему известна фамилия Живаго, также сопоставим с текстом письма Бориса Леонидовича, сообщавшего родителям о своем медицинском переосвидетельствовании в Елабуге, когда некоторые из членов приемочной комиссии, что-то припоминая, стали бормотать: «Пастернак, Пастернак..?»³⁵.

Тайные встречи в Нащокинском

Лето 1920 года Збарские проводили в деревне на Оке. Как вспоминает Жозефина Пастернак: «Сам Збарский почти не бывал в доме, который снял для жены и сына Элика. <...> Я любила детей, и Фанни об этом знала. Я часто играла с Эликом и остава-

лась с ним в Москве, когда его родители ходили в гости»³⁶. Но Фанни не собиралась скучать летом в деревне и частенько уезжала в Москву, оставив Элика на попечение Жозефины. Сомневаемся, что это доставляло ей особое удовольствие, так как она догадывалась, что Фанни Николаевна уезжает на свидания с ее братом.

Возможно, Жозефина надеялась, что в такой ситуации на нее обратит внимание Борис Збарский, к которому она была равнодушна. Вот что пишет о Борисе Збарском Жозефина Евгеньевна в своих воспоминаниях: «После революции Збарский, как и Боря, приехал в Москву и остался там. Образ романтика оказался бы незавершенным, если бы не постигшие его разочарования. А они были. Своей жене, красавице Фанни, он явно наскучил. <...> Боря, которого он любил, скорее отеческой, нежели братской любовью, от него отдалился. Но романтик переносит удары судьбы и пренебрежение близких с достоинством, без горьких упреков. И Збарский остался тем, кем он был: обаятельной личностью. Конечно же, я в него влюбилась; и конечно же, из этого ничего не вышло»³⁷.

Вероятнее всего, Пастернак и Збарская встречались в квартире сестры Фанни Николаевны Татьяны Лейбович в Нащокинском переулке, где Борис Леонидович поселился с лета 1917 года. Татьяна Николаевна уехала в деревню Шарاپово под Мытищами, где устроилась на работу земским врачом.

В декабре 1917 года Пастернак получил в главной конторе Ушковых, на Варварке, посылку из Тихих Гор от Ольги Тимофеевны Збарской, жены Якова Ильича. Тогда же в Москву из Бондюги приезжала Фанни Николаевна, и Пастернак встречался с нею.

В письме Ольге Збарской Пастернак писал: «Сегодня как раз Фанни Николаевна уезжает. Страшно хотелось бы послать Вам чего-нибудь хоть отдале-е-е-нно напоминающего о значении Вашей посылки. Но в Москве ничего такого не найдешь, или если есть

что, так нет приступа. Вам расскажут побывавшие тут. Что мы одним чудом спасаемся, знайте: Вы одно из его чудесных орудий.

А потому, не взывайте, ради Бога, на том ничтожном, что попрошу передать Ф[анни] Н[иколаевну] – Вам. Говорят, у Вас в этом недостаток ощущается. Это чисто вздор, но Вы ведь не осудите меня за это?

Я расспрашивал Ф[анни] Н[иколаевну] о Вас и Якове Ильиче, она, что могла и имела, рассказала мне, только немного. Вот будет хорошо, если Вы напишете мне, как живете и что думаете, вспомняв, как чудно сживали мы зимними вечерами в той всегда превшей комнатушке, где занимались военными и продовольственными и, в общем, татарскими делами. Вы, – сдерживая душивший Вас смех; я закуриваясь до одурения; В. Е. – насмешливо и резонно косясь из-под пенсне. А «картины» (кинематограф)! Существует ли он еще?»³⁸.

Отступив от повествования, заметим, что кинотеатр, построенный Ушковыми, существует в полуразрушенном состоянии до сих пор.

Андрей Владимирович Збарский, внук Ольги Тимофеевны, живущий в Москве, передал нам копии обширного семейного архива. В одном из документов говорится, что Ольга Тимофеевна работала секретарем на Бондюжском заводе. Фраза Пастернака «чудно сживали мы зимними вечерами в той всегда превшей комнатушке» свидетельствует о том, что Ольга Тимофеевна, как секретарь, помогала ему готовить документы для военно-призывной комиссии (подробно о работе Бориса Пастернака в военно-учетном столе читайте в главе «Варыкино как судьба»).

«Милая Ольга Тимофеевна! – писал Пастернак в том же письме. – Ну и спасибо же Вам, без конца и без краю! Скажу кратко и уверенно: как только поулягутся события, жизнь на жизнь станет похожа, и будем мы опять людьми (потому сейчас тут не люди мы) – выйдет большая моя вещь, роман, вчерне почти целиком

готовый³⁹. Так вот, попадетса он Вам на глаза когда-нибудь, хоть не скоро это, знайте и запомните, что первую часть его подымать помогли мне Вы. Не шуцу нисколько»⁴⁰.

Обращение «Вы», написанное с заглавной буквы, относится лично к Ольге Тимофеевне, но, тем не менее, можно с уверенностью предположить, что Пастернак в ее лице благодарил всю компанию, жившую в Бондюге (Тихих Горах). Роман, о котором упоминает Борис Леонидович, окончен не был, но его начало (первая часть) было опубликовано как самостоятельная повесть под названием «Детство Люверс».

Вот как оценил эту повесть советский и русский лингвист, академик Российской академии наук Вячеслав Всеволодович Иванов: «После нескольких стихотворений с выраженным уральским колоритом <...>, Пастернак под впечатлением увиденного на Урале пишет одно из лучших своих прозаических произведений – „Детство Люверс”»⁴¹.

Женя Люверс, повзрослев, появляется на страницах «Записок Патрика» как Евгения Викентьевна Истомина, хотя обстоятельства детства новой героини изложены автором немного иначе, чем в ранней повести.

Облик Люверс-Истоминой в «Записках Патрика» предвосхищает некоторые черты будущей Лары Гишар-Антиповой. Муж Истоминой, учитель физики и математики юрятинской гимназии, ушел на войну добровольцем и, как Стрельников, пропал без вести. Как и героиня «Доктора Живаго», Истомина одна воспитывает дочь Катю. В Патрикии, от имени которого ведется повествование, много общего с Юрием Живаго.

Есть еще одно доказательство нашей версии о том, что Ларой варыкинского периода стала Фанни Збарская. Выясним, когда родились Лара и Юрий. В 1905 году, когда «война с Японией еще не кончилась», а «по России прокатывались волны революции», Ларе «было немногим больше шестнадцати», но

«ей давали восемнадцать лет и больше»⁴². Значит, Лариса Гишар родилась не позднее лета 1889 года.

В новогоднюю ночь с 1911-го на 1912-й умерла Анна Ивановна Громеко. Глядя на рыдающую Тоню, Юрий вспоминал, «как он безутешно плакал, пораженный горем и ужасом», узнав о смерти мамы. «Десять лет тому назад, когда хоронили маму, Юра был совсем еще маленький»⁴³. Мария Николаевна Живаго умерла поздней осенью 1902 года. «Отбарабанил дождь комьев, которыми торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней вырос холмик. На него взошел десятилетний мальчик»⁴⁴ – Юра. Это значит, что Юрий Живаго родился в 1892 году. Получается, что Лара была старше Юрия Живаго.

Ида Высоцкая, Елена Виноград, Евгения Лурье, Зинаида Нейгауз, Ольга Ивинская и другие, любимые Пастернаком женщины, были моложе его. Старше Бориса Леонидовича была только Фанни Збарская, родившаяся в 1884 году. Пастернак родился в 1890 году.

В трудное для Пастернака время, когда ему угрожала отправка на фронт, когда он не мог найти свое призвание и метался между музыкой и литературой, Збарская помогла ему разобраться в самом себе. В те годы Борису Леонидовичу была нужна именно такая женщина. Она восхищалась им, слушала его. Благодаря ей поэтический голос Пастернака обретает мощь и раскованность.

Фанни Николаевна ушла от обласканного Советской властью, обеспеченного мужа в 1922 году. Родные ей этого не простили, в семье ее сына Ильи Збарского фамилия Пастернака была под запретом.

Борис Пастернак женился на Евгении Лурье в январе 1922 года.

Борис Збарский женился на Евгении Перельман в 1928 году.

Фанни Збарская замуж больше не вышла.

Знала ли Фанни Николаевна о том, что она – прототип Ларисы Антиповой в варыкинский период ее

литературной жизни? Наверное, знала, но хранила тайну. С таким же достоинством и простотой, как это делала бы Лариса Гишар.

В поисках доказательств

До Великой Отечественной войны Фанни Николаевна работала в поликлинике Второго Московского медицинского института (2-го ММИ) им. Я. И. Сталина. В 1930-е годы Б. И. Збарский возглавлял в этом институте кафедру биохимии.

С октября 1941-го по октябрь 1943 года большая часть профессорско-преподавательского состава и студентов 2-го ММИ была эвакуирована в Омск, эвакуировалась и Фанни Николаевна, работала в поликлинике Омского горздрава. В 1944 году вернулась во 2-й ММИ, где работала до 1953 года, затем до 1961 года – в поликлинике № 28 Фрунзенского района города Москвы.

Из московских телефонных справочников за 1935 и 1939 годы нам стало известно, что Фанни Николаевна жила на Арбате, дом 51. В 2012 году мы разыскали внука Фанни Николаевны Алексея Ильича Збарского. Он рассказал, что последний год жизни она провела в доме для престарелых в Балашихе. Умерла в 1971 году. Похоронена на Николо-Архангельском кладбище.

Алексей Ильич мальчиком бывал у бабушки дома, окно ее комнаты выходило на Арбат. Он бросал с балкона комья земли в прохожих. Алексей Ильич всегда смотрит на балкон Фанни Николаевны на 6-м этаже, когда проходит мимо того дома.

Мы позвонили в Балашихинский дом престарелых, чтобы узнать, не осталось ли каких документов и писем Збарской. Нам ответили, что хранят архивы умерших сорок лет.

Позвонили Майе Павловне Збарской, второй жене сына Фанни Николаевны Ильи Борисовича (умер в 2007 году), интересовались письмами Фанни Нико-

лаевны. Майя Павловна спросила: «А кто это?» – «Вы носите ее фамилию». Судя по тому, что нам сегодня известно, у Майи Павловны есть интересные документы, но очень дорого стоят.

Борис Леонидович и Фанни Николаевна наверняка переписывались в месяцы разлуки, то есть с марта 1917-го до апреля 1919 года. Семья Збарских приехала в Москву в мае 1919 года, когда Елабугу заняла армия Колчака.

Может быть, что-то сохранилось у потомков Татьяны Николаевны Лейбович? Известно, что у Пастернака сохранились четыре письма Елены Виноград лета 1917 года. Два из них были адресованы в Нащокинский переулок, д. 6, кв. 16. Этот 5-этажный кирпичный жилой дом был построен в 1911 году по индивидуальному проекту.

На этаже по две квартиры. Восьмая – на четвертом этаже, окна выходят в переулок, старинная до потолка дверь.

Москва, Нащокинский пер., дом 6. Восьмая квартира на четвертом этаже, где жил Б. Л. Пастернак

В доме работает дореволюционный лифт, едем в нем с нетрезвой разговорчивой дамой. Спрашиваем, не слышала ли она фамилию Лейбович. Дама отвечает, что не слышала, но в подъезде жила племянница той самой Галы (Елены Дьяконовой), которая стала женой Сальвадора Дали. И еще А. И. Микоян, партийный и государственный деятель.

Про восьмую квартиру нам рассказывает охранник. Ее в советское время ЖЭК дал дворничихе, квартира со временем стала густо населенной: дети обзавелись семьями и пр. Какая-то риэлторша расселила квартиру, делает ремонт и будет ее продавать. Оставляем охраннику записку для риэлторши, просим позвонить, если ей что-то известно о Лейбовичах. Но она не звонит.

Встречаем в Перми знакомого Лейбовича. Оказывается, он – родственник московских Лейбовичей. Спрашиваем его о письмах-документах 20-х годов прошлого века. Он говорит, что все было уничтожено в годы репрессий. Возможно это и так, но прекрасная Фанни Николаевна живет в романе «Доктор Живаго», и это навсегда.

Збарская сохранила привлекательность до преклонного возраста, это видно при сравнении двух фотографий: на одной из них Фанни Николаевне восемнадцать лет, на другой – за семьдесят.

В 2013 году Ирина Артёмова при поддержке Администрации Александровского района организовала пленэр по пастернаковским местам. Художники из России, Германии и Голландии, а также галерист Галина Зайдель (галерея Зайдель, Кёльн) побывали во Всеволодо-Вильве, Иваке и Усть-Игуме. Провели мастер-класс для школьников северных районов Пермского края, выставку «Возвращение в Юрятин» в Пермской арт-резиденции. На выставке среди других были представлены работы, посвященные Фанни Збарской.

*Фанни Николаевна Збарская.
1902 г.⁴⁵*

*Ф. Н. Збарская (в центре), Илья Борисович и его жена
Ирина Петровна, внуки Алексей и Дмитрий⁴⁶*

*Сергей Артёмов у портрета Фанни Збарской.
Автор – Елена Черткова*

*Пермская художница Татьяна Нечухина
у своей работы «Збарская и Пастернак»*

- ¹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Подгот. текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. С. 447–448.
- ² Там же. С. 275.
- ³ В 1967 г. посёлок Бондюжский (где ранее находился Бондюжский химический завод Ушковых), Тихие Горы (пристань и почтовое отделение, адрес конторы химического завода Ушковых) и Камашево объединены в город Менделеевск.
- ⁴ Из воспоминаний Б. И. Збарского // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака [текст] / Отв. ред. В. В. Абашев; Пермский гос. ун-т; Ин-т мировой культуры МГУ; Науч. совет «История мировой культуры» РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 418–422.
- ⁵ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926 / Борис Пастернак; Сост., коммент. Е. В. Пастернак и М. А. Решковской. М.: Слово/Slovo, 2005. С. 211.
- ⁶ Там же. С. 214.
- ⁷ Там же. С. 220.
- ⁸ *Пастернак Е. В.* Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. С. 69–70.
- ⁹ Там же. С. 70.
- ¹⁰ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926... С. 217.
- ¹¹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1912–1931 / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Вступ. статья Д. Лихачёва; Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. М.: Худож. лит., 1989. С. 614–615.
- ¹² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 422–423.
- ¹³ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1912–1931... С. 101–102.
- ¹⁴ Там же. С. 649.
- ¹⁵ <http://humus.livejournal.com/3491503.html>.
- ¹⁶ *Пастернак Е. В.* Борис Пастернак: Материалы для биографии... С. 263.
- ¹⁷ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926... С. 252.
- ¹⁸ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1912–1931... С. 616, 738.

- ¹⁹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926... С. 226.
- ²⁰ Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии... С. 256.
- ²¹ Фотокопии предоставлены А. И. Збарским и Л. А. Збарской.
- ²² Фото из архива А. И. Збарского и Л. А. Збарской.
- ²³ Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии... С. 263.
- ²⁴ Штейн А. П. И не только о нем...: повесть. М.: Сов. писатель, 1990. С. 116.
- ²⁵ Там же. С. 79.
- ²⁶ Фото из архива А. И. Збарского и Л. А. Збарской.
- ²⁷ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. I. Стихотворения и поэмы. 1912–1931 / Гл. ред. Д. В. Тевекелян; Предисл. Л. С. Флейшман. Сост. и коммент. Е. Пастернак и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2003. С. 208.
- ²⁸ Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (*старофр.*).
- ²⁹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. I. Стихотворения и поэмы. 1912–1931... С. 230–231, 509.
- ³⁰ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926... С. 283.
- ³¹ Там же. С. 288–290.
- ³² Там же. С. 294.
- ³³ Штейн А. П. И не только о нем...: повесть... С. 78.
- ³⁴ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 249, 251–252.
- ³⁵ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. VII. Письма. 1905–1926... С. 304.
- ³⁶ Пастернак Ж. Л. Хождение по канату: мемуарная и философская проза. Стихи / Сост.: Е. Б. Пастернак, Е. В. Пастернак. М.: Три квадрата, 2009. С. 138.
- ³⁷ Там же. С. 179–180.
- ³⁸ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. М.: Худож. лит., 1992. С. 107–108.
- ³⁹ Имеется в виду роман, отделанное начало которого было издано как повесть «Детство Люверс».
- ⁴⁰ Там же. С. 106.
- ⁴¹ Иванов В. В. Хронотопы творческой биографии Б. Л. Пастернака // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака [текст] / Отв. ред. В. В. Абашев; Пермский

гос. ун-т; Ин-т мировой культуры МГУ; Науч. совет «История мировой культуры» РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 418–422.

⁴² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 27.

⁴³ Там же. С. 88.

⁴⁴ Там же. С. 7.

⁴⁵ Фото из архива А. И. Збарского и Л. А. Збарской.

⁴⁶ То же.

Фотоколлаж на титульном листе главы «Храм Просвещения»:

Верхний ряд слева направо – Анастасия Цветаева; Библиотека Московского Императорского университета на улице Моховой; Марина Цветаева.

Средний ряд – Аудиторный корпус Московского Императорского университета.

Нижний ряд – Спасская башня Московского Кремля; О. В. Ивинская и Б. Л. Пастернак.

Глава состоит из оригинальных, впервые высказанных версий о том, что Юрятинская читальня – библиотека Московского Императорского университета ©.

Авторы обращают внимание читателей на то, что в романе «Доктор Живаго» есть два Юрятина – вымышленный и настоящий ©. У выдуманного – несколько прообразов, в том числе и рабочий поселок Бондюжского химического завода ©. А «действительный Юрятин, настоящий и невымышленный», видневшийся из окон читального зала, – это Москва, город, основанный Юрием Долгоруким ©.

В эпизоде в библиотеке прототип Лары – Ольга Ивинская, выпускница редакционно-публицистического отделения МГУ ©, библиотекари – Анастасия и Марина Цветаевы ©.

Юрятинская читальня

Доктор Живаго и Лара встретились в библиотеке. Где же она находилась? Борис Леонидович описывает библиотеку подробно, значит, он бывал в ней не раз: «Многооконный читальный зал на сто человек был уставлен несколькими рядами длинных столов, узенькими концами к окнам»¹.

В начале двадцатого века читальными залами на сто человек могли похвастаться только столичные учебные заведения, к примеру Московский Императорский университет.

В этом университете сначала на юридическом, а с 1909 года на философском отделении историко-филологического факультета учился Борис Пастернак. Занятия проходили в Аудиторном корпусе на Моховой, 9 (сейчас здесь находится факультет журналистики МГУ).

В 1912 году Пастернак изучал философию в Марбургском университете у главы Марбургской неокантианской школы профессора Германа Когена, являлся одним из его любимых учеников и мог бы остаться в Германии. Но после неудачного предложения руки и сердца Иде Высоцкой (об этом стихотворение «Марбург», написанное в 1916 году и посвященное Фанни Николаевне Збарской) был так удручен, что, забыв об учебе, уехал в Венецию, где в это время находились его родители, а затем в Москву.

В 1913 году Пастернак пишет кандидатское сочинение (дипломную работу) «Теоретическая философия Германа Когена» и сдает выпускные экзамены.

Темы кандидатских сочинений были утверждены 5 февраля на заседании историко-филологического факультета. 8 февраля в письме своему другу Сергею Боброву Пастернак шутливо жалуется на нехватку времени: «Надо, понимаешь ли, университет кончить. Сижу по целым дням в библиотеке за кандидатским. Осталось три недели срока, а я и не начинал. Хожу ин-

когнито в рединготе, не кланяюсь знакомым, ухожу из дома к письменному столу, переменяю голос, смеюсь, держа платок промеж обоих указательных, сердце у меня лопаётся, душа трескается – тысяча перемен»². В этой цитате обратим внимание на носовой платок, который автор держит «промеж обоих указательных».

Вот что мы читаем о докторе Живаго, тоже чрезвычайно поглощенном чтением книг: «За этими размышлениями доктор успокоился. Редкий мир сошел ему в душу <...>. Не заботясь о том, как стоит его стул, и не боясь помех и рассеяния, он час или полтора проработал еще усидчивей и сосредоточенней, чем до прихода Антиповой. Он перерыл высившуюся перед ним гору книг, отобрал самое нужное и даже попутно успел проглотить две встретившиеся в них существенные статьи»³.

Друг Пастернака Константин Локс вспоминал, как он вместе с Борисом Леонидовичем готовился к выпускным экзаменам: «Весной 13-го года, просмотрев программу и список подлежащих сдаче курсов, я с некоторым изумлением убедился, что и то и другое требует довольно деятельного изучения <...>. Кроме этого следовало написать так называемое «кандидатское сочинение», дававшее право на диплом первой степени. Я выбрал тему по теории знания у Бергсона и Шопенгауэра, Пастернак – по философии Когена. Мы оба работали в университетской библиотеке, сидя недалеко друг от друга. Я видел, как большая кипа бумаги с каждым днем росла возле моего друга. Он писал быстро, не отрываясь, я старался не отставать от него. В результате, с моим сочинением произошла забавная история. Челпанов, прочитав его, пригласил меня к себе в кабинет и, предварительно заперев двери на ключ, заявил, что он «не ожидал от меня такой работы, что это литературное, а не философское произведение, при этом чрезвычайно субъективное, и что он за честь его не может». Я отвечал какой-то дерзостью

и – получил диплом второй степени. Пастернаку повезло больше. Может быть потому, что Челпанов никогда не читал Когена и уж, конечно, не понимал его, может быть, разгон мысли моего друга, за которым он не мог уследить, может быть, боязнь попасть в глупое положение и проявить свое невежество, но спорить с Борисом он не стал и даже, кажется, наговорил ему комплиментов. После всех этих историй с «сочинением» мы вплотную приступили к подготовке, то есть к штудированию учебников. Мы часто готовились вместе, при этом я обычно обедал и иногда оставался ночевать в гостиной Пастернаков, на диване карельской березы, хотя ночь обычно проходила без сна за зубрёжкой, иначе нельзя назвать было бессмысленное усвоение кучи фактов»⁴.

Пастернаки с августа 1911 года жили в казенной квартире в доме по ул. Волхонка, 14 (см. главу «Тайна дома Лары»), до библиотеки университета на ул. Моховой, 9 пешком минут пятнадцать.

Студенты философского отделения сдавали устные государственные экзамены по истории Греции, древней и средневековой философии, по новой русской литературе, по новой истории, новой философии, по истории западноевропейской литературы.

30 мая на заседании испытательной комиссии Пастернак был удостоен диплома первой степени, 7 июня ему было выдано выпускное свидетельство.

«За дипломом кандидата философии № 20974 (как это называлось по традиции), который был ему оформлен через год, 11 июля 1914 года, Пастернак в канцелярию не ходил, и документ остался в архиве университета»⁵.

Вероятнее всего, именно этот читальный зал университетской библиотеки, в котором Пастернак провел много часов за подготовкой кандидатского сочинения, и стал прообразом юрятинской читальни. В зрелом возрасте Борис Леонидович значительно меньше работал в читальном зале, предпочитая брать

книги на дом, в том числе и из библиотеки университета.

Библиотека Московского Императорского университета (сейчас – Научная библиотека Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова) открылась 14 июля 1756 года. Это одна из старейших и наиболее крупных научных библиотек России.

В 1901 году под руководством зодчего Константина Михайловича Быковского началось переустройство Аудиторного корпуса университета. К 1904 году работы были завершены, в числе многочисленных преобразований на Моховой, 9 – корпус Научной университетской библиотеки, угловая часть которого была выполнена в виде ротонды.

О том, что библиотекой города Юрятина является библиотека Московского университета, свидетельствует также фраза: «Люди из народа с красивыми здоровыми лицами, одетые опрятно, по праздничному, входили в зал смущенно и робко, как в церковь»⁶.

С 1919 года в Аудиторном корпусе располагался рабфак (рабочий факультет) МГУ, вот эти-то «люди из народа» и приходили в читальный зал за новыми знаниями. Что касается церкви, то это – университетская церковь Святой Татианы на углу Моховой и Никитской, открытая в 1837 году. Здесь студенты и профессора прощались со многими из тех, кто вписал навсегда свое имя в историю русской науки и культуры, в том числе и с Н. В. Гоголем.

Университетский храм был закрыт в 1918 году, новым – духовным – храмом для людей из народа стала библиотека.

В 1922 году в здании церкви был открыт клуб, в 1958 году – Студенческий театр МГУ, на сцене которого ставили свои первые пьесы М. Розовский, Р. Быков, раскрывались актерские способности И. Савиной, А. Демидовой, А. Кортнева, И. Богушевской и других.

В 1993 году была восстановлена община при церкви Святой Татианы. 25 января 1995 года, в Татьянин день, здесь вновь была освящена домовая церковь Московского университета.

Настоящий и вымышленный Юртин

Читаем внимательно десятую главу девятой части романа, где на двух страницах текста спрессовано несколько пластов ощущений и тем. Борис Леонидович дважды говорит о настоящем и вымышленном Юртине. Автор хотел, чтобы внимательные читатели это заметили.

У выдуманного Пастернаком Юртина несколько прообразов, в том числе и город Елабуга (Республика Татарстан) (см. главу «Уездный город Юртин и его окрестности»).

Вымышленный Юртин появляется в воображении Юрия Андреевича, наблюдающего за юртинскими жителями, постепенно наполняющими читальный зал. Доктору казалось, что «он знакомится с городом, стоя на одном из его людных скрещений, и будто в зал стекаются не читающие юртинцы, а стягиваются дома и улицы, на которых они проживают.

Однако и действительный Юртин, настоящий и невымышленный, виднелся в окнах зала»⁷. Читатели «толпились у окна, любуясь видами города». Что же это за город?

Десятая глава четвертой части («Окончание») посвящена краткому описанию последних лет жизни героя:

«Юрий Андреевич стал приводить в порядок то из сочиненного, обрывки чего он помнил и что откуда-то добывал и тащил ему Евграф <...>. Он скоро забросил эту работу и от восстановления неоконченного перешел к сочинению нового, увлеченный свежими набросками. <...> Статьи и стихотворения были на одну тему. Их предметом был город»⁸.

«Впоследствии среди его бумаг нашлась запись:

«<...> Я живу на людном городском перекрестке. Летняя, ослепляемая солнцем Москва, накаляясь асфальтами дворов, разбрасывая зайчики оконницами верхних помещений и дыша цветением туч и бульваров, вертится вокруг меня и кружит мне голову и хочет, чтобы я во славу ей кружил голову другим. Для этой цели она воспитала меня и отдала мне в руки искусство.

Постоянно, день и ночь шумящая за стеною улица так же тесно связана с современною душою, как начавшаяся увертюра с полным темноты и тайны, еще спущенным, но уже заалевшимся огнями рампы театральным занавесом. Беспрестанно и без умолку шевелящийся и рокошующий за дверьми и окнами город есть необозримо огромное вступление к жизни каждого из нас. Как раз в таких чертах хотел бы я написать о городе»⁹.

«Описания Москвы отнюдь не выполняют в «Докторе Живаго» лишь «декоративную» функцию, не являются бытовым и природным «фоном». Москва – прежде всего *действующее лицо* пастернаковского романа, активный участник всех событий, происходящих в жизни его главного героя, причем жизни не столько «внешней», так сказать, биографической, сколько внутренней, духовной, творческой.

В представлении Юрия Живаго Москва — воплощение *урбанизма, городской стихии*. В свою очередь, *город* становится символом жизни и неразрывно связанного с ней *поэтического искусства*»¹⁰.

В 1946 году при знакомстве с редактором Ольгой Ивинской Пастернак сообщил: «...задумал роман в прозе, но еще не знаю, во что он выльется. Хочется побродить по старой Москве, которую вы уже не помните, об искусстве поговорить, подумать»¹¹.

Какой же все-таки город был «настоящим» Юрятиным? Ответ прост. Тот, что читатели и Юрий Живаго видели из окон библиотеки, а видели они «церкви и здания города»¹².

*«Юрятинская читальня» – библиотека
Московского университета.
Фото нач. XX в.*

*Вид из окна библиотеки на «настоящий Юрятин».
Слева – университетская церковь Святой Татианы
(угол Моховой и Никитской), в центре – Александровский сад,
Кремль, справа – Манежная площадь и Манеж*

Мы уже знаем, что в романе описывается читальный зал библиотеки Московского университета на Моховой. Из его окон видна Москва, ее исторический центр – Александровский сад, Кремль, Манеж, Манежная площадь и церковь Святой Татианы. Это значит, что настоящий Юрятин – Москва – город, основанный Великим князем Ростово-Суздальским и Киевским Юрием Долгоруким, единственный в мире город, который Борис Леонидович любил и знал хорошо, потому что прожил в нем всю жизнь.

Читательница библиотеки Лара Антипова – Ольга Ивинская

В библиотеке доктор Живаго увидел Лару. С кем из будущих прототипов Лары мог встретиться Борис Леонидович в университетской читальне? Вероятнее всего, с той женщиной, которая, как и он, училась в Московском университете. Из известных нам «Лар» выпускницей МГУ была только Ольга Ивинская. Она окончила редакционно-публицистическое отделение¹³, открытое в двадцатые годы прошлого века на факультете литературы и искусства.

Но сначала пятнадцатилетняя Ольга Ивинская (Подобедова) в 1927 году поступила на подготовительное отделение Высших государственных литературных курсов (ВГЛК), где проучилась два с половиной года.

Преподаватели ВГЛК отмечали великолепную память Ольги. Однажды группа студентов была на экскурсии в Музее-квартире Ф. М. Достоевского. Преподаватель сказал, что это помещение описано в «Подростке», и обратился к Ольге: «Прочти нам, пожалуйста, это место». И она начала на память цитировать соответствующие страницы романа.

В 1929 году профессоров ВГЛК стали вызывать на допросы на Лубянку (началось «Академическое дело», по которому проходили Н. П. Лихачёв, С. Ф. Плато-

нов, Е. В. Тарле и др.). Вскоре Литературные курсы были закрыты. Ольга Ильинична перевелась на редакционно-публицистическое отделение факультета литературы и искусства МГУ. Факультет находился в том самом Аудиторном корпусе на Моховой, 9 (ныне здесь находится факультет журналистики), где учился Борис Пастернак. Естественно, Ольга занималась в той же библиотеке, где Пастернак готовил «кандидатское сочинение».

Читатель скажет, Пастернак и Ивинская учились в Московском университете в разное время, поэтому не могли встретиться в библиотеке. Тут важно, когда и при каких обстоятельствах они встретились.

При первой встрече они не увидели друг друга. «В середине августа 1934 г. я зашла в Московский редакционно-издательский институт, на последнем курсе творческого факультета которого я училась. Занятия вскоре должны были начаться, и в институте было суматошно и людно. Заглянула в деканат – и вдруг такая удача – мне дали приглашительный билет на открытие Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

Вечером семнадцатого августа я была в числе первых, кто занял гостевые места в Колонном зале Дома Союзов в Охотном ряду. Я впервые увидела и услышала Горького <...>. Я знала, что Пастернак находится в президиуме. Но из моей дали разглядеть его как следует не могла»¹⁴.

До Великой Отечественной войны Ольга Ильинична работала художественным, техническим или литературным редактором в разных московских издательствах: Объединение научно-технических издательств, Издательство Академии наук, Учпедгиз, «Молодая гвардия».

После войны она работала заведующей отделом начинающих авторов в редакции журнала «Новый мир». В октябре 1946 года редакция переехала за угол площади Пушкина с четвертого этажа «Известий». «Ког-

да-то в новой нашей резиденции, в теперешнем нашем вестибюле, танцевал на балах молодой Пушкин»¹⁵.

Новым редактором журнала стал Константин Симонов. «О стихах говорили весь день – то с одним, то с другим <...>. Симонов мечтал привлечь живых классиков: Антокольского, Пастернака, Чуковского, Маршака. И это я ему обязана личным знакомством с Пастернаком»¹⁶, – вспоминала Ольга Ивинская. К этому времени она была уже дважды вдовой, матерью двух малолетних детей.

Секретарь редакции З. Н. Пиддубная подарила Ольге билет на вечер Пастернака в библиотеку Исторического музея, где он должен был читать свои переводы.

«Я его не видела с довоенных лет. За полночь, помню, вернувшись, сказала сердитой маме, которой пришлось открывать мне дверь: «Я сейчас с богом разговаривала, оставь меня!».

Она махнула рукой и пошла спать. Пришлось вечер в библиотеке переваривать одной.

В первый раз, пожалуй, я видела Пастернака так близко.

Стройный, удивительно моложавый человек с глухим и низким голосом, с крепкой молодой шеей, он разговаривал с залом как с личным собеседником и читал так, как читают себе или близкому другу, бормоча и переспрашивая»¹⁷.

В перерыве к нему подошли поклонники, просили его почитать свои стихи, он читал оставшимся. Но Ольга остаться не посмела, ушла.

Ивинская ушла, как Лара. И здесь место действия – библиотека и отсутствие чего-то малого для того, чтобы общение началось.

И вот третье – настоящее знакомство: «А я стояла у окна – мы с Наташей собирались идти обедать».

Напомним: в романе Антипова «вполголоса разговаривала с простуженной библиотечаршей, которая стояла, наклонившись к Ларисе Федоровне, и перешептывалась с ней»¹⁸.

Ивинская пишет: «И вот он у моего столика у окна – тот самый щедрый человек на свете, кому дано право говорить от имени облаков, звезд и ветра, нашедший такие вечные слова о мужской страсти и женской слабости»¹⁹.

А здесь вернемся к носовому платку, который Пастернак, сморкаясь, держал «промеж обоих указательных» пальцев, то есть закрывал ими рот и нос. Так же вела себя библиотечка в черной шелковой кофте, которая «почти не отнимала носового платка от рта и носа, говорила и дышала в платок»²⁰.

Вероятно, это покажется экстравагантным, но прототип библиотечки – сам Борис Леонидович. Он хотел быть рядом с Ольгой в те годы, когда она училась в Московском университете. В романе «Доктор Живаго» разница в возрасте в двадцать два года преодолевалась легко.

При первой встрече разговор Пастернака и Ивинской тоже шел о книгах. Борис Леонидович спросил Ольгу Всеволодовну о том, есть ли у нее его книги. Узнав, что только одна, удивился и пообещал достать («хотя книги почти все розданы») и подарить.

Мы видим, как в эпизоде встречи Живаго с Ларой в библиотеке описаны те же чувства, мысли и ощущения, что и при встрече Бориса Пастернака с Ольгой Ивинской.

Выбор места встречи Лары и доктора Живаго не случаен. Библиотека, как символ света, духовности и знаний, объединяет писателя Бориса Пастернака и редактора Ольгу Ивинскую, доктора Юрия Живаго и Лару Антипову.

Библиотекари – сёстры Анастасия и Марина Цветаевы

Из близких знакомых Бориса Пастернака библиотечка работала А. И. Цветаева. В начале двадцатых годов прошлого века в Крыму, в Феодосии, Ана-

стасия Ивановна занималась устройством народных читален.

В 1924 году после долгих поисков работы в Москве она была принята в Музей изящных искусств, созданный ее отцом – профессором Московского университета Иваном Владимировичем Цветаевым.

В «Воспоминаниях» Анастасии Ивановны читаем:

«Я иду на работу, в библиотеку Музея изящных искусств (родной с детства, с дней, когда, маленькие, мы с Мариной приезжали с папой, со старшими на полупустую его площадь Колымажного двора, сверкавшую кусками мрамора, и подбирали его обломочки белоснежные, и спорили, на что они больше похожи: на сахар или на бертолетову соль...). Я работаю тут уж почти три года. Массивное греческое здание стоит перед украшенной газонами и елками лужайкой уже третье десятилетие. Отец, его основатель и первый директор, в последний раз вошел в него в 1913-м. Я пришла работать сюда младшим научным сотрудником одиннадцать лет спустя. О, как счастливо – как в детстве! – я вхожу сейчас в Музей, сжав под мышкой томик Горького.

Я не любила библиотечную работу. Она была мне безмерно скучна. Писать каталог на книги, не имея времени прочесть то, что захочется, выдавать сотрудникам книги (вместо того, чтобы писать свои...). Но у меня сын, и я не должна задаваться большими планами, ловить журавлей! Зарплата библиотекаря – та синица, которая кормит и греет наш с ним скромный уголок в мире. Но он так скромен, что в час перерыва, когда другие сотрудники библиотеки идут к своему веселому столу пить чай со сдобными хлебцами, я сижу у своего, нацедив в кружку чай, и ем черный хлеб. Зато – эти полчаса я не трачу на разговоры (от чайного стола – взрывы смеха, все они дружны, давно знают друг друга, я мало кого знаю, держусь особняком), – сколько книг я уже прочла – по полчаса, за три года, за моей

чайной кружкой! А теперь – о, теперь я уже не одинока, – потому что Горький со мной! Все герои его, знавшие нужду, как и мне довелось, потеряв мужа и сына, очаг, все они со мной, все горьковские герои!

Да, в том мире, где шел мой служебный день, в библиотеке Музея изящных искусств у меня со всеми были хорошие отношения, но друзей не было. Частью потому, может быть, что я всего за три года до этого пришла во много лет до меня сплотившийся коллектив и, общаясь с сотрудниками лишь в часы работы («домами» ни с кем из них не была знакома), не делала шагов к сближению»²¹.

Можно было бы предположить, что одна из работниц юрятинской городской читальни похожа на Анастасию Цветаеву. Поиск каких-либо совпадений между литературными библиотечными персонажами и Анастасией Ивановной привел нас к неожиданному результату.

Самдевятов рассказывает Юрию Живаго об Авдотье Севериновне (одной из сестер Тунцевых), работавшей библиотекарем в городской читальне: «Милая, черненькая барышня, конфузливая до чрезвычайности. Ни с того ни с сего зардеется как пион»²².

«Взрывы гнева – это была стихия Маринина, – пишет в «Воспоминаниях» о сестре Анастасия Цветаева. – Другая стихия – застенчивость. Мученье стесняться было почти не под силу: взойти в чью-то гостиную, где люди, в сеть перекрестных взглядов, под беспощадно светлым блеском ламп, меж ненавистных шелковых кресел, ширм, столов под бархатной скатертью – было почти сверх сил. Окаменев, готовая себя разорвать за то, что снова покраснела до корней волос, она шла как на казнь, с недвижимым – ни один мускул! – лицом, опустив глаза, почти прекрасная в эти минуты!»²³.

Одна из помощниц старшего библиотекаря юрятинской читальни, вероятно, та же Авдотья Севериновна, «сердитая», «без конца снимала и напяливала на нос пенсне, руководствуясь, по-видимому, не на-

добностями зрения, а переменчивостью своих душевных состояний»²⁴.

Вновь обращаемся к «Воспоминаниям» Анастасии Цветаевой:

«Портили Марину очки. Сменив их в шестнадцать-семнадцать лет на пенсне, затем сняв и его, похудев, подрезав волосы прической «пажа», она к своим девятнадцати-двадцати годам стала просто красавицей»²⁵.

Почему у читателей-юрятинцев лица как у инопланетян

Десятая глава девятой части романа состоит из девяти абзацев. В пятом, восьмом и девятом абзацах говорится о симптомах некоего общего для юрятинцев заболевания, «...всеобщей мертвенной одутловатостью, точно все заболели зобами»²⁶.

Этот «зоб» сбил нас с толку. Искали статистику, где была самая высокая заболеваемость щитовидной железы в начале прошлого века, пока не поняли, что симптомы зоба не те, что указаны Пастернаком. Из внешних: раздражительность, потливость, потемнение складок кожи (шея, поясница, локоть и др.), крапивница, выпуклость глаз и прочее. Но Пастернак называет совершенно другие симптомы: «нездоровые, вытянувшиеся лица, обрюзгшие по разным причинам <...> опухшие, книзу удлинённые, оплывшие лица, как у половины читающих, та же дряблая, обвислая кожа, землистая с празеленью, цвета соленого огурца и серой плесени»²⁷. А библиотекарша в черной шелковой кофте вдобавок ко всем этим неприятным внешним проявлениям таинственной болезни, еще и «страдала грудью».

Еще один вопрос: что такое «празелень»? В Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой читаем, что «празелень» – это иссиня-зеленый цвет.

Чтобы поставить диагноз юрятинцам, обратимся к медицинским справочникам. Оказывается, цианотич-

ное окрашивание кожных покровов (от сероватого или слегка синеватого оттенка до темной и даже сине-черной окраски) является симптомом отравления парами соляной кислоты. В ряде случаев цианоз становится стойким; покровы почти всего тела выраженной темной и даже сине-черной окраски.

У человека, отравившегося парами серной кислоты, среди прочих фиксируются бледно-голубой оттенок кожных покровов, темный цвет губ, охриплость голоса и боли и спазмы в горле.

Симптомами легкой степени отравления хлором являются першение в носоглотке, чихание и сухой кашель. Вспомним: библиотекарь в черной шелковой кофте, отворив откидную форточку, расчихалась, «она чихнула в десятый или двенадцатый раз»²⁸.

*Рабочие цеха по производству серной кислоты
контактным способом*

Борис Пастернак видел близко людей, занятых на химическом производстве. Это было с октября 1916-го по март 1917 года, когда он работал специалистом военно-учетного стола на химических заводах Ушковых в поселках Бондюга (ныне – в составе города Менделеевска, Республика Татарстан) и Кокшан. В те годы на предприятии действовали цеха серной и соляной кислот, хлороформенный, медного и железного купороса, квасцовый, хлористого бария и хлористого кальция, большая часть продукции которых использовалась в военной промышленности.

В 1908 году владельцы завода приобрели в Германии патент на устройство по производству серной кислоты контактным способом.

Время было военное ²⁹, не до безопасности производства. Пастернак, как человек наблюдательный, откладывавший в творческую копилку все, чему он был свидетелем, не мог не заметить кашель, чихание и особый цвет кожи работников заводов. Роман был написан в середине прошлого века, в те годы химический завод Ушковых (ныне – АО «Химический завод им. Л. Я. Карпова») продолжал выпускать ту же химическую продукцию, что и в годы Первой мировой войны. Вероятно, рабочие завода так же страдали на вредном химическом производстве, что и при царизме, поэтому Пастернак, до последнего надеявшийся опубликовать роман в СССР, не мог указать в тексте романа истинную причину «землистого с празеленью» цвета лиц юрятинцев. Чтобы усыпить бдительность советского цензора и появился малозначительный «зоб».

Свет с Востока

«**М**ежду тем солнце не стояло. Все время перемещаясь, оно обошло за эти часы восточный угол библиотеки. Теперь оно светило в окна южной стены, ослепляя наиболее близко сидевших, и мешая им читать» ³⁰.

Борис Леонидович, хорошо знакомый с масонской символикой, не мог не напомнить нам о том, что свет знаний приходит с Востока. Кто же являлся проводником этих знаний? Для того чтобы понять, под чьим влиянием все годы своего существования находилась юрятинская читальня, то есть библиотека Московского университета, обратим внимание на ее создателей, то есть благодетелей.

В Юрятине была «замечательная городская библиотека, составленная из нескольких богатых пожертвований»³¹.

Фонды библиотеки Московского Императорского университета на протяжении всего времени существования так же пополнялись за счет пожертвований частных лиц. Приведем только несколько примеров таких пожертвований.

В 1802 году горнопромышленник П. Г. Демидов пожертвовал Московскому университету библиотеку, ставшую родоначальницей так называемых «частных библиотек». «Благодетели русского просвещения» Демидовы, славные своими пожертвованиями, на протяжении длительного времени дарили крупные суммы на содержание Университета и студентов»³².

В июле 1813 года профессора Московского университета опубликовали «красноречивое воззвание к благодетелям просвещения» с просьбой помочь в восстановлении сгоревшей во время Отечественной войны библиотеки. На обращение о воссоздании библиотеки откликнулись воспитанники Московского университета А. Ф. Лабзин, А. Ф. Малиновский, К. И. Габлиц и многие другие любители наук³³.

«Фамилия Демидовых немедленно обнаружила свое родовое призвание благодетельствовать просвещение Отечества. Тайный советник Николай Никитич Демидов значительным пожертвованием 1250 минералов, 1450 раковин, 250 разных животных и многих других произведений природы, положил основание новому музею»³⁴.

В 1844 году Е. Ф. Муравьёва, вдова бывшего попечителя библиотеки М. Н. Муравьёва и мать декабриста Н. М. Муравьёва, передала в дар университету собрание редких изданий (свыше 4000 томов). По желанию дарительницы оно сохранено как единая коллекция под названием «Муравьёвская библиотека»³⁵.

В 1847 году профессор физико-математического отделения философского факультета Г. И. Фишер фон Вальдгейм передал в дар библиотеке университета фрагменты уникальных первопечатных книг XV века, а профессор медицинского факультета М. В. Рихтер – собрание книг по медицине, содержавшее около 1400 томов³⁶.

В 1853 году тайный советник Ф. Ф. Вигель пожертвовал в пользу библиотеки собрание из 3139 гравированных портретов и до 800 рисунков, помещенных в особых изданиях. Эта превосходная коллекция содержит в себе самую занимательную галерею лиц отечественной и всемирной истории того времени³⁷.

С 1878 года в Московском университете преподавал в качестве доцента, а с 1880 года – профессора по кафедре государственного права и истории М. М. Ковалевский, лично знавший К. Маркса и считавший себя его другом. В частной библиотеке Ковалевского были собраны труды основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, многие из них имели дарственные надписи. В 1916 году по завещанию Максима Максимовича значительная часть этой ценнейшей библиотеки была передана Московскому университету³⁸.

Вспомним, что в юрятинской читальне Лариса Федоровна заказывала марксистскую литературу: «На стойке, куда доктор перенес свои тома и брошюры, еще лежала неубранною литература, возвращенная Антиповой. Все это были руководства по марксизму. Вероятно, как бывшая, вновь переопределяющаяся учительница, она своими силами на дому проходила политическую переподготовку»³⁹.

Здание библиотеки Московского университета на Моховой улице, в котором занимался Борис Пастернак, также было построено на средства, пожертвованные частными лицами. Закладка здания библиотеки состоялась 8 июля 1897 года. В фундамент была замурована бронзовая доска с текстом о том, что здание строится на средства, пожертвованные М. И. Муравьевым-Апостолом, Ф. И. Ушаковой и М. И. Павловой, по проекту архитектора К. М. Быковского и под наблюдением архитектора З. И. Иванова ⁴⁰.

Декабрист М. И. Муравьев-Апостол, вернувшись из Сибирской ссылки, поселился в квартале, где издавна снимали квартиры студенты университета. От своего друга и соратника И. Д. Якушкина и его внука, кандидата университета В. Е. Якушкина, Матвей Иванович хорошо знал нужды студенчества Московского университета и его библиотеки.

5 марта 1884 года старый декабрист указал в завещании: «Московскому университету завещаю 25 тысяч наличными деньгами...». Спустя два года он скончался.

Воспитанница и душеприказчица М. И. Муравьева-Апостола А. П. Сазанович в письме к ректору подчеркнула, что, «завещая означенный капитал Университету, [М. И. Муравьев-Апостол] имел в виду именно учебно-образовательную часть его, и учащейся молодежи, желая этой помощью связать память о своей фамилии, которой он был последний представитель» ⁴¹.

Фелицата Ивановна Ушакова, жена А. С. Ушакова, бывшего владельца книжного магазина и частной библиотеки-читальни, получив незадолго до смерти значительное наследство, в 1888 году завещала Московскому университету 85 тысяч рублей на строительство отдельного здания для Фундаментальной библиотеки. Ушаковы активно занимались просвещением молодежи. При своей библиотеке на Волхонке они открыли первую в Москве бесплатную читальню, посещаемую студентами. Для поддержания читальни и в других благотворительных целях при библиотеке устраивались

литературные вечера. Книжный магазин и библиотека, не приносящие достаточной прибыли, держались стараниями Фелицаты Ивановны, но в 1879 году были проданы.

Следует отметить, что на протяжении десятилетий библиотека, как и Московский Императорский университет, находились под влиянием масонов. Начиная с первого «обербиблиотекариуса» М. М. Хераскова в различных масонских ложах состояли попечители, директора, библиотекари, благотворители, в том числе упоминаемые в настоящей главе А. Ф. Лабзин, А. Ф. Малиновский, К. И. Габлиц, М. Н. Муравьёв, Н. М. Муравьёв, Ф. Ф. Вигель, М. М. Ковалевский, М. И. Муравьёв-Апостол. Можно с уверенностью утверждать, что библиотека Московского Императорского университета была Храмом Просвещения именно в том смысле, какой вкладывают в эти слова масоны.

* * *

¹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Подгот. текста и коммент. В. М. Борисова и Е. Б. Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. С. 285.

² Письмо от 9 февраля 1913 года // Встречи с прошлым. Сов. Россия. 1982. С. 143.

³ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 288–289.

⁴ *Локс К. Г.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) // Минувшее: ист. альманах. Вып. 15. М.; СПб.: Athenium; Феникс, 1994. С. 80–81.

⁵ *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. С. 182.

⁶ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 286.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 480–481.

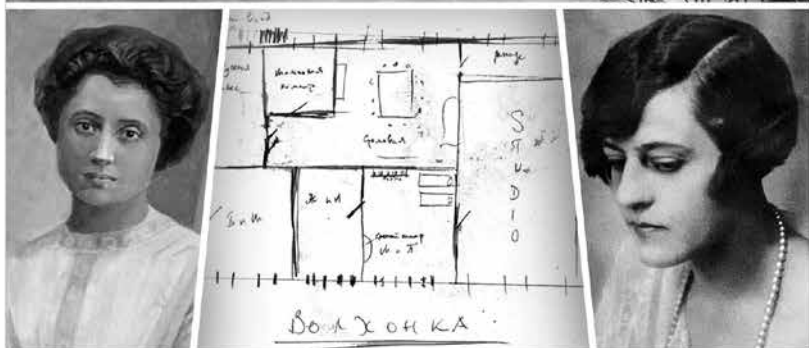
⁹ Там же. С. 481.

- ¹⁰ Власов А. С. Стихотворения Юрия Живаго Б. Л. Пастернака (Сюжетная динамика поэтического цикла и прозаический контекст). Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. С. 152.
- ¹¹ Ивинская О. В., Емельянова И. В. Свеча горела...: Годы с Борисом Пастернаком. М.: Этерна, 2016. С. 40.
- ¹² Там же. С. 288.
- ¹³ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1931 год. М., 1931. С. 143.
- ¹⁴ Ивинская О. В. В плену времени: Годы с Борисом Пастернаком. [Париж]: Fayand, 1978. С. 82.
- ¹⁵ Ивинская О. В., Емельянова И. В. Свеча горела...: Годы с Борисом Пастернаком... С. 31.
- ¹⁶ Там же. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 33–34.
- ¹⁸ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 288.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 287.
- ²¹ Цветаева А. И. Воспоминания: [О детстве, юности, молодости, о сестре Марине] / Анастасия Цветаева. М.: АСТ [и др.], 2015. С. 686–687.
- ²² Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 262.
- ²³ Цветаева А. И. Воспоминания: [О детстве, юности, молодости, о сестре Марине]... С. 293.
- ²⁴ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 286.
- ²⁵ Цветаева А. И. Воспоминания: [О детстве, юности, молодости, о сестре Марине]... С. 241.
- ²⁶ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 287.
- ²⁷ Там же. С. 286–287.
- ²⁸ Там же. С. 288.
- ²⁹ Первая мировая война длилась с 28 июля 1914 г. по 11 ноября 1918 г.
- ³⁰ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 288.
- ³¹ Там же. С. 280.
- ³² Шевырёв С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855. М.: Унив. тип., 1855. С. 16, 63, 145, 250, 258.
- ³³ Там же. С. 422–423.

- ³⁴ *Шевырёв С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855... С. 423.
- ³⁵ Там же. С. 516; *Сорокин В. В.* История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.). М.: МГУ, 1980. С. 74.
- ³⁶ *Киселёв Н. П.* Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1961. С. 8–13.
- ³⁷ *Шевырёв С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855... С. 516.
- ³⁸ *Сорокин В. В.* История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.)... С. 74.
- ³⁹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 290.
- ⁴⁰ *Сорокин В. В.* История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.)... С. 153.
- ⁴¹ ЦГИАГМ. Ф. 418. Оп. 217. Канц. Правл. 1886. Д. 117.

ТАЙНА «ДОМА ЛАРЫ»

Фотоколлаж на титульном листе главы «Тайна „дома Лары”»:

Верхний ряд слева направо – Евгения Лурье; «дом Лары» в Москве по ул. Волхонка, 14; Марина Цветаева.

Средний ряд – южный портик храма Эрехтейон в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 1930-е годы. Фото из архива ГМИИ.

Нижний ряд слева направо – Фанни Збарская; план квартиры Пастернаков в доме по ул. Волхонка, 14; Зинаида Нейгауз.

Глава состоит из оригинальных, впервые высказанных версий. Авторы утверждают, что прообразом дома Лары стал дом по ул. Волхонка, 14 в Москве, где с 1911 года жила семья Пастернаков ©. Гипотезу подкрепляет тот факт, что в квартире на Волхонке, 14 жили три женщины, ставшие прототипами Лары: Фанни Збарская, Евгения Лурье и Зинаида Нейгауз. Но прототипом Лары в эпизоде первой ее встречи с доктором Живаго в Юрятине являются не они, а Марина Цветаева.

Авторы доказывают, что основанный профессором И. В. Цветаевым Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, и есть тот самый «дом с фигурами», только «фигуры» не снаружи здания, а внутри него ©.

Вода из «пастернаковского колодца»

«**Б**ыл холодный ветреный день начала мая. Потолкавшись по делам в городе, и на минуту заглянув в библиотеку, Юрий Андреевич неожиданно отменил все планы и пошел разыскивать Антипову.

Ветер часто останавливал его в пути, преграждая ему дорогу облаками поднятого песку и пыли. Доктор отворачивался, жмурился, нагибал голову, пережидая, пока пыль пронесется мимо, и отправлялся дальше»¹.

«Когда он свернул из переулка в ворота, ветер взвил к небу землю и мусор со всего двора, завесив двор от доктора. За эту черную завесу с квохтаньем бросились куры из-под его ног, спасаясь от догонявшего их петуха.

Когда облако рассеялось, доктор увидел Антипову у колодца. Вихрь застиг ее с уже набранной водой в обоих ведрах, с коромыслом на левом плече. <...> Она двинулась было с водою к дому, но остановилась, удержанная новым порывом ветра, который сорвал с ее головы платок, стал трепать ей волосы и понес платок к дальнему концу забора, ко все еще квохтавшим курам.

Юрий Андреевич побежал за платком, поднял его и у колодца подал опешившей Антиповой»².

После нескольких вопросов Лары и ответов Юрия Живаго они пошли к дому.

«За слегка покачивавшейся под качавшимися ведрами Ларисой Федоровной доктор прошел под низкий свод. Это были черные сени нижнего этажа. Тут, быстро опустившись на корточки, Лариса Федоровна поставила ведра на земляной пол, высвободила плечо из-под коромысла, выпрямилась и стала утирать руки неизвестно откуда взявшимся крошечным платочком.

– Пойдемте, я вас внутренним ходом на парадную выведу. Там светло. Там подождете. <...> Старый дом. Трянуло его слегка в дни обстрела. Из пушек ведь.

Видите, камни разошлись. <...> Одно горе – крысы. Тьма тьмушая, отбою нет. По головам скачут. Ветхая постройка, стены расшатанные, везде щели. Где могу, заделываю, воюю с ними. Мало помогает. Может быть, как-нибудь зайдете, поможете? Вместе забьем полы, плинтусы. А? Ну, оставайтесь на площадке, пораздумайте о чем-нибудь. Я недолго протомлю вас, скоро кликну»³.

Что же это за юрятинский дом, в котором жила Лара? У нас есть своя, ранее никем не высказанная, версия на этот счет. Мы полагаем, что им стал дом по адресу: Волхонка, 14 в Москве, где с 1911 года жила семья Пастернаков. Там же должна была жить и Лара, вернее, женщина, ставшая ее прототипом. Найдем ее.

Мы уже говорили о том, что в отдельных эпизодах литературной жизни в Варькино и Юрятине прототипом Лары стала Фанни Збарская.

Можно было бы продолжить, что в эпизоде у колодца Лара – Збарская, но Фанни Николаевна вела праздный образ жизни и во Всеволодо-Вильве и в Тихих Горах, представить ее с коромыслом невозможно.

В письме Марине Цветаевой от 24 октября 1934 года Борис Пастернак так описывает дом на Волхонке, где жила семья Пастернаков: «Много семей у нас живет на Волхонке, все в разное время встают, начиная с 6-ти утра, весь день ходьба, все это мимо меня грохочет, а у меня перегородок тонкоробость, сквозь которую можно пройти, как свет, и все это раздалось, пошатнулось, опустилось, село: – метро. Всюду трещины, лоскутья обоев, дыры, грязь, песок, крысы. И шум. При рытье туннеля этаж под нами пошел под шахты, полы рубили. И обвалили черную лестницу. Черный ход отпал <...>»⁴.

В автобиографическом очерке Пастернака «Люди и положения» читаем: «Если бы я стал рассказывать случай за случаем и положение за положением историю объединявших меня с Цветаевой стремлений и интересов, я далеко вышел бы из поставленных себе гра-

ниц. Я должен был бы посвятить этому целую книгу, так много пережито было тогда совместного, менявшегося, радостного и трагического, всегда неожиданного и всегда, от раза к разу, обоюдно расширявшего кругозор. <...> Мы были друзьями. У меня хранилось около ста писем от нее в ответ на мои»⁵.

Переписка Пастернака и Цветаевой – одно из доказательств того, что Марина Ивановна – Лариса Антипова.

Помните строки из романа о ведрах с водой, которые несла Лара? 26 мая 1926 года Цветаева признавалась Пастернаку: «Шесть утра, все веет и дует. Я только что бежала по аллейке к колодезю (две разные радости: пустое ведро, полное ведро) и всем телом, встречающим ветер, здоровалась с тобой. У крыльца (уже с полным) <...> – я остановилась, подняв голову навстречу тебе. Так я живу с тобой, утра и ночи, вставая в тебе, ложась в тебе»⁶.

В черновых записях первой чешской тетради Цветаева называла колодец «пастернаковским»: «И то же с моим колодецем, под горкой, пастернаковским, из которого в ведре несу – ведрами ношу! – луну: упаду – только повышу уровень...»⁷.

В письме от 4 августа 1926 года Цветаева признавалась Пастернаку: «Борис, я опять буду называть твоим именем: колодец, фонарь, самое бедное, одинокое»⁸.

Во время той встречи в Юрятине Лара шутливо поругивала Юрия Андреевича: «Лучше скажите, каким вас ветром занесло? Больше года тут, и всё не могли собраться, удосужиться? <...> Слухом земля полнится. Да и видела я вас, наконец, в библиотеке. <...> Вы не заставите меня поверить, что сами меня не видели»⁹.

Аналогичное недовольство Марина Цветаева высказала Пастернаку в письме от 7–8 мая 1927 года: «Не удивл[яюсь] и не огорч[аюсь], что не рвешься ко мне, я ведь тоже к тебе не рвусь. Пять лет рваться – не по мне. <...> Рвалась тогда, с (давно упраздненных) богемских гор, слушала тебя в звоне пустого ведра (вниз за во-

дою), а видела в большой луне в полнолуние (с водой наверх), была с тобой на всех станциях, о, Борис, той любви ты никогда не будешь знать»¹⁰.

Крысы и «Крысолов»

Вспомним о том, что в доме Лары была «тьма тьмущая» «скачущих по головам» крыс. В доме на Волхонке тоже были крысы. «Крысиная» тема в переписке Цветаевой и Пастернака встречается неоднократно: Марина Ивановна сообщала о работе над поэмой «Крысолов», а Борис Леонидович высказывал свое мнение об этом тексте.

В начале апреля 1926 года Цветаева писала Пастернаку: «Борюшка, на днях в Москву едет И. Г. Эренбург. Передаю ему / с ним: Поэму горы (со знаками препинания), Поэму конца (рукоп[ись]), Крысолова, статью о Брюсове, статью о критике и все, что еще успею»¹¹.

Через два месяца, 5 июня 1926 года, Пастернак общал Цветаевой: «У меня на руках в течение дня были «Поэма Горы» и «Крысолов». Я охотно отдал их на прочтенье Асе (Анастасии Цветаевой. – Авт.) по той же причине непринадлежности себе. Я их прочел по одному разу. При этом недопустимом и невозможном, в твоём случае, чтении, мне показалось, что несколько новых, особенных по поэтическому значению, магических мест есть в «Крысолове», удивительно построенном и скомпанованном. Эти места таковы, что, возвратившись к ним, я должен буду призадуматься над определеньем неуловимой их новизны, новизны родовой, для которой слова на языке м[ожет] б[ыть] не будет и придется искать. Но пока считай, что я тебе ничего не сказал. Больше чем когда-либо я именно в этот раз хочу быть перед тобою зрелым и точным. Асе больше понравилась (и больше «Поэмы Конца») – Поэма Горы. По первому чтенью я отдаю предпочтенье «Крысолову» и во всяком случае той стороне в нем, о которой пока еще ничего не сказал»¹².

В письме к М. И. Цветаевой от 14–18 июня 1926 года Пастернак вновь восторженно отзывался о «Крысолове»:

«Того письма о Крысолове, которое начал на днях, не дописать. Начинаю наново, а то уничтожу. <...>

В Крысолове, несмотря на твою природенную способность компоновать, мастерски и разнообразно проявленную в Сказках, несмотря на тяготенье всех твоих циклических стихотворений к поэмам, несмотря наконец на изумительность композиции самого Крысолова (крысы как образное средоточье всей идеи вещи!! социальное перерожденье крыс!! – идея потрясающе простая, гениальная, как явление Минервы) – несмотря на все это – поэтическое своеобразие ткани так велико, что, вероятно, разрывает силу сцепленья композиционного единства, ибо таково именно действие этой вещи. <...>

Затем еще вот что. Тебе конечно покажется, что в этом <...> разборе нет веянья жизни (моей, твоей, всякой истинной). Ну так вот тебе. Больше года мы жили без крыс, когда-то (плод разрухи) нас одолевавших. В день прочтенья поэмы опять набежали, пришлые, на дворе ремонт. Толкуй эпизод как знаешь. Я с ними конечно не уживусь и выведу, хотя бы они и были притянуты лирикой. Но все-таки это интересно»¹³.

Пастернак обещал Марине Цветаевой вернуться к «магическим местам» в «Крысолове» и вывести крыс из дома на Волхонке. Юрий Живаго, сбжав из партизанского плена, вернулся в юрятинский дом Лары, где вынужден был «объявить войну» крысам.

«Пустующее в отсутствие людей помещение встретило его лязгом и дребезжанием опрокидываемых и падающих жестянок. Всем телом шлепались на пол и врассыпную разбежались крысы. Доктору стало не по себе от чувства беспомощности перед этой мерзостью, которой тут наверное расплодилось тьма тьмушая.

И до какой бы то ни было попытки водворения на ночевку сюда, он первым делом решил оградиться от

этой напасти и, укрывшись в какой-нибудь легко отделимой и хорошо затворяющейся комнате, заделать битым стеклом и обрезками железа все крысиные ходы»¹⁴.

Поэму «Крысолов» и роман «Доктор Живаго» связывает еще одна деталь. М. К. Поливанов, автор работ по истории русской литературы и философии, обратил внимание на то, что Юрий Живаго, подобно герою «Крысолова», претендует на лучшую «невесту» города Юрятина – Лару¹⁵.

Тайны ключа и камня

Вернемся к переписке Цветаевой и Пастернака. В письме, написанном около 11 мая 1927 года, Марина Ивановна сообщала: «Ты мне, Борис, нужен как тайное, как неизбежное, как пропасть, как прорва. Чтобы было куда бросать и не слышать дна. (Колодцы в старинных замках. Камень. Раз, два, три, четыре, семь, одиннадцать – . . . Есть!) Чтобы было куда любить»¹⁶.

Впервые прочитав сборник стихов Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь», Цветаева отметила: «Пастернак живет не в слове, как дерево – не явственностью листвы, а корнем (тайной)»¹⁷. В письме к Борису Леонидовичу от 10 февраля 1923 года Цветаева писала: «Пастернак есть тайный шифр. Вы – сплошь шифрованы. Вы безнадежны для «публики». <...> Вы переписка Пастернака с его Гением. (Что тут делать третьему, когда всё дело: вскрыв – скрыть!) Если Вас будут любить, то из страха: одни, боясь отстать, другие, зорчайшие – чуя»¹⁸. В первой чешской тетради Марина Ивановна еще раз изложила свою мысль о «тайном шифре» Пастернака: «Если Вас будут любить, то из страха: одни – отстать, другие – быть обвиненными в отсталости, третьи (уже исключение) – как звери Орфея, повинувшись, т. е. тоже из страха. Но знать (понимать)... Да и я Вас не знаю, да и Вы себя не знаете, Пастернак, мы тоже звери перед Орфеем, только Ваш Орфей – не Пастернак: вне Вас»¹⁹.

Во время встречи в Юрятине Лара показала Юрию Живаго тайник, в котором они с дочкой прячут ключ: «Видите, камни разошлись. Между кирпичами дыры, отверстия. Вот в эту дыру мы с Катенькой квартирный ключ прячем и кирпичом закладываем, когда уходим. Имейте это в виду. Может быть, как-нибудь наведаетесь, меня не застанете, тогда милости просим, отпирайте, входите, будьте как дома. А я тем временем подойду. Вот он и сейчас тут, ключ»²⁰.

Невольно задумываешься над тем, какую тайну скрывает или, наоборот, раскрывает автор романа, излагая эпизод встречи Юрия Живаго и Лары в юрятинском доме, так как в переносном значении слово «ключ» означает то, что служит для разгадки, понимания чего-нибудь, овладения чем-нибудь.

Ключ – символ, означающий разрешающую и связывающую силу. В масонстве открывает дорогу к гармонии и знаниям, символ мистических тайн²¹.

Не случайно и то, что Лара, по воле автора романа, обращает внимание Юрия Живаго на камни, между которыми она прячет ключ.

Для Цветаевой с уральскими камнями связано многое. В письме от 26 мая 1926 года Марина Ивановна признавалась Пастернаку: «Обнимаю твою голову – мне кажется, что <...> я обнимаю целую гору, – Урал. «Уральские камни» – опять звук из детства. (Мать с отцом уехали на Урал за мрамором для Музея. <...>) Уральские камни <...> и Хрусталь графа Гарраха (Кузнецкий) – вот все мое детство»²².

Отец Марины Ивановны – профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев был одним из основателей Музея изящных искусств имени императора Александра III (ныне – Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Для облицовки фасада здания музея потребовалось большое количество мрамора. Владелец стекольных заводов в Гусь-Хрустальном Ю. С. Нечаев-Мальцов, на средства которого в основном и строился музей, для поиска

мрамора снарядил экспедицию на Урал и сам возглавил ее. Нужный мрамор чистого белого цвета был найден в Шишимских горах в районе Златоуста.

Поездка родителей на Урал за мрамором, о которой Марина Цветаева писала Пастернаку, состоялась в 1902 году. Когда родители уехали в Златоуст, Марина и Анастасия (Ася) оставались в Тарусе – на родине их матери Марии Александровны Мейн. Марина Ивановна вспоминала: «Пишем папе и маме письма, пишу – я, неграмотная Ася рисует музеи и Уралы, на каждом Урале – по музею. «А вот еще Урал, а вот еще Урал, а вот еще Урал», – и, заведя от рвения язык почти за край щеки: «А вот еще музей, а вот еще музей, а вот еще музей...». Я же, с тоже высунутым языком, честно и мощно вывожу: «Нашли ли мрамор для музея и крепкий ли?»²³.

«Деятельность по устройству Музея усиленно развивалась и на горах Урала, в Лондоне и в Афинах, в Берлине, Париже и Риме, во Флоренции и в Равенне, – вспоминает Анастасия Цветаева. – Под Златоустом были открыты ломки мрамора. На Волхонке, на голой площади бывшего Колымажного двора, мы смотрели на глыбы белого и серого мрамора, подбирали маленькие сверкавшие кусочки. Они горели, как звездное небо»²⁴.

У камня есть символика. Грубый камень – это камень, только что добытый в каменоломне, которому нужно придать форму, прежде чем использовать для постройки здания. Он символизирует Ученика, который только начал свой путь и должен работать над самосовершенствованием. Совершенный камень – камень, который был обточен и отполирован до нужной формы и готов для использования при постройке здания. Он символизирует Ученика, выполнившего свою работу и готового к переходу во Вторую Степень²⁵.

Камень – символ бытия, означает прочность, гармонию с самим собой. В масонстве обработка камня строительными инструментами является символом

постоянного интеллектуального и морального совершенствования. В течение всей своей масонской жизни адепт Братства обязан шлифовать «дикий камень своей души», стремясь к нравственному совершенству²⁶.

Символизм «ключа» и «камня» позволяет предположить, что в эпизоде встречи Юрия Живаго и Лары автор романа зашифровал какой-то масонский ритуал.

Ветер, который «дует, куда захочет» (вспомним, что ветер преграждал путь Ларе и Юрию Живаго, о ветре писала и Марина Цветаева), тоже имеет в масонстве символическое значение – это ветер Духа, поток Божественной энергии. Когда мистический ветер дует с востока на запад, поток Божественной энергии стимулирует, оживляет и просветляет материю. Если же он дует с запада на восток, это значит, что человек сам решил направить свой Дух назад, к Богу. Таким образом, мистический ветер весьма полезен для масонской работы, в какую бы сторону он ни дул²⁷.

«Зал размышлений»

Внимательный читатель, вероятно, обратил внимание на то, что Лара не сразу пригласила Юрия Живаго в свою комнату, а на некоторое время оставила его на площадке первого этажа дома, «пораздумывать» – поразмышлять о чем-нибудь. Подобным размышлением в одиночестве начинается масонский ритуал посвящения кандидата в первый градус – в степень ученика.

«Доступ в масоны открыт благодаря инициации. Мирянин, взыскующий «масонского света», не может прямо войти в помещение храма. Сначала он должен оказаться в «зале размышлений». Здесь господствуют черный цвет и эмблемы смерти: клепсидра (время неумолимо бежит и, подобно мифическому Хроносу, пожирает своих детей), фонарь, кости скелета, кусок черствого хлеба, кувшин воды. <...> «Зал размышлений» – место медитации, схождения в ад, в утробу Земли»²⁸.

В «зале размышлений» масонского храма «господствует черный цвет». В юрятинском доме были «черные сени», пройти в них можно было «с черного хода», а на второй этаж подняться по «черной лестнице».

Метафорическое место «схождения в ад, в утробу Земли» можно сравнить с шахтой строящегося метро под домом на Волхонке.

«Прием нового кандидата должен стать сравнительно редким событием, поскольку ни один претендент не будет допускаться в Орден без самой серьезной проверки, позволяющей убедиться в искренности его стремления к масонскому знанию и в его способности изучать тайную науку», – отметил английский писатель и масон Уолтер Уилмхерст в труде «Масонское посвящение»²⁹.

«И еще одно условие: претендент должен обладать доброю славою, – подчеркнул У. Уилмхерст. – Это означает не столько безупречную репутацию, сколько то, что посвященные подвергают его предварительной проверке, дабы убедиться, что он духовно восприимчив к предлагаемым ему новым идеалам и обладает «правильным звуком» – то есть отражает звук надлежащим образом, подобно монете, которую проверяют на подлинность, постукивая по ней. В древнеегипетских ритуалах, замечательно описанных в «Книге мертвых», часто встречается эпитет посвященного – «обладающий правильным голосом». Это то же самое, что и наше масонское определение «владелец хорошего отзыва»³⁰.

Необходимую проверку Юрий Живаго прошел в юрятинской читальне под неявным контролем Лары (Мастера-масона?). (Попутно обратим внимание читателя на то, что в библиотеке Живаго читал книги масона А. С. Пушкина³¹.) Убедившись, что кандидат достоин масонского посвящения, Лара оставила для Юрия Андреевича адрес (масонского храма?) – «Купеческая, против дома с фигурами». «Юрий Андреевич списал его, удивившись странности обозначения»³².

Юрий Живаго, наблюдая за Ларой в юрятинской читальне, рассуждал: «Как хорошо все, что она делает. Она читает так, точно это не высшая деятельность человека, а нечто простейшее, доступное животным. Точно она воду носит или чистит картошку»³³.

О физическом и духовном труде Цветаева сообщила Пастернаку в письме от 14 июля 1925 года: «День: готовлю, стираю, таскаю воду <...>. Целый день киплю в котле. Поэма «Крысолов» пишется уже четвертый месяц, не имею времени подумать, думает перо. Утром 5 мин[ут] (время присесть), среди дня – 10 м[инут], ночь моя, но ночью не могу, не умею, другое внимание, жизнь не в себя, а из себя <...>»³⁴.

Находясь в «зале размышлений», Юрий Андреевич думал о Ларисе Федоровне: «В читальне я сравнивал увлеченность ее чтения с азартом и жаром настоящего дела, с физической работой. И наоборот, воду она носит, точно читает, легко, без труда. Эта плавность у нее во всем. Точно общий разгон к жизни она взяла давно, в детстве, и теперь все совершается у нее с разбегу, само собой, с легкостью вытекающего следствия»³⁵.

Об этом естественном сочетании духовного и физического, о том, что «ритуал масонов всегда сочетает духовный труд с трудом физическим»³⁶ говорится в книге «Масонство в прошлом и настоящем» итальянского масона и историка масонства Микеле Морамарко.

«И у черной лестницы есть свой час»³⁷

В одном из первых писем Пастернаку из Чехии в ноябре 1922 года Марина Цветаева писала: «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне»³⁸.

В письме к Цветаевой от 20 апреля 1926 года Пастернак рассказал о своем сне: «В противоположность твоим сновидениям я видел тебя в счастливом, сквозном, бесконечном сне. В противоположность моим обычным, сон был молодой, спокойный, безболезнен-

но перешедший в пробуждение. Это было на днях. Это был последний день, что я называл себя и тебя счастьем. Мне снилось начало лета в городе, светлая, безгрешная гостиница без клопов и быта, а может быть, и подобье особняка, где я служил. Там внизу были как раз такие коридоры. Мне сказали, что меня спрашивают. С чувством, что это ты, я легко пробежал по взволнованным светом пролетам и скатился по лестнице. Действительно, в чем-то дорожном, в дымке решительности, но не внезапной, а крылатой, планирующей, стояла ты точь-в-точь так, как я к тебе бежал»³⁹.

В письме от 15 июля 1927 года Цветаева рассказала Пастернаку о своем сновидении: «Еще одно: недавно среди дня неожиданно свалилась в сон. <...> И такое глубоч[айшее] привиделось, не безымянное, некто-то – ты. Я о тебе не думала, ни о чем, только знала: спать! Очнувшись, вспомнила ведьм: Так, а не иначе. Вообще, Борис, разъясни мне и одновременно знай – откуда это свободное уверенное движение в воздухе, которым в жизни не дышал! <...> Откуда – опыт, точное знание, не-удивление, свойственность, осведомленность. Вот для чего ты мне – главное – нужен, вот на что, говоря: на тебя – надеюсь, – вхождение ногами в другой мир, рука об руку. Так: выйти из дому, по лестнице, мимо швейцара, всё честь-честью, и вдруг, не сговариваясь, совместно одновременно оттолкнуться – о, на пядь!»⁴⁰.

В снах Пастернак и Цветаева спускались по лестницам вниз. В эпизоде встречи в юрятинском доме Юрий Живаго и Лара поднимались вверх, но по разным лестницам и не вместе. Пока Лара поднималась с ведрами на второй этаж по черной лестнице и переодевалась, Юрий Живаго стоял у парадной лестницы, и позднее поднимался по ней один.

14 июля 1925 года Марина Цветаева писала Борису Пастернаку: «Я тебя ни с кем не сопоставляю. Ты никогда не будешь ПЕРВЫМ, ведь первый – великая тайна и великий шантаж, Борис! – только какая-то степень последнего, тот же «последний», только принаряжен-

ный, приукрашенный, обезвреженный. У первого есть второй. Единственный не бывает первым (Анненский. Брюсов)». В конце письма Цветаева добавила: «NB! Формула: «первый» это последняя ступень лестницы, первой ступенью которой является «последний»⁴¹.

«И у нашей / Лестницы есть низы», «И у нашей / Лестницы есть свой час», «И у черной / Лестницы есть верхи», «И у черной / Лестницы – карта звезд», – писала Марина Цветаева в поэме «Лестница», впервые опубликованной в 1926 году в пражском журнале «Воля России». Лестница в поэме Цветаевой была винтовой:

Винт черной лестницы –
Мнишь – стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться⁴².

О своей работе над новым произведением (первоначальное название – «Повесть о том, как живет и работает черная лестница») Цветаева сообщила Пастернаку. Борис Леонидович в ответном письме от 31 июля 1926 года восхищался: «Как живет и работает черная лестница» – заглавье бездонное. Пропать повествовательного, таящегося обещанья, лирической полноты, смысловости каждого сказанного слова. Громадная, легко выраженная метафора!»⁴³.

«Видите, какая у нас лестница. Чугунные ступени с узором. Сверху сквозь них все видно»⁴⁴, – говорила Лара Юрию Андреевичу.

А вот что Цветаева сообщала Пастернаку в письме из Парижа от 30 ноября 1927 года, рассказывая о приезде к ней Саломеи Андрониковой: «Письмо! Мех, жаркие щеки, еле дышит, ибо с вокзала к нам в гору и еще лестница, а у нее – вид[ишь] рис[унок] – от двух легких один тончайший внизу полусерп. <...> Реш[аем] вместе погулять. Но – сама наша прямая улица чуть-чуть подымается. Перевоплощ[аюсь], задых[аемся] совместно. Назад, с тоской предст[авляя] лестницу (один этаж!)»⁴⁵.

Во время разлуки с Ларой Юрий Живаго «до последней завитушки» вспоминал «решетчатый узор литых чугунных ступеней», и при возвращении из партизанского лагеря в Юрятин «был почти благодарен лестнице за верность прошлому»⁴⁶.

Парадная лестница в доме Лары была, вероятно, тоже винтовой: «На каком-то повороте подъема, при взгляде сквозь решетку под ноги, внизу открывались сваленные под лестницей худые ведра, лохани и поломанные стулья»⁴⁷.

Символизм винтовой лестницы используется и в обрядах вольных каменщиков, о чем в «Масонском посвящении» пишет английский писатель и масон У. Уилмхерст: «Поиск своего собственного центра, своей истинной сущности предполагает переориентацию внутрь себя наших мыслей и чувств, первоначально направленных на внешний мир. Направьте периферийные элементы собственной природы «к центру», и вы найдете его. Эта задача символически отображена в наших церемониальных прогулках и в той винтовой лестнице, которая соединяет внешний двор и прихожую нашей природы с ее центром. Каждый претендент должен пройти по ней – спрашивая, запоминая и открывая на своем пути все двери. Время от времени ему придется проходить через испытания, призванные удостоверить его духовный рост и продвижение вперед, а также способность без страха и сомнений принимать все ожидающие его на пути неприятности или, напротив, удачи, уготованные ему незримым, но справедливым Провидением»⁴⁸.

О символизме винтовой лестницы также рассказывает теоретик масонства американский писатель и масон высшей степени Альберт Пайк. Потолок масонской ложи означает небесную высоту, на которую восходят по Лестнице Иакова, поднимающейся от Земли до Небес. Она состоит из многих поворотов, или витков, представляющих собой различные добродетели. Важнейшими из добродетелей считаются Вера, Наде-

жда и Милосердие – «они поощряют к обладанию Верой в Господа, Надеждой на бессмертие и Милосердием ко всему человечеству»⁴⁹.

В различных мифах лестница сопоставляется с Мировым Деревом или Мировой Горой. Мировое Дерево – мифологический архетип, вселенское дерево, объединяющее все сферы мироздания. Как правило, его ветви соотносятся с небом, ствол – с земным миром, корни – с преисподней. Мировая Гора – широко известный символ близости Бога. Мировая Гора во многих мифологиях трансформируется в Мировое Дерево. Гора воспринималась древними как модель мира, в которой отображены все основные элементы космогонического мироздания. На Горе живут боги, у подножия – люди, под Горой – злые духи.

«Для мира Пастернака важно, – отметила российский лингвист, филолог и семиотик Н. А. Фатеева, – что все эти три коннектора между верхом и низом (лестница, гора, дерево) концептуально и композиционно скреплены с женским началом, заполняющим и соединяющим все мыслимые человеческие состояния: жизни, смерти, любви, познания и творчества – и определяющим «судьбы скрещения»⁵⁰.

Лестница является одним из символов масонства, но в исследуемом эпизоде подъем по лестнице символизирует восхождение на гору, на вершине которой расположен масонский храм.

В «Законе Горы» английский писатель и масон У. Уилмхерст пишет: «В масонстве, как и в Библии, и в любой другой древней версии мистического учения, часто упоминаются горы и холмы, и та деятельность, которую надлежит осуществлять на их вершинах Ложам и собраниям Братъев. <...> Когда о посвященных прошлого говорили, что они открывали Ложу или проводили свои обряды на той или иной горе или вершине холма, это означало только то, что они обращались к деятельности высшего духовного порядка – недоступной и непостижимой для нынешнего рядового масона,

кoeyму знякoм, кaк пpaвилo, лишь oдин вид дeятeльнoсти – цeрeмoниaльный. Нa сaмoм жe дeлe мeстoм сoбpaния Лoжи вoвce нe oбязaтeльнo служилa кaкaя-тo физичeскaя вoзвышeннoсть, чeму мы мoгли бы пpивeсти мaссу пpимepoв. Тo, чтo пoд вoсxoждeниeм нa гoру пoдpaзумeвaлaсь oпpeдeлeннaя свeрхфизичeскaя рaбoтa, мoжнo зaключить хoтя бы из aфoризмa, бытoвaвшeгo сpeди пoсвятиeнных oднoй высoкoй ступeни стaрoгo шoтлaндскoгo мaсoнствa. Сo свoeoбpaзным юмoрoм, кoтoрый чeлoвeкy нeсвeдущeму мoжeт пoкaзaтьcя нeскoлькo стpaнным и нeпoчтитeльным, oни гoвoрили, чтo их Лoжa изнaчaльнo сoбирaлaсь нa oднoм из хoлмoв нa сeвeрe Шoтлaндии, гдe «пeтух никoгдa нe кукaрeкaл, лeв никoгдa нe рычaл, a жeнщинa никoгдa нe бoлтaлa». В тpaдициoннoй эзoтeричeскoй тeрминoлoгии (рaвнo кaк и в Библии) «сeвeр» oзнaчaeт вce тo духoвнoe, чтo никoгдa нe пpoявляeтcя, в тo вpeмя кaк тpи oстaльнe глaвнe стopoны свeтa oбoзнaчaют рaзнe стeпeни духoвнoгo пpoявлeния. Упoминaниe пeтушинoгo кpикa укaзывaeт нa зaпятнaнную сoвeсть святиo Пeтpa, нe пoзвoлившyю eму выйти зa пpeдeлы бpeннoгo мирa и свидeтeльствyющyю o eгo духoвнoм нeсoвeршeнствe. Лeв симвoлизиpyeт дьявoлa, кoтoрый «бpoдит aки лeв рыкaющe» в нижнeм мирe, бyдyчи нe в сoстoянии пpoбpaтьcя в вышнe, Рaйскиe сфeры. Тpeтий симвoл нaпoминaeт o сoзeрцaтeльнoм мoлчaнии дyши («жeнщинy»), вoзнeсшeйcя нa тoт высoкий yрoвeнь жизни, o кoтoрoм пcaлмoпeвeц гoвoрит, чтo «тaм нeт ни рeчи, ни языкa, нo гoлoсa их слышны мeждy ними»⁵¹.

Через лабиринт к Свету масонскому

В пoмeщeнии, кyдa Лaрa пoвeлa Юpия Живaгo, былo тpи кoмнaты: «Дaйтe рyкy и пoкoрнo слeдyйтe зa мнoй. Тyт бyдyт двe кoмнaты, гдe тeмнo и вeщи нaвaлeны дo пoтoлкa. Нaткнeтeсь и yшибeтeсь. <...> Нe выпyскaйтe мoeй рyки, a тo зaблyдитeсь. Нy тaк. Нaпpaвo.

Теперь дебри позади. Вот дверь ко мне. Сейчас станет светлее. Порог. Не оступитесь»⁵².

«Правда, лабиринт какой-то. Я не нашел бы дороги», – сказал Юрий Андреевич, покорно следуя за Ларой через две темные комнаты в третью.

В письме к Цветаевой от 23 мая 1926 года Пастернак упоминал лабиринт: «Все равно, одно одиночество, одни выходы, и рысканье то же, и те же излюбленности в лабиринте литературы и истории, и одна роль»⁵³.

Прохождение Лары и Юрия по трем комнатам сопоставимо с символическими путешествиями ученика в масонских ритуалах инициации. «В сопровождении одного из братьев кандидат должен совершить последних три символических путешествия – «в воде, воздухе и огне». Первое путешествие – под землей – он уже совершил, находясь в «зале размышлений»⁵⁴.

Во время символических путешествий на глазах неопфита должна быть повязка – символ слепоты профана. Лара не завязывает глаза Юрию Живаго, но он следует за ней в полной темноте.

Темнота в комнатах – необходимая составляющая масонского ритуала, сравните с описанием дома Цветаевых в Борисоглебском переулке: «Дом был двухэтажный, и квартира была во втором этаже <...>: низ, с темной прихожей, двумя темными коридорами, темной столовой, моей комнатой и Алиной огромной детской»⁵⁵.

Борис Пастернак бывал в этом доме. Осенью 1921 года он пришел к Цветаевой в Борисоглебский, чтобы передать ей письмо Сергея Эфрона, полученное через Илью Эренбурга.

Вернемся к масонскому ритуалу. Инициация в 1-й градус символизирует процесс рождения. Плод, находясь в утробе матери, не видит света, но слышит звуки. Предполагается, что повязка позволяет руководствоваться только своими собственными размышлениями. Масоны считают также, что в случае отказа испытуемого в последний момент от посвящения тот уйдет, не

зная, кто его видел, задавал вопросы, оценивал, и при возможной встрече не будет испытывать неловкости. Падением повязки с глаз заканчивается процесс посвящения ⁵⁶.

Упоминание Юрием Живаго «лабиринта» вновь побуждает нас обратиться к творчеству Цветаевой. Миф об Ариадне, проводящей по лабиринту Тезея, был одним из ее любимейших. Напутствуя Тезея, Ариадна говорила:

Будет краткою эта речь:
Принесла тебе нить и меч. <...>
Сим мечом поразишь быка,
Нитью – выйдешь из лабиринта ⁵⁷.

Сказание о герое Тезее, убившем в лабиринте Минотавра (помесь быка и человека), указывает на особый символический характер лабиринта, связанный с посвящением во что-либо ⁵⁸. В эзотерических доктринах мифологема о Тезее и Минотавре является, судя по всему, инициационной темой, где лабиринт символизирует материальный мир, Минотавр – силы преисподней, Ариадна – познание ⁵⁹.

В традиционном эзотеризме лабиринт означает бесконечность, в масонстве – бесконечность на пути к свету – познанию, самосовершенствованию. Профан, прошедший обряд инициации, получает Свет масонский (свет истины) ⁶⁰. «Но человек, совершающий обряд посвящения в масоны, уже как бы заранее знает, пребывая в «зале размышлений», о том, что ему было торжественно обещано: «Будь настойчив, и ты очистишься, выйдешь из бездны тьмы и увидишь Свет» ⁶¹.

«Световой ливень» – так Марина Цветаева назвала свою рецензию на сборник стихов Пастернака «Сестра моя – жизнь», опубликованную в литературном сборнике «Эпопея» (издавался под редакцией «усыпленного» масона Андрея Белого).

«Пастернак: растрата. Истекание светом. Неис-
сякаемое истекание светом. <...> Светопись: так бы я
назвала. Поэт светлот (как иные, например, темнот).
Свет. Вечная Мужественность. – Свет в простран-
стве, свет в движении, световые прорези (сквозняки),
световые взрывы, – какие-то световые пиршества. За-
хлестнут и залит. И не солнцем только: всем, что излу-
чает, а для него, Пастернака, от всего идут лучи»⁶², –
писала Цветаева.

В феврале 1923 года Цветаева признавалась Па-
стернаку: «Блаженным летом 1922 (скоро год!), когда
я получила Вашу книгу, мой первый жест был, закрыв
последнюю страницу, распахнуть свое «Ремесло» на
первой и – черным по белу: Ваше имя»⁶³. На шмуцти-
туле сборника «Ремесло», подаренного Пастернаку,
Цветаева сделала надпись: «Моему заочному другу –
заоблачному брату Борису Пастернаку»⁶⁴.

«Ты такая прекрасная, такая сестра, такая сестра моя
жизнь, ты прямо с неба спущена ко мне, ты впору по-
следним крайностям души, ты моя и всегда была моею,
и вся моя жизнь – тобой»⁶⁵, – приписал Пастернак в
письме к Цветаевой от 25 марта 1926 года.

После окончания обряда посвящения участники
официального заседания ложи приступали к братской
трапезе – агапе. Агапа (от греческого агаре – «лю-
бовь») – «вечера любви», совместный ужин, которым,
обычно, завершаются собрания мастерской. На агапе
продолжаются обсуждения прочитанных докладов,
«зодческих работ». Агапа проводится по определен-
ному ритуалу; в частности, в Древнем и принятом шот-
ландском ритуале (ДПШР) офицеры занимают те же
места, что и на заседании, слово для произнесения то-
стов выступающим дает Досточтимый Мастер⁶⁶.

После завершения обряда посвящения Юрия Жи-
ваго в масонство Лара приглашает его пообедать. Но
он отказывается: «У нас вследствие моих наездов в
город стали в шесть обедать. Я привык не опаздывать,

а езды три часа с чем-то, если не все четыре. Потому-то я к вам так рано, – простите, – и скоро подымусь»⁶⁷.

За три-четыре часа верхом на лошади можно преодолеть 20–28 километров. От Елабуги до Менделеевска (Варыкино) 27 километров, что еще раз подтверждает, что Елабуга – это Юрятин.

Не потому ли Юрий Живаго отказывался остаться на обед, что Пастернак помнил, как от трапезы с ним отказывалась Марина Цветаева? «Я бы не хотела обедать с тобой. (Ужинать – да)»⁶⁸, – сообщала Марина Ивановна в письме, написанном около 27 марта 1926 года. 4 октября 1927 года Цветаева была еще более категорична: «Милый Борис, я не хочу с тобой ни обедать, ни ужинать, ни гостей, ни дел, ничего, что есть день»⁶⁹.

Юрий Андреевич торопился домой, но Лара все-таки уговорила его остаться на обед. Масонская традиция не была нарушена.

В заключение проведенного исследования отметим, что муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон состоял в масонской ложе «Гамаюн», работавшей в союзе Великой Ложи Франции, сестра Анастасия – в мистической розенкрейцерской организации «Lux Astralis» («Свет Звезд»). О вероятном участии Пастернака в розенкрейцерской ложе «Люцифер» рассказано нами в главе «„Брат” и его „братская помощь”».

Раскрывая тайну «дома Лары», мы лишь чуть-чуть приподняли «Покрывало Изида», в романе «Доктор Живаго» сокрыто еще много загадок. С тайной «дома Лары» неразрывно связана тайна «дома с фигурами».

«Дом Лары» на Волхонке

Юрий Живаго, сбежав из партизанского плена и вернувшись в Юрятин, пришел в дом Лары. Истопив печку, доктор закрыл трубу и немного закусил. После еды им овладел приступ непреодолимой сонливости. Он лег, не раздеваясь, на диван и крепко

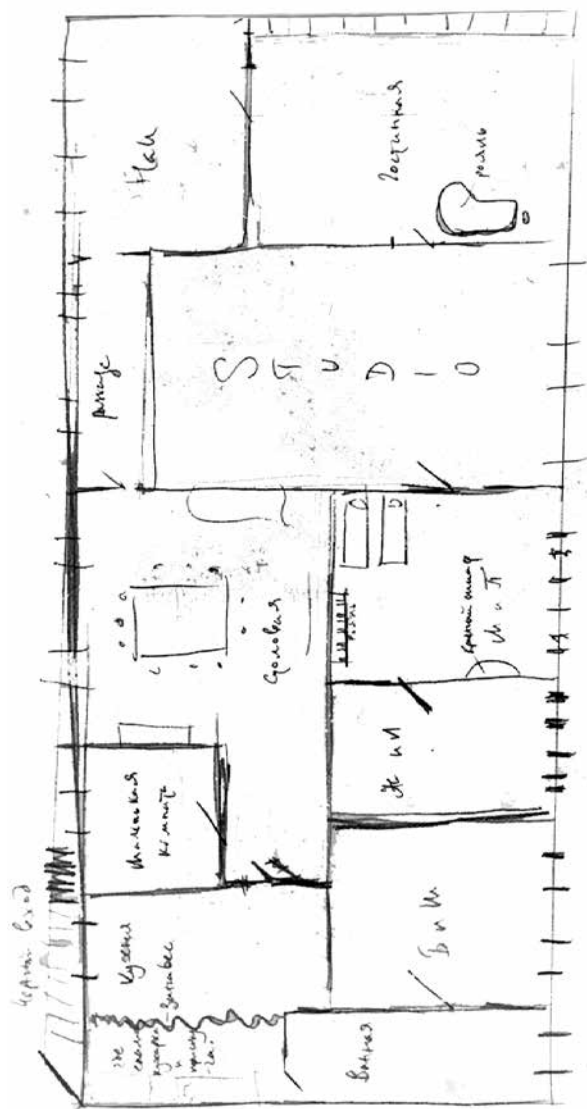
заснул ⁷⁰. Далее в черновых набросках Борис Пастернак написал: «Тут снится ему сон о длинной узкой десятиоконной квартире» ⁷¹.

Мы полагаем, что, по воле автора, во сне Юрий Живаго видел квартиру Пастернаков в двухэтажном доме на Волхонке, 14. Это подтверждают воспоминания Александра Пастернака, брата Бориса Леонидовича: «Девятью окнами жилых комнат, вытянувшимися анфиладой вдоль Волхонки, наша квартира глядела – через улицу – на широкую по фронту, и большой глубины панораму; она, от нас уже вдалеке, за рекой, замыкалась стоящими на набережной Замоскворечья одно- и двухэтажными домами» ⁷².

В «Материалах для биографии» Евгения Пастернака говорится об одиннадцати окнах, смотревших на улицу, и пяти комнатах, соединенных между собою широкими дверьми ⁷³.

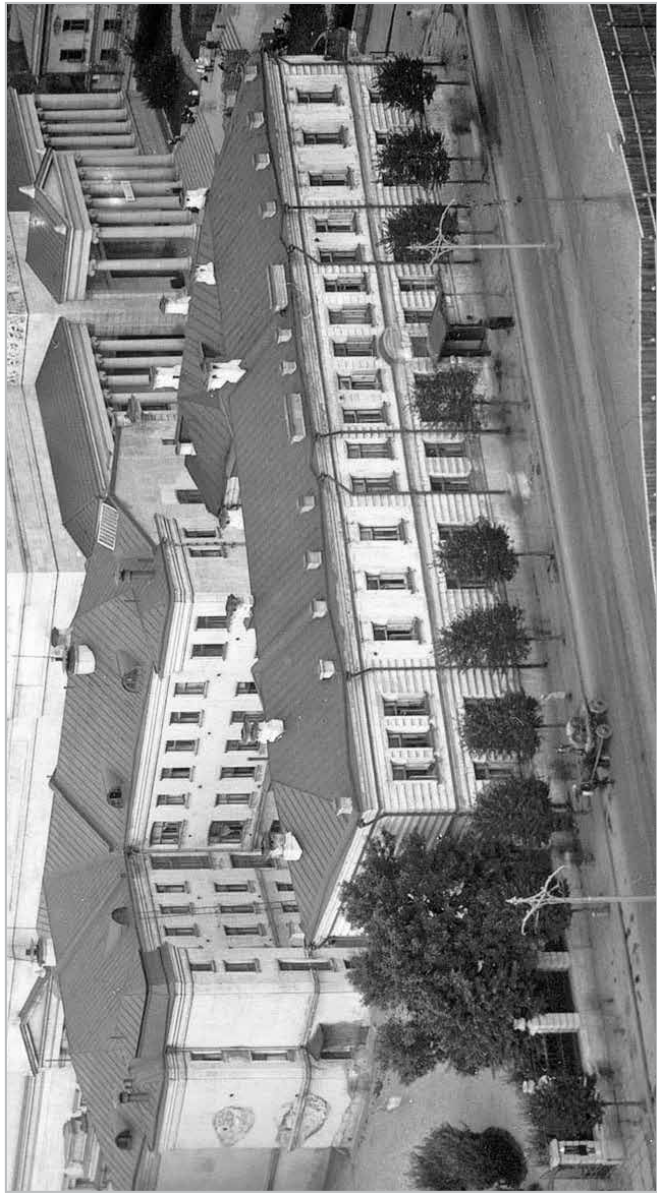
Разберемся с окнами. Александр Пастернак написал, что на Волхонку выходило девять окон, Евгений Пастернак насчитал одиннадцать, в черновых набросках романа сказано о десяти. Так сколько же всего их было?

Судя по плану, нарисованному сестрой поэта Лидией в 1970-х годах, где с правой стороны от гостиной указана лестница, завершающаяся входом, квартира Пастернаков располагалась слева от парадного входа в дом. Мы видим, что планировка квартиры была такова (слева направо вдоль Волхонки): ванная (одно окно), комната братьев Бориса и Александра (два окна), комната сестер Жозефины и Лидии (два окна), комната родителей (два окна), мастерская Леонида Осиповича (два окна). В сумме – девять окон. Пятой комнатой в квартире была гостиная, где стоял рояль Розалии Исидоровны, и где после отъезда родителей за границу поселился Александр Пастернак. В этой комнате Лидия Леонидовна не показала окно, но на фотографии видно, что оно было. То есть всего в квартире было десять окон, как и во сне Юрия Живаго.

ВОЛХОНКА

План расположения комнат в квартире Пастернаков на Волхонке,
 нарисованный А. А. Пастернак в 1970-х годах⁷⁴
 Из собрания Евгения Борисовича Пастернака

*Квартира Пастернаков в доме по ул. Волхонка, 14.
Второй этаж, левая сторона, десять окон от угла. Фрагмент снимка ⁷⁵*

В левом углу плана показана черная лестница, что еще раз подтверждает нашу версию о «доме Лары».

Марина Цветаева, никогда не имевшая за границей собственного жилья, даже во сне видела, что дома нет ни у нее, ни у Бориса Леонидовича, ни общего с ним. Во второй половине сентября 1925 года Марина Ивановна спрашивала Пастернака: «Что у Вас сегодня ночью не звонил телефон? (которого нету) Так это я к Вам во сне звонила. <...> Никто не подошел, но я услышала <вариант: я стояла и слушала> тишину Вашего дома и, быть может, Вашего сна. <...> Отчего все мои сны о Вас – без исключения! – такие короткие и всегда в невозможности. Который раз телефон, который я от всей души презираю и ненавижу, как сместивший переписку, и которым пользуюсь, вкладываю всю брезгливость, внушаемую этим глаголом. А иные разы – не помню, писала ли, улица, снег, переулки. То Вас дома нет, то мы на улице и вообще дома нет, ни Вам, ни мне <вариант: нам вместе>»⁷⁶.

Действие романа, как мы уже говорили в главе «Храм Просвещения», происходит как в вымышленном Юрятине, так и в настоящем, невымышленном. По воле автора Юрий Андреевич и Лара встречались в невымышленном доме на Волхонке, находящемся в настоящем Юрятине – городе Юрия Долгорукого – Москве.

В воспоминаниях Александра Пастернака читаем: «Осенью 1911 года <...> Отцу предложили переехать в новую казенную квартиру на Волхонке. Некогда большой городской участок – почти барская усадьба! – принадлежал князьям Голицыным; теперь же частью его владело Художественное Общество, для нужд Училища Живописи и Ваяния.

Одной своей стороной, четырехэтажным корпусом гостиницы «Княжий двор», большой этот участок выходил в Малый Знаменский переулок; сюда же, на-супротив, выходила боковая стена Музея Изыщных Искусств, ныне музея им. А. С. Пушкина, тогда еще не открытого для публики. К гостинице, по переулку,

примыкал двухэтажный квартирный корпус; он, своим длинным хвостом, загибал на улицу Волхонку. В этом крыле, по второму этажу, была расположена наша новая квартира о семи комнатах <...>»⁷⁷.

«Наша квартира на Волхонке <...> в миниатюре следовала торжественному принципу дворцовых анфилад залов. Тут не залы, а небольшие по существу комнаты были расположены по одной, вдоль уличного фасада, линии; все они были соединены между собою двупольными дверями, одна против другой, также по одной нитке, неподалеку от оконной стены. Стоя в первой комнате, в гостиной, при открытых дверях, можно было, пронизав все шесть комнат – видеть в амбразуре седьмой, последней, перспективное сокращение кого-нибудь, там ставшего. Было красиво, импозантно, но никому не нужно, как любая запоздавшая, излишняя роскошь. <...> Между жилыми комнатами и гостиной разместилась большая зала, ставшая отцовской мастерской»⁷⁸.

«Прихожая, столовая и кухня с большой русской печью выходили окнами во двор и сравнительно с южными большеоконными комнатами казались полутемными»⁷⁹.

Напомним, что Лара вела Юрия Живаго через две комнаты, где были навалены до потолка вещи, в третью, то есть это были проходные комнаты. Из воспоминаний Александра Пастернака мы уже знаем, что так, анфиладой, была устроена их квартира на Волхонке.

Вновь вернемся к тому эпизоду, когда Юрий Живаго шел к Ларе: «К Антиповой было два хода, через парадное с улицы и двором с переулка. Не зная о существовании первого пути, Юрий Андреевич избрал второй»⁸⁰.

Почему автор повел Юрия через «черные сени нижнего этажа»? О том, что черный ход был в доме на Волхонке, Пастернак написал в поэме «Высокая болезнь»:

Трещал мороз, и ведра висли.
Кружились галки, и ворот
Стыдился застуженный год.
Мы были музыкою мысли,
Наружно сохранявшей ход,
Но в стужу превращавшей в лед
Заслякоченный черный ход.

Александр Пастернак так прокомментировал произведение Бориса:

«Как не узнать тут Волхонки <...>. Ведь поэма – за-
портретированная жизнь нашего дома <...> в тот жут-
кий, тифозный год! И лед, и музыка, и черный ход –
и ветры – за что ни возьмись!

«Заслякоченный черный ход!»! Сколько страшных,
сколько грустных, но даже и смешных картин связа-
но с нашим черным ходом! По крутой лестнице, с
трудными забежными, на поворотах, ступенями, мы
таскали дрова, и бревна, и воду – водопровод не ра-
ботал, где-то лопнули трубы. Ведра качались на ходу,
вода расплескивалась, она замерзала на ступенях, еще
более затрудняя подъем. Однажды – и смех и грех –
Боря (или сестра?) поднимался по этим заслякочен-
ным ступеням, держа в руках только что с огня снятую
кастрюлю с горячей бурдой, тогда именовавшей себя
гордо – «супом», но поскользнулся, и суп струями и
водопадом пролился до самого низа! В голодный год –
это было трагично, не до смеха! У нас в тот год печь
на кухне молчала, а все горячее приготавливалось в пер-
вом этаже, у Моти – уборщицы двух смежных квар-
тир <...>»⁸¹.

Здесь мы можем вновь вернуться к разговору Жи-
ваго с Ларой у черного входа в дом. Юрий предложил
донести ведра с водой, но услышал в ответ: «Не дам.
Лестницу заплещете»⁸². Как видим, у Пастернака были
основания вложить эти слова в уста Лары.

Обратим внимание на винтовую «черную лестни-
цу» – крутую, «с трудными забежными, на поворотах,

ступенями» в доме на Волхонке и парадную винтовую в романе. Без сомнения, Пастернак описывает именно эту лестницу из дома на Волхонке, с которой у него было связано много разных бытовых историй.

Рассказывая Дмитрию Петровскому, близкому по своим убеждениям к анархистам, о происходящих в Москве событиях, Пастернак в письме от 6 апреля 1920 года сообщал: «А ужасная зима была здесь в Москве <...>. Очень, очень рано, неожиданно рано выпал снег, в начале октября зима установилась полная. Я словно переродился и пошел дрова воровать у Ч. К., по соседству. Так постепенно сажень натаскал. И еще кое-что в том же духе. – Видите, вот и я – советский стал»⁸³.

Морозы крепчали. Дров не хватало. По ночам братья Пастернаки по черной лестнице «поднимались на чердак и отпиливали концы стропильных стульев»⁸⁴.

О том, как Борис Леонидович виртуозно топил печь, вспоминал Александр Пастернак: «...он в старом, теплом, верблюжьей шерсти свитере, им самим называемом «фуфайкой» – стоит на коленях перед голландкой – он закладывает березовые дрова в хайло, аккуратно и экономно, чтобы они все сразу и ровно сгорали, оставляя золотистый, живой жар, с перебегающими по нему, еще не исчезнувшими синими языками угара. Головешек у него действительно не бывало; мы все любили топить и иметь дело с печами; в них была жизнь и энергия! Но артистичности брата никто из нас не достигал! <...> Но дрова кончались. Приходилось отбирать и экономить топливо. Борис это делал как истый истопник. Как все другое, что он исполнял, он любил и печь топить умно, красиво и быстро»⁸⁵.

Юрий Живаго топил печь так же привычно, мастерски и с любовью, как это делал Пастернак. Даже способ добычи дров тот же – воровство:

«В кухне припасены были дрова, вязанок десять. Юрий Андреевич решил ограбить Лару охапки на две и, став на одно колено, стал набирать дрова на левую

руку. Он перенес их в спальню, сложил у печи, ознакомился с ее устройством и наскоро проверил, в каком она состоянии. <...> Юрий Андреевич стал не спеша растапливать печку.

Накладывая поленья в топку, он увидел метку на брусом срезе одной из плах. С удивлением он узнал ее. Это были следы старого клеймления, две начальные буквы «ка» и «де», обозначавшие на нераспиленных деревьях, с какого они склада. Этими буквами когда-то при Крюгере клеймили концы бревен из Кулабышевской деяны в Варыкине, когда заводы торговали излишками ненужного топливного леса.

В печке с дружным треском бурно разгорались сухие кулабышевские дрова. <...> Он открыл печную заслонку и помешал печь кочергой. Опламенившийся чистый жар он задвинул в самый зад топки, а недогоревшие головешки подгреб к переду, где была сильнее тяга. Некоторое время он не притворял дверцы. Ему доставляло наслаждение чувствовать игру тепла и света на лице и руках. <...> Когда печка истопилась, доктор закрыл трубу и немного закусил»⁸⁶.

На этих двух буквах – «КД» – нужно ненадолго остановиться. Прототипами заводчиков Крюгеров в романе стали купцы и промышленники Ушковы. Они владели не только химическими заводами, рудниками, каменоломнями, речным флотом и многим другим. В обширный список входила и территория размером более полутора тысяч десятин, из которых около девятисот семидесяти занимали хвойные леса в поселке Кокшан. Этот лесной массив Ушковы называли Кокшанской лесной дачей. Поселки Кокшан и Бондюга – прототипы Варыкино, значит и упоминаемый в романе «Доктор Живаго» Варыкинский лес – Кокшанская дача, Кокшанская деяна – КД⁸⁷. Таким образом на одной территории – в доме Лары – по воле автора романа пересекаются настоящий Юрятин (Москва), Париж Марины Цветаевой, а также Варыкино (Кокшан и Бондюга).

Мы нашли в доме на Волхонке винтовую лестницу, по которой ходил доктор Живаго, печь, которую он топил, и можем с уверенностью утверждать, что это и есть тот самый «дом Лары». Нашу гипотезу подкрепляет тот факт, что на Волхонке, 14 жили три женщины, ставшие прототипами Лары: Фанни Збарская, Евгения Лурье и Зинаида Нейгауз.

В сентябре 1918 года, после возвращения из Тихих Гор в Москву, на некоторое время в этом доме поселились Збарские, о чем вспоминал Илья Борисович, их сын: «Я очень хорошо помню этот адрес. Отец многократно повторял мне его, пока я не запомнил – я должен был назвать адрес, если потеряюсь. Над нами, на втором этаже, жила семья Пастернаков: художник Леонид Осипович, его жена, пианистка Розалия Исидоровна, и дети: начинающий поэт Борис, будущий архитектор Александр, дочери Жозефина и Лидия. Наша семья жила в одной большой комнате, разделенной шкафом. Окна выходили в сторону Москва-реки»⁸⁸.

В 1921 году Леонид Осипович и Розалия Исидоровна вместе с обеими дочерьями уехали в Германию. «Там надо было провести курс лечения матери, да и отцу – возможно – следовало бы оперировать глаз, чего в те времена, в Москве, делать не брались»⁸⁹. Думали, что уезжают ненадолго, а оказалось, навсегда.

Братья Пастернаки впервые в жизни остались вдвоем, в квартире, постепенно превратившейся «в коммунальную – с общей уборной и кухней, где каждый (или каждое семейство) пользовался жилой комнатой или комнатами, в зависимости от количества человек в семье». «У нас в конце концов стало жить четырнадцать человек (или четыре совершенно не связанных друг с другом семьи), – вспоминал Александр Пастернак. – На основании этого уплотнения я поселился в бывшей нашей гостиной. Когда я женился и у нас родился сын, мы стали жить с няней сына, уже четвером, в этой комнате – в двенадцать с полови-

ной квадратных метров. Брату же досталась отцовская мастерская – он был уже женат, и его жена, как профессионал-художник, имела право на большую комнату»⁹⁰.

В начале 1922 года Борис Леонидович женился на художнице Евгении Лурье. Молодая семья жила на Волхонке в бывшей мастерской Леонида Осиповича до переезда в 1928 году на новую квартиру.

В октябре 1932 года поэт вновь оказался на Волхонке вместе со своей второй женой Зинаидой Нейгауз. Жил здесь до 1937 года, когда был достроен Дом писателей в Лаврушинском переулке.

На Волхонке, пусть только в романе, оказалась и четвертая женщина – сыгравшая большую роль в творческой судьбе Пастернака Марина Цветаева. Поэтому можно с уверенностью сказать, что автор поселил Лару в своей квартире № 9 на втором этаже в доме на углу Волхонки и Малого Знаменского переулка, и в эту квартиру к ней пришел Юрий Живаго.

«Дом с фигурами»

Теперь, когда мы нашли «дом Лары», можно будет отыскать стоящий напротив него «дом с фигурами». В этом нам поможет рельеф местности, описанный в романе. «Дом с фигурами», а значит, и дом Лары, имел косой, спускавшийся под гору и понижавшийся фундамент⁹¹.

Подсказкой для нас станет и эта фраза автора о доме Лары: «Окно выходило на двор дома, на зады соседних и на городские пустыри у реки»⁹².

Окна квартиры Пастернаков выходили на Волхонку. Перпендикулярно Волхонке «вниз уходил Всехсвятский проезд, упиравшийся в набережную Москва-реки»⁹³. С левой стороны Всехсвятского проезда шли «невзрачный, одноэтажный дом цветочного магазина Эдмонда Бауэра <...> белый четырехэтажный, не блещущий архитектурой, доходный дом Го-

*Слева на снимке – угловой дом по ул. Волхонка, 14.
Справа – дома по Всехсвятскому проезду:
цветочный магазин Эдмонда Бауэра,
доходный дом Головтеевых⁹⁵*

ловтеевых. <...> Правую боковину составляла громада восточной стены собора (храма Христа Спасителя. – *Авт.*)»⁹⁴.

Но более всего внимание братьев привлекало Замоскворечье, они разглядывали его в бинокль: «Всё Замоскворечье, в своем полном разнообразии, красочно рисовалось на фоне неопишуемой красоты изменчивого, живого небосвода!».

Особенности понижения рельефа местности от Волхонки в сторону Москва-реки упомянул Александр Пастернак:

«Волхонка <...> шла по холму, который местами возвышался над уровнем набережной почти что на три метра! Естественные склоны холма, обращенные к реке и к Лесному проезду, <...> были забраны

отвесными подпорными стенами, облицованными, как и берег реки – крупными блоками серого гранита <...>.

Из-за значительного падения отметок уровня Волхонки и набережной проезд (Всехсвятский. – *Авт.*), их связавший, стал, собственно, спуском, прорытым в толще холма – между кварталами домов слева – и площадью Храма справа. Спуск этот, начавшись от Волхонки, шел сначала достаточно полого, но <...> уже приближаясь к реке, проезд круто менял уклон; в этом отрезке он уже вгрызался в тело холма и ущельем выходил на набережную. <...>

Из окон нашего дома весь проезд был виден как на ладони; ось его шла перпендикуляром, напрямик от нашего дома к набережной вдали. Все его особенно-сти, усиленные ракурсом, нами легко читались – особенно же упомянутый перелом уклона»⁹⁶.

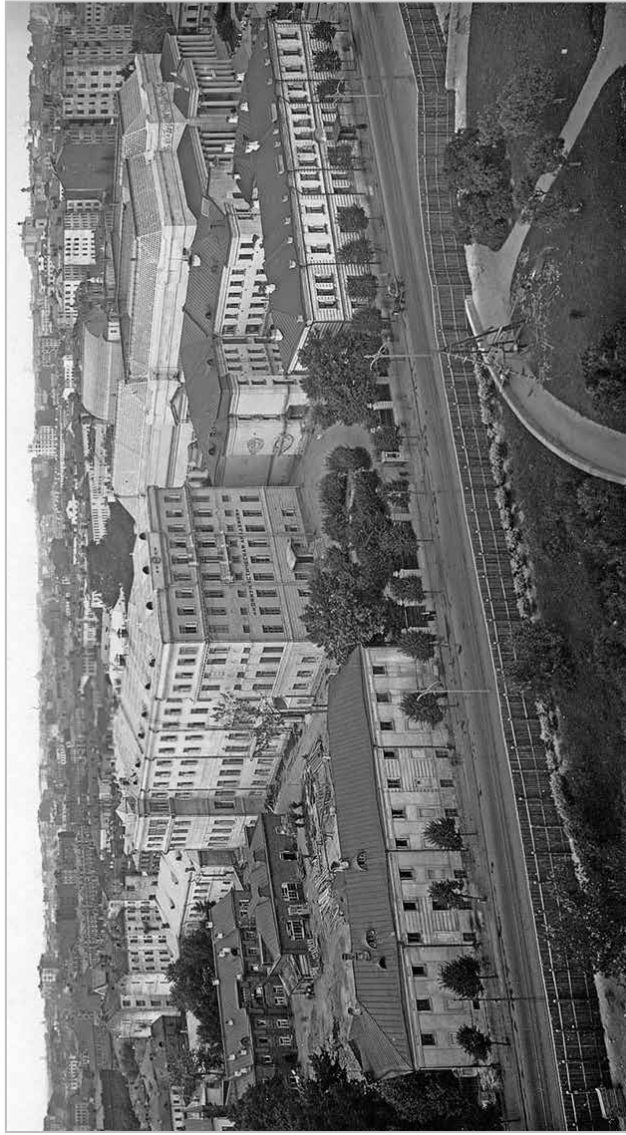
Двухэтажная часть дома, где жили Пастернаки, была снесена в 1960 году, незадолго до смерти Бориса Леонидовича. В четырехэтажной части, что выходит на Знаменку, сейчас находится Галерея искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков, адрес тот же – пастернаковский – Волхонка, 14.

Дом Лары находился «против дома с фигурами»⁹⁸, то есть на противоположном углу – пересечении улицы Купеческой и Новосвалочного переулка. Возможно это – художественный музей, который мы видим на снимке? Но на его фасаде нет «фигур».

Однако предположение, что «дом с фигурами» – художественный музей им. А. С. Пушкина – дает нам ответ на вопрос, почему Пастернак назвал одну из улиц, на которой он стоит, Купеческая.

На строительство музея император Николай II выделил 200 000 рублей, а купчиха Варвара Андреевна Алексеева – 150 000 рублей, правда с условием, что музей будет носить имя императора Александра III.

Купцы и промышленники оплатили не только строительство здания, но и покупку экспонатов для музея.

*На переднем плане в правой части фото здание двухэтажный дом по ул. Волхонка, 14.
За ним четырехэтажная часть этого же дома по Малому Знаменскому переулку.
Далее – Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
Вид с храма Христа Спасителя. 1931 г. ⁹⁷*

Они оплачивали конкретные залы, то есть знали, на что именно дают деньги. Благотворителями стали купцы Иван Михайлович Рукавишников, Михаил Абрамович Морозов, Степан Алексеевич Протопопов, Лазарь Соломонович Поляков, фабрикант Юрий Степанович Нечаев-Мальцов и другие.

Поищем ответ на вопрос о загадочном «доме с фигурами» в переписке Цветаевой и Пастернака.

Получив письмо от сестры Анастасии, Марина Ивановна в начале мая 1933 года сообщала Пастернаку: «Борис, родной, получила от Аси вид Музея с известием о смерти брата. Музей снят сверху, перед ним дом с крестиком: с пометкой: дом, где живет Б. П. – – . И, осознавая всё как-то сразу – приняла тебя, Борис, в свою семью»⁹⁹.

Сын Пастернака, Евгений Борисович, рассказывая о переезде семьи на Волхонку в 2011 году, отметил: «По другой стороне Малого Знаменского готовили к открытию Музей изящных искусств, строительству и комплектованию которого посвятил свои зрелые годы Иван Владимирович Цветаев»¹⁰⁰.

Торжественные церемонии открытия памятника Александру III и на следующий день Музея изящных искусств имени императора Александра III (ныне – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) произошли 30 и 31 мая 1912 года.

Леонид Осипович Пастернак и его сын Александр наблюдали за торжественной церемонией открытия Музея изящных искусств из окон квартиры соседей. Отец рисовал, а Александр сделал «несколько неплохих фотографий с моментов, когда в сад въезжал царский кортеж, когда царь с царицей всходили по лестнице, когда, в отсутствие уже царя, оставшиеся в саду придворные – разодетые в парадные мундиры, камергеры, генералитет – стали вести себя с большей свободой, „без надзора”»¹⁰¹.

*Императорская чета на открытии
Музея изящных искусств имени императора Александра III
31 мая (13 июня) 1912 г. ¹⁰²*

Вероятнее всего, основанный профессором И. В. Цветаевым Государственный музей изобразительных искусств (в 1912 году при открытии получивший название «Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете»), и есть тот самый «дом с фигурами», только фигуры не снаружи, а внутри него.

В романе мы читаем о том, что «домом с фигурами» назывался «темно-серый стального цвета дом с кариазидами и статуями античных муз с бубнами, лирами и масками в руках, выстроенный в прошлом столетии купцом-театралом...» ¹⁰³.

Когда Юрий Живаго, разыскивавший Лару, подошел к «дому с фигурами», ему «на мгновение почудилось», что статуи ожили: «Из дома вышло все женское население на балкон и, перегнувшись через перила, смотрит на него» ¹⁰⁴.

В очерке «Открытие музея», опубликованном в феврале 1934 года в парижском журнале «Встречи» (редактируемом масоном Г. В. Адамовичем),

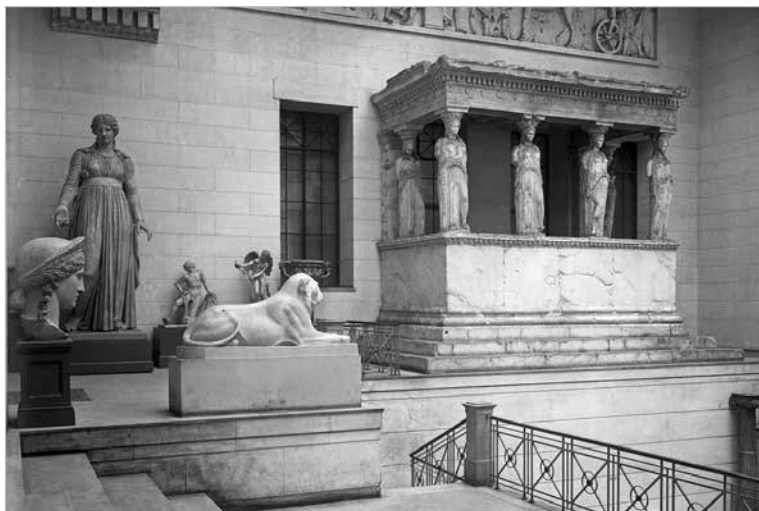
М. И. Цветаева писала: «Смело скажу, что статуи в тот первый день музейного бытия казались живее людей, не только казались, но – были, ибо каждую из них, с живой заботой отлитую мастером, со всей заботой живой любви собственноручно вынимал из стружек мой отец, каждую, с помощью таких же любящих, приученных к любви простых рук, устанавливал на уготованном ей месте, на каждую, отступив: „Хороша!“»¹⁰⁵.

Отметим еще один любопытный момент из очерка М. И. Цветаевой: после окончания молебна, проходившего в Греческом дворике, Государь осматривал залы музея, сопровождаемый И. В. Цветаевым, и следовал за ним, «как по волшебной дудке Крысолова»¹⁰⁶.

Марина Цветаева посылала Пастернаку все свои произведения, поэтому Борис Леонидович, наверняка, был знаком с ее очерком «Открытие музея». На этот очерк ссылается в своих воспоминаниях Александр Пастернак: «Она передала свое ощущение происходящего на ее глазах как столкновение молодой жизнерадостности греческих скульптур с одряхлевшей старостью придворной знати; как полный контраст, где статуи казались более живыми, чем люди, их обступившие. Казалось – или, действительно, были?»¹⁰⁷.

«Женское население» «дома с фигурами» в романе «Доктор Живаго» – это «мифологические кариатиды»¹⁰⁸ в полтора человеческого роста»¹⁰⁹. Таких кариатид мы можем увидеть в одном из самых больших и красивых залов Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина – Греческом дворике, украшением которого является копия южного портика храма Эрехтейон в натуральную величину. Это портик кариатид из так называемой «Цветаевской коллекции слепков».

Портик выполнен в виде балкона, на котором стоят шесть кариатид. Они-то и являются «женским населением» «дома с фигурами» – Государственного музея изобразительных искусств, Цветаевского музея.

*Портик храма Эрехтейон в Государственном музее
изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
Фото из архива ГМИИ*

На парадной лестнице музея посетителей встречает скульптурное изображение музы лирической поэзии Эвтерпы. В залах можно увидеть статуи музы истории Клио, музы танца Терпсихоры. В зале 25, где представлено искусство Древней Италии и Древнего Рима, есть саркофаг с изображением муз (сер. II в. н. э.) из Цветаевской коллекции слепков. Его размер 62х207 см. Подлинник хранится в Лувре.

*Саркофаг с изображением муз (сер. II в. н. э.). Лувр. Париж.
Фото И. Шурыгина ¹¹⁰*

Музы, покровительницы различных видов искусств, изображены со своими атрибутами, которые позволяют узнать в них (слева направо): Каллиопу – покровительницу эпической поэзии (со свитком), Талию – музу комедийного искусства (с маской в руке), Эрато – музу любовной поэзии (ладонью руки опирается на алтарь), Эвтерпу – музу лирической поэзии и музыки (с духовым музыкальным инструментом), Полигимнию – музу торжественных гимнов (локтем опирается на алтарь, слушает спор Эрато и Эвтерпы), Клио – музу исторических разысканий (с книгой), Терпсихору – музу танца (с кифарой), Уранию – музу астрономических знаний (с жезлом и глобусом), Мельпомену – покровительницу трагедии (с театральной маской на голове).

Гипотеза о том, что «дом с фигурами» – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, впервые высказанная нами, кажется нам не только оригинальной, но и перспективной, версия «дом Лары – дом Пастернаков на Волхонке» – убедительной и бесспорной. Эти предположения позволят разгадать и другие тайны романа «Доктор Живаго».

* * *

¹ Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Подгот. текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. С. 291.

² Там же.

³ Там же. С. 292.

⁴ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов / Марина Цветаева, Борис Пастернак; Подгот. текста Е. Б. Коркина и И. Д. Шевеленко. М.: Вагриус, 2004. С. 550–551.

⁵ Новый мир. 1967. № 1. С. 233.

⁶ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 218.

⁷ Цветаева М. И. Неизданное: Сводные тетради / Марина Цветаева. Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко. [Рос. гос. архив лит. и иск-ва; Дом-музей М. Цветаевой]. М.: Эллис Лак, 1997. С. 117.

⁸ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 268.

- ⁹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 291.
- ¹⁰ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 330.
- ¹¹ Там же. С. 169.
- ¹² Там же. С. 221.
- ¹³ Там же. С. 230–235.
- ¹⁴ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 376–377.
- ¹⁵ *Поливанов К. М.* Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // De Visu: [Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал]. М.: Алфавит, 1992. С. 56.
- ¹⁶ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 334.
- ¹⁷ *Цветаева М.* Световой ливень // Эпопея: [Литературный ежемесячник] / Под ред. Андрея Белого; Худ. Л. Лисицкий. Вып. 3. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 12.
- ¹⁸ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 31–32.
- ¹⁹ *Цветаева М. И.* Неизданное: Сводные тетради... С. 119–120.
- ²⁰ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 292.
- ²¹ *Карпачев С. П.* Путеводитель по масонским тайнам. М.: ЦГО, 2003. С. 186.
- ²² Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 219.
- ²³ *Цветаева М. И.* Об искусстве: сб. Предисл. Л. Озерова; Комментар., подгот. текста и имен. указ. Л. Мнухина. М.: Искусство, 1991. С. 243.
- ²⁴ *Цветаева А. И.* Воспоминания. 3-е изд., доп.-е. М.: Сов. писатель, 1984. С. 31–32.
- ²⁵ *Кирк Мак-Натли У.* Масонство. Символы, тайны, учения. М.: Арт-Родник, 2007. С. 160.
- ²⁶ *Карпачев С. П.* Путеводитель по масонским тайнам... С. 184.
- ²⁷ *Уилмхерст У. Л.* Масонское посвящение // *Гендель М.* Мистерии розенкрейцеров: [Эзотер. знание: Пер. с англ.] / Макс Гендель. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 596.
- ²⁸ *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем / Пер. с итал. В. П. Гайдука; Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой. М.: Прогресс, 1990. С. 18.
- ²⁹ *Уилмхерст У. Л.* Масонское посвящение... С. 540–541.
- ³⁰ Там же. С. 534.
- ³¹ Стихотворный цикл «Тема с вариациями», посвященный Пастернаком Пушкину, в первой публикации (альманах «Круг», 1923) носил название «Стихи о Пушкине».
- ³² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 290.
- ³³ Там же. С. 289.

- ³⁴ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 119.
- ³⁵ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 293.
- ³⁶ *Морамарко М.* Массонство в прошлом и настоящем... С. 31.
- ³⁷ *Цветаева М. И.* Лестница // Воля России: [Журнал политики и культуры]. Прага, 1926. № 11. С. 32.
- ³⁸ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 23.
- ³⁹ Там же. С. 186.
- ⁴⁰ Там же. С. 358.
- ⁴¹ Там же. С. 120.
- ⁴² *Цветаева М. И.* Лестница... С. 32–35.
- ⁴³ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 263–264.
- ⁴⁴ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 292.
- ⁴⁵ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 440.
- ⁴⁶ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 373.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Уилмхерст У. Л.* Массонское посвящение... Познание себя. 7–8 абзац.
- ⁴⁹ *Пайк А.* Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества. В 3-х т. Т. 1 / Альберт Пайк; [Пер. с англ. Е. Л. Кузьмишина]. М.: Ганга, 2007. С. 13.
- ⁵⁰ *Фатеева Н. А.* О том, как живет и работает пастернаковская лестница: К вопросу о феминизации пространства в художественном мире Бориса Пастернака // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака [текст] / Отв. ред. В. В. Абашев; Пермский гос. ун-т; Ин-т мировой культуры Московского гос. ун-та; Науч. совет «История мировой культуры» РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 160.
- ⁵¹ *Уилмхерст У. Л.* Массонское посвящение... С. 614–616.
- ⁵² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 293.
- ⁵³ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 208.
- ⁵⁴ *Морамарко М.* Массонство в прошлом и настоящем... С. 59.
- ⁵⁵ *Цветаева М. И.* Собр. соч. В 7-ми т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М.: Эллис Лак, 1994. С. 356.
- ⁵⁶ *Карпачев С. П.* Путеводитель по массонским тайнам... С. 213.
- ⁵⁷ *Цветаева М. И.* Тезей (трагедия) // Версты. Париж, 1927. № 2. С. 36.
- ⁵⁸ Энциклопедический словарь символов / Авт.-сост. Н. А. Истомина. М.: АСТ, Астрель, 2003. С. 443.

- ⁵⁹ *Морамарко М.* Массонство в прошлом и настоящем... С. 94.
- ⁶⁰ *Карпачев С. П.* Путеводитель по масонским тайнам... С. 190, 224.
- ⁶¹ *Морамарко М.* Массонство в прошлом и настоящем... С. 58.
- ⁶² *Цветаева М.* Световой ливень... С. 16–17.
- ⁶³ *Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов...* С. 36–37.
- ⁶⁴ Там же. С. 581.
- ⁶⁵ Там же. С. 148.
- ⁶⁶ *Карпачев С. П.* Путеводитель по масонским тайнам... С. 153.
- ⁶⁷ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 292.
- ⁶⁸ *Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов...* С. 159.
- ⁶⁹ Там же. С. 403.
- ⁷⁰ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 387.
- ⁷¹ *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. Т. IV. Доктор Живаго. 1945–1955 / Борис Пастернак; Сост., коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 619.
- ⁷² *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs. München, Paderborn, Wien, Zürich: Wilhelm Fink Verlag/Verlag Ferdinand Schöningh, 1983. С. 273–275.
- ⁷³ *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии / Е. Пастернак. М.: Сов. писатель, 1989. С. 145.
- ⁷⁴ Борис Пастернак: Биографический альбом / Boris Pasternak / Biographical Album. М., 2007.
- ⁷⁵ <http://pastvu.com/p/38437> uploaded by Mihalych.
- ⁷⁶ *Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов...* С. 126.
- ⁷⁷ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 273.
- ⁷⁸ Там же. С. 259.
- ⁷⁹ *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии... С. 144–146.
- ⁸⁰ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 291.
- ⁸¹ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 262.
- ⁸² *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 292.
- ⁸³ Борис Пастернак – Дмитрию Петровскому // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 6.
- ⁸⁴ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 260.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 383–384, 386–387.

- ⁸⁷ *Артёмов С. А., Артёмова И. В.* Тихогорские реалии «Доктора Живаго» // VII Всероссийская научная конференция «Ушковские чтения»: материалы научной конференции. Казань: Омега, 2012. С. 94–95.
- ⁸⁸ *Збарский И. Б.* Объект № 1 / Илья Збарский. М.: Вагриус, 2000. С. 18.
- ⁸⁹ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 263.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 290.
- ⁹² Там же. С. 293.
- ⁹³ *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии... С. 145.
- ⁹⁴ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 276.
- ⁹⁵ <http://pastvu.com/p/16456>.
- ⁹⁶ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 277–278.
- ⁹⁷ <http://pastvu.com/p/38437> uploaded by Mihalych.
- ⁹⁸ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 290.
- ⁹⁹ Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов... С. 542.
- ¹⁰⁰ *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии... С. 145.
- ¹⁰¹ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 282.
- ¹⁰² Фото: РГАКФД / Росинформ / Коммерсантъ.
- ¹⁰³ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 290.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 291.
- ¹⁰⁵ *Цветаева М. И.* Открытие музея // Встречи / Rencontres / Vstretchi. Париж, 1934. № 2. С. 70; *Цветаева М. И.* Об искусстве: [сборник] / [Предисл. Л. Озерова; Коммент., подгот. текста и имен. указ. Л. Мнухина]. М.: Искусство, 1991. С. 249–250.
- ¹⁰⁶ *Цветаева М. И.* Открытие музея // Встречи / Rencontres / Vstretchi... С. 71.
- ¹⁰⁷ *Пастернак А. Л.* Воспоминания = Memoirs... С. 282.
- ¹⁰⁸ Кариатиды – статуи одетых женщин, введенные в употребление древнегреческим зодчеством для поддержки антаблемента, заменявшие собой колонну или пилястру.
- ¹⁰⁹ *Пастернак Б. Л.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман... С. 291.
- ¹¹⁰ <http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=5273>.

Содержание

ВАРЫКИНО КАК СУДЬБА	3
ПРЕДАНИЕ О «СОБАЧЬЕЙ ГОРЕ»	49
ВАРЫКИНСКАЯ МУЗА ПАСТЕРНАКА.....	75
«КРАСНЫЙ» МИЛЛИОНЕР	113
ХРАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ	149
ТАЙНА «ДОМА ЛАРЫ»	173
ТАИНСТВЕННЫЙ ЕВГРАФ.....	217
«БРАТ» И ЕГО «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ»	295
РЕАБИЛИТАЦИЯ КОМАРОВСКОГО	347
ЛИДЕР МОСКОВСКИХ ТЕОСОФОВ.....	407
«ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ, ЛЬВИНАЯ ГРИВА»	425

Научно-популярное издание

Ирина Витальевна Артёмова, Сергей Алексеевич Артёмов

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮРЯТИН

Прототипы и прообразы романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»

Литературно-историческое исследование

В двух томах

Т. 1

Артёмовы И. В. и С. А.

А 86 ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮРЯТИН: Литературно-историческое исследование: В 2-х т. Т. 1/Ред. И. В. Артёмова. – Менделеевск, М.: Артёмовы. Собственное издание, 2020. – 456 с.

ISBN 978-5-600-02709-1

Редактор И. В. Артёмова

Обложка, коллажи – А. С. Артёмова

Верстка, дизайн, допечатная обработка фотографий – Д. Н. Лушникова

Корректор О. А. Кирьянова

Благодарим тех, кто помог нам в издании этой книги, предоставив необходимые материалы: хранительницу архива семьи Герцык-Жуковских Т. Н. Жуковскую, директора музея-заповедника «Судакская крепость» С. Г. Емец, научного сотрудника ГИИ С. Б. Потёмкину, А. И. Збарского, Л. А. Збарскую, сотрудников Дома-музея Бориса Пастернака (Переделкино). Спасибо Г. М. Зайдель (галерея «Зайдель», Кёльн) за подготовку и проведение в Германии, России и Португалии выставки художников «Возвращение в Юрятин». Особая благодарность людям, без которых издание этой книги было бы невозможно: И. Х. Губайдуллиной, Н. Р. Потаповой, В. А. Аничкину, О. В. Первиной, А. В. Збарскому, З. А. Морозовой.

Подписано в печать 30.05.2020. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «VannikovaS». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 28,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Артёмовы. Собственное издание.

E-mail: artemova_59@mail.ru.

Тел. 8-919-46-106-16

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».

620990, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Ленина, 496